

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Выпуск I

Тамбов
2014

УДК 23/28
ББК 86.372я5
Б 74

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС Р14-412-1222

*Главный редактор, председатель редакционного совета
митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии, кандидат богословия*

Редакционная коллегия:

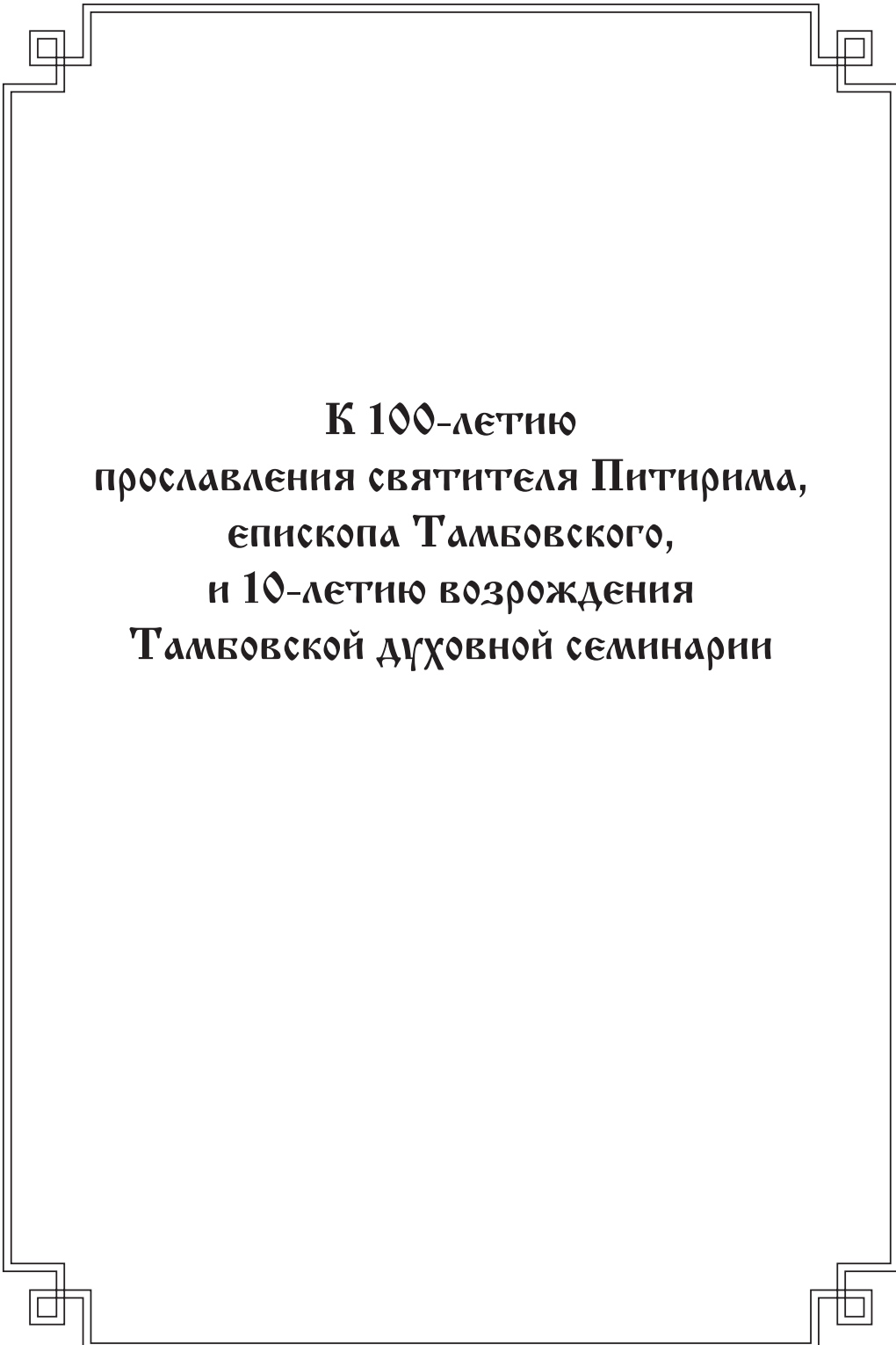
протоиерей Владимир КЛЕНИН, секретарь Ученого совета,
заведующий кафедрой богословия;
протоиерей Владимир СЕРГУНИН, первый проректор Тамбовской
духовной семинарии;
протоиерей Виктор ЛИСЮНИН, проректор по учебной работе,
кандидат исторических наук;
протоиерей Петр ЛУКИН, заведующий кафедрой библеистики;
священник Антоний ЛОЗОВСКИЙ, проректор по научной работе;
В.Д. ОРЛОВА, преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент;
Л.Ю. ЕВТИХИЕВА, преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат филологических наук, доцент;
О.Ю. ЛЕВИН, преподаватель Тамбовской духовной семинарии;
М.А. КЛИМКОВА, преподаватель Тамбовской духовной семинарии.

Б 74 Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии.
Выпуск I. – Тамбов : ОАО «Издательский дом «Мичуринск»,
2014. – 280 с.

УДК 23/28
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-98429-191-0

© Тамбовская духовная семинария, 2014
© ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014

**К 100-летию
прославления святителя Питирима,
епископа Тамбовского,
и 10-летию возрождения
Тамбовской духовной семинарии**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем читателям первый номер периодического издания «Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии», выпускаемый в свет в год празднования 100-летия со дня канонизации святителя Пифирима, который многое сделал для духовного просвещения Тамбовского края и заложил основы православных традиций. Публикация сборника совпадает с 10-летием возрождения Тамбовской духовной семинарии.

Опыта подобной научно-издательской работы семинария ни в прошлом, ни в настоящее время не имела.

В сборник входят в основном статьи преподавателей и выпускников семинарии, посвященные истории Русской Православной Церкви, богословию, церковным видам искусства (архитектуре, иконописи, скульптуре, богослужебным текстам и пению) и другим важнейшим темам, связанным с методикой преподавания в духовных школах, богослужением, пастырской деятельностью и жизнью общества. Большое внимание уделяется истории Тамбовской семинарии и вопросам духовного образования, а также истории и культуре Тамбовской епархии.

Надеемся, что сборник будет способствовать консолидации научных сил Тамбовской духовной семинарии и обретет долголетие. Мы также полагаем, что публикуемые в нем материалы будут отражать не только учебный процесс, но и влиять на него, помогая совершенствовать методы и формы образования. Хотелось бы, чтобы статьи «Богословского сборника» были полезны как специалистам в области духовного образования и воспитания, так и читателям, которые интересуются родными традициями, отечественной историей, краеведением, церковной археологией.

Пожелаем новому изданию Божьей помощи, вдумчивого, доброго читателя и долгого пути!

*Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии*

Тамбовская духовная семинария (краткая историческая справка)

Тамбовская духовная семинария имеет богатую историю. В XIX – начале XX века она являлась культурным, духовно-просветительским центром Тамбовской губернии. Семинарская домовая церковь в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия была местом проведения городских торжественных служб по случаю празднования Дня славянских просветителей (24 мая н. ст.). В Тамбовской семинарии собирались воспитанники и преподаватели всех учебных заведений города, когда проводились праздники, посвященные завершению учебного года, юбилейным датам и дням памяти особо чтимых святых, государственных деятелей и просветителей России. Семинарская библиотека представляла собой одно из лучших книжных собраний губернии того времени. В ее фонде хранилось ценнейшее собрание церковно-богословского содержания, подаренное митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским), бывшим воспитанником Тамбовской семинарии, а также собрания книг многих именитых дворян и меценатов губернии.

К началу XX века Тамбовская духовная семинария считалась одной из самых крупных семинарий Российской империи. К 1911 году в ней обучалось от 550 до 600 воспитанников, из них 205 содержались за казенный счет; 100 человек размещались в общежитии, остальные жили на частных квартирах. Помимо казенных и епархиальных средств, на содержание параллельных классов, больницы, классов музыки и иконописания ежегодно собирало деньги духовенство Тамбовской епархии.

Миссионерская деятельность будущих священнослужителей требовала знания языков местного населения. В этой связи с 1818 года в семинарскую программу было введено обучение мордовскому и татарскому языкам. С середины XIX века, кроме предметов богословского курса, в Тамбовской духовной семинарии преподавались: немецкий, французский, татарский, мордовский и древние языки; всеобщая и церковная история, математика и физика; читались лекции по естественной истории, медицине и сельскому хозяйству; как факультатив существовал класс иконописи. Систему знаний по прикладным наукам (пчеловодству, садоводству, огородничеству, столярному ремеслу) давали семи-

наристам разнообразные лекции, посещение которых было доступно для всех жителей Тамбова. Семинаристы должны были уметь формировать на приходах библиотеки; для этого они изучали переплетное дело. Немалое значение в Тамбовской духовной семинарии придавалось хоровому пению и общему музыкальному развитию. В начале XX века в ней существовало 14 богослужебных хоров; многие выпускники пели в составе большого архиерейского хора.

Из стен Тамбовской духовной семинарии вышли многие известные церковные и общественные деятели. Семинарию окончили: преподобный Амвросий Оптинский, священномученик Владимир (Богоявленский) митрополит Киевский, митрополит Антоний (Вадковский), митрополит Вениамин (Федченков), будущий глава Русской Православной Церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский), епископ Михаил (Грибановский). Среди выпускников семинарии были выдающиеся деятели церковной науки: протоиерей Г. Хитров, И. Сладкопевцев, С. Вадковский, А. Нечаев, тамбовские краеведы протоиерей С. Березнеговский, И. Дубасов и известный русский литератор А. Левитов.

В 1918 году Тамбовская духовная семинария была закрыта и не действовала почти три четверти века.

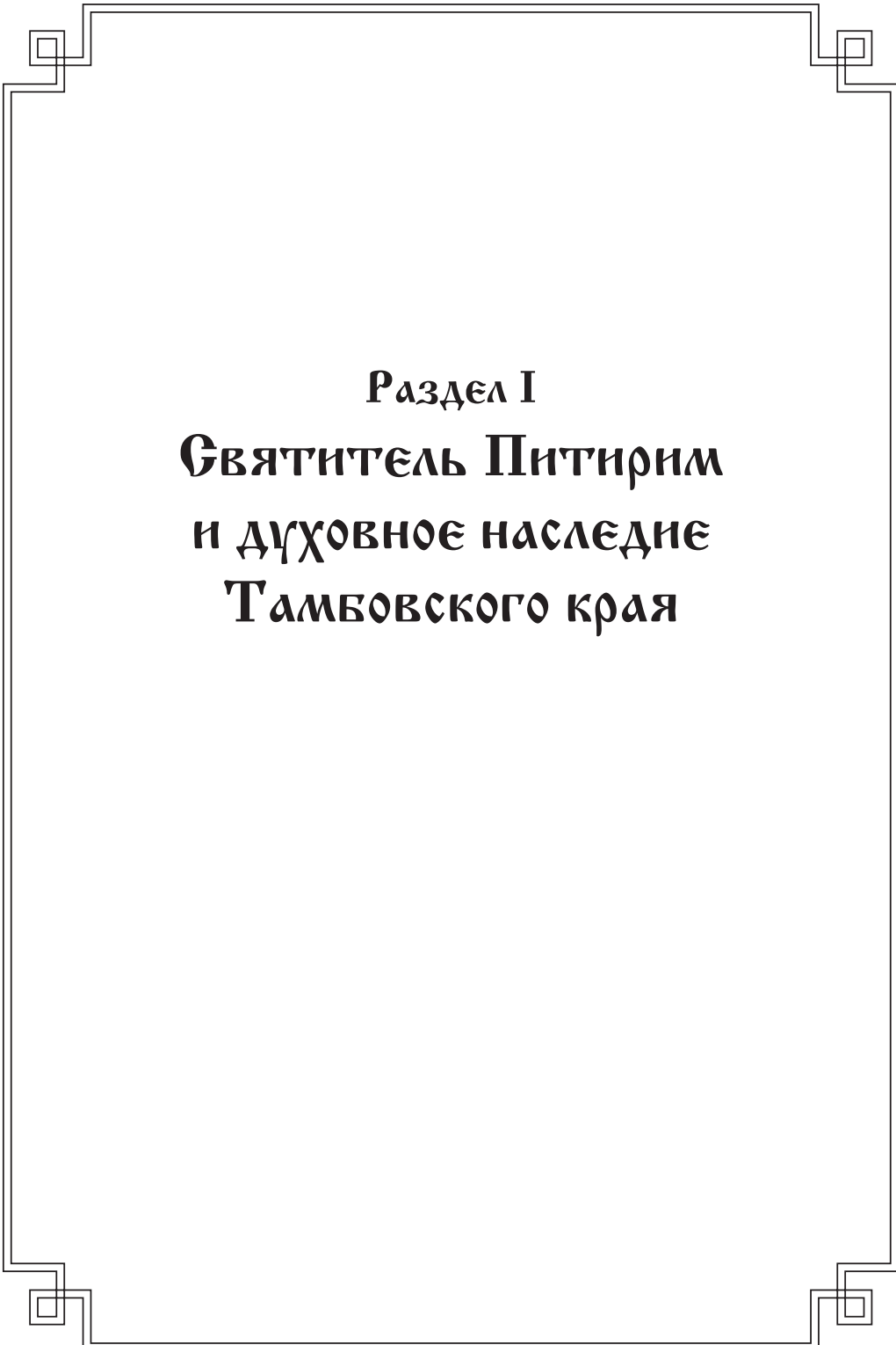
В 1992 году в здании бывшего архиерейского дома при Казанском мужском монастыре города Тамбова были организованы духовно-пастырские курсы. В 1996 году они были переведены на двухгодичный срок обучения, а в 1999 году решением Священного Синода преобразованы в Тамбовское духовное училище с трехгодичным сроком обучения. 27 декабря 1999 года им был получен статус юридического лица (свидетельство о регистрации № 2136). В 2003 году училище успешно прошло инспекционную проверку, которая была осуществлена комиссией Учебного комитета Русской Православной Церкви. В 2004 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II оно перешло на четырехгодичный срок обучения.

В марте 2005 года состоялась повторная инспекционная проверка училища, по результатам которой 20 апреля 2005 года решением Священного Синода учебное заведение было преобразовано в семинарию. Ректором семинарии был назначен епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий (Васнев). Этот день считается днем возрождения семинарии.

В 2007 году Тамбовская семинария, действующая на основании Устава, получила Лицензию (Серия А № 283239) с регистрационным № 9560 от 30 ноября 2007 года, устанавливающую, что Православная религиозная организация – учреждение высшего профессионального религиозного образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской Православной Церкви» имеет право осуществления образовательной деятельности.

10 ноября 2011 года Тамбовская духовная семинария получила бессрочную лицензию на право ведения образовательной деятельности. В настоящее время она является высшим духовно-учебным заведением (закрытого типа) Русской Православной Церкви. Со дня возрождения ее бессменно возглавляет ректор – епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий (с 3 января 2013 года – митрополит Тамбовский и Рассказовский).

Семинария располагается на территории Казанского мужского монастыря города Тамбова, в бывшем архиерейском доме. Здесь же находится общежитие для проживания студентов. При семинарии действует домовый храм в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; оборудован актовый зал на 150 мест, трапезная на 100 человек, компьютерный класс. В 2012/2013 учебном году площадь семинарии значительно расширена за счет передачи для Тамбовской епархии здания бывшей школы № 32 города Тамбова, расположенной на территории Казанского монастыря. В этом здании разместились спортивный зал и богословско-историческая библиотека, фонд которой насчитывает 45 000 экземпляров книг, учебных пособий, научных периодических изданий и электронных носителей информации.

Раздел I
**Святитель Питирим
и духовное наследие
Тамбовского края**

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии,
кандидат богословия

Причисление святителя Питирима к сонму святых в 1914 году. Подготовка к торжествам прославления и их проведение

В 2014 году исполняется 100 лет со времени прославления святителя Питирима, когда Бог, «дивный во святых Своих», явил миру нового угодника через многочисленные случаи чудесного исцеления на месте его погребения в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Тамбова.

Епископ Питирим родился в городе Вязьме в 1645 году. На Тамбовскую кафедру его назначил Патриарх Иоаким в 1685 году – через три года после образования епархии в 1682 году. Скончался святитель в 1698 году и был похоронен в Никольском приделе недостроенного Спасо-Преображенского собора, начало которому он положил в 1694 году. Молитвы на месте погребения епископа Питирима совершались со дня его кончины. Жители губернии хорошо помнили его жертвенные труды по обустройству епархии, созиданию духовно-нравственной жизни, возведению храмов, устройению обителей. Тепло и любовь народа к своему архипастырю не ослабевали никогда. Об этом свидетельствует составитель первого жизнеописания святителя С.П. Преображенский, который в 1861 году в «Кратком очерке жизни Преосвященного Питирима, 2-го епископа Тамбовского» писал: «Со дня смерти святителя и доселе не умолкаемо совершались и совершаются панихиды при гробе его благочестивыми чтилителями святой его памяти. Особенно два раза в году бывает значительное стечение народа при гробе святителя: в день Вознесения Господня и в день его кончины, 28 июля. Из разных уездов Тамбовской епархии, целыми тысячами стекаются благочестивые богомольцы ко дню Вознесения Господня... начиная со вторника до дня Вознесения включительно, с раннего утра до поздней ночи наполняют собор и служат панихиды по святителе Божиим, при гробе его. Еще торжественнее и величествен-

нее бывает собрание в день памяти святителя 28 июля... Несмотря на вместимость собора, особенно за позднюю литургией, стечение народа бывает так велико, что верхний и нижний храм, паперти, крыльце и лестницы с нижнего в верхний этаж набиваются битком, и за всем тем недостает места для богомольцев»¹.

В конце XVIII – начале XIX века на гробнице в Спасо-Преображенском соборе начали совершаться чудеса исцелений. В 1832 году по благословению епископа Тамбовского и Шацкого Арсения (Москвина) в соборе появилась особая книга под названием «Описание чудес святителя Питирима, второго епископа Тамбовского», куда духовенство записывало чудеса, совершавшиеся у гроба. Несомненно, до Преосвященного Арсения доходили рассказы о почитании святителя благочестивым народом и о случаях его благодатной помощи, поэтому он распорядился фиксировать все чудеса и сведения, указывающие на святость епископа Питирима, что придавало чудесам церковный авторитет и способствовало его широкой известности. Возможно, что поводом для такого решения епископа Арсения стало торжественное прославление святителя Митрофана Воронежского, друга и сподвижника епископа Питирима, состоявшееся в 1832 году. Святитель Митрофан неоднократно указывал на Тамбовского архипастыря как на подвижника, усердные молитвы которого слышит Бог. Так, в 1843 году у помещицы Курской губернии Марфы Михайловны Бибиковой после сильного удара отнялись ноги. Она слезно молилась святителю Митрофану Воронежскому, который явился ей в сонном видении и сказал, что она получит исцеление, но не от него, а от угодника Божия Питирима. В июне 1843 года помещица посетила город Тамбов, и после ее усердных молитв на гробнице епископа Питирима болезнь отступила. Исполненная благодарности за исцеление, она «хотела устроить над его гробницею великолепный балдахин, как над угодником Божиим, но преосвященный Николай не дозволил ей. Потом г-жа Бибикова, не оставя своего усердия, устроила на гробницу высеребренную доску с изображением святителя, в одной руке держащего крест, а в другой Евангелие, и вместе с тем пожертвовала на гробницу бархатное с серебряными кистями покрывало»².

¹ ТЕВ. 1861. № 27. С. 5-6.

² Самбикин Д., священник. Святитель Питирим, второй епископ Тамбовский. Воронеж, 1872. С. 26.

В первой части книги «Описание чудес...», которая охватывает период с 1832 по 1867 год, собраны сведения о 148 чудесах. Каждый день, а иногда и по несколько раз в день, на гробнице епископа служились заказные панихиды. Страждущие получали исцеления от болезней порой в безнадежных случаях. К святителю Питириму обращались не только жители Тамбовской губернии. По его молитвам получали исцеление жители городов и сел, расположенных за сотни верст от Тамбова. Иногда к святителю обращались и представители других христианских конфессий. Протестант Михаил Ранг, «наслышавшись от многих о чудесных исцелениях»³, происходящих у гроба святителя, обратился к нему с молитвой исцелить тяжело болящего трехлетнего сына, после чего его сын выздоровел.

Часто во время богослужений страдавшие каким-то недугом люди полагали на гробницу святителя платки, брали масло из лампы, висевшей над местом его упокоения, воск от свечи, горевшей во время панихиды. Когда же они помазывали больное место маслом, прикасались к нему кусочком воска, прикладывали платок с гробницы, то получали исцеление. Полежавшие на гробнице платки в течение длительного времени источали благоухание. Иногда большое покрывало с гробницы разрешали доставить больным домой, которые в благодарность изготавливали новые покрывала и жертвовали их в собор. «Описание чудес...» показывает, что люди прибегали к молитвенной помощи святителя Питирима тогда, когда никакие медицинские средства и усилия врачей не помогали. Получившие исцеление сообщали об этом соборным клирикам и тем самым содействовали распространению почитания и прославлению угодника Божия.

В XIX веке в Тамбовской губернии начали писать портреты святителя Питирима. Их можно было приобрести в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Тамбова. В 1857 году монахиня девичьего монастыря Смоленской губернии «отправилась из Тамбова в свой монастырь, позаботившись предварительно отыскать для себя портрет исцелившего ее угодника Божия Питирима»⁴. Это является свидетельством почитания святителя еще до его причисления к лику святых.

³ ТОКМ. Описание чудес святителя Питирима, второго епископа Тамбовского. Рукопись. ЛЛ. 143–147.

⁴ Там же. ЛЛ. 202–204.

Во второй половине XIX века благодетели наиболее активно стали украшать место упокоения святителя в соборе. В 1876 году на деньги неизвестных жертвователей была изготовлена новая деревянная гробница, покрытая серебряной вызолоченной доской и украшенная разноцветной эмалью и выпуклым изображением епископа Питирима. Один из жизнеописателей святителя, Н. Молчанов, сообщает о важном событии, произошедшем при епископе Тамбовском и Шацком Палладии (Ганкевиче). Он пишет, что «осенью 1882 года над гробницею святителя Питирима в нижнем соборе поставлен величественный и красивый хрустальный балдахин. Последний явился, как плод усердия и благоговения к святителю жившей в Тамбове госпожи Панкевич»⁵. На саму гробницу в это время положили дорогой покров, крест, Евангелие и зашитую в церковную пелену мантию святителя, которую стали часто носить по домам горожан и возлагать на больных. Рядом с гробницей у южной стены собора в особом киоте под стеклом хранили его фелонь. К 1898 году в книге «Описание чудес...» было записано 240 случаев помощи по молитвам святителя.

К концу XIX века в Спасо-Преображенском кафедральном соборе сложился определенный порядок празднования дня памяти святителя Питирима, как об этом свидетельствуют «Тамбовские епархиальные ведомости». В 1892 году в день его памяти, 28 июля (10 августа по н. ст.), епископом Тамбовским и Шацким Иеронимом (Экземплярским) в соборе была отслужена Литургия, на которой присутствовал Тамбовский губернатор барон В.П. Рокасовский. По окончании Литургии, «при участии всего городского духовенства, совершена панихида над ракою почившего святителя и потом на соборной площади молебствие... По окончании молебствия совершен крестный ход на колодезь, по преданию выкопанный святителем Питиримом, для водоосвящения, а затем было благословение и окропление скромной трапезы для бедных, устрояемой в этот день благочестивым усердием почитателей памяти святителя»⁶.

Особенно торжественно отмечалась память святителя Питирима в 1898 году, когда исполнилось 200 лет со дня его кончи-

⁵ Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского / Сост. Н. М.-в. Тамбов, 1914. С. 126.

⁶ ТЕВ. 1892. № 17. С. 724–725.

ны. За год до этого соборное духовенство обратилось к епископу Тамбовскому и Шацкому Александру (Богданову) с прошением ходатайствовать перед Святейшим Синодом о торжественном проведении указанного юбилея. К прошению приложили подробный церемониал празднования 200-летия. Перед юбилеем озаботились составлением подробного жития святителя, для чего предполагалось образовать комиссию. Однако, исследовав вопрос, пришли к выводу, что понадобится проделать большую работу по сбору всех источников о его жизни, на что уже не оставалось времени. В результате ключарем собора протоиереем Михаилом Озеровым было составлено краткое житие, изданное тиражом в 20 000 экземпляров. Также «предпринято было ускорить для представления Святейшему Синоду, начатое уже по распоряжению епархиального начальства обследование чудес, совершившихся по благодатной помощи угодника Божия Питирима за самое позднейшее время, каковых чудес и было обследовано 12»⁷.

18 мая 1898 года последовал указ Святейшего Синода за № 2546, разрешавший совершить молитвенное чествование святителя Питирима. На торжественные богослужения верующие прибыли со всей епархии, так что в соборе не хватило места, и люди молились на соборной площади. Некоторые «оставались у собора на всю ночь, расположившись здесь на ночное отдохновение или в приготовленном для поминальной трапезы шатре, или просто на голой земле в ограде собора и близ колокольни»⁸. 1898 год стал своеобразной репетицией торжеств, которые состоялись через 16 лет при канонизации святителя, и именно этот год можно считать началом активной подготовки к прославлению в лике святых епископа Питирима.

1 ноября 1911 года в Спасо-Преображенском кафедральном соборе было устроено всенародное моление и заупокойная литургия по святителю Питириму. Жители города просили архиепископа Тамбовского и Шацкого Кирилла (Смирнова) ходатайствовать перед Святейшим Синодом о причислении святителя Питирима к лику святых Русской Православной Церкви. Ходатайство было поддержано архиепископом Кириллом – истинным почитателем святителя, городской управой и управами других городов Тамбов-

⁷ ТЕВ. 1898. № 32. С. 835.

⁸ Там же. С. 837.

ской губернии. Современник тех событий писал тогда в епархиальных ведомостях: «С трепетом ждут тамбовцы – когда-то Господь пошлет осуществиться желанию тамбовцев – причисления к лику святых угодника Питирима»⁹. Можно предположить, что определенную роль в деле прославления святителя сыграл и тот факт, что во время участия в сессии Святейшего Синода 28 февраля 1912 года архиепископ Кирилл был представлен Императору Николаю II и лично мог высказать ему намерение о прославлении святителя Питирима. Святейший Синод удовлетворил ходатайство архиепископа Кирилла и принял решение об организации специальной комиссии для исследования чудес по молитвам к святителю Питириму. Комиссия под председательством архиепископа Кирилла приступила к работе 27 июня 1912 года. В ее состав вошли представители духовенства, полицейские чины, члены городской управы и представители приходов. Открывая работу комиссии, архиепископ Кирилл отметил, «что от успешного выполнения этой задачи будет зависеть дальнейшее благоприятное течение дела о прославлении святителя Питирима»¹⁰. Комиссия исследовала 52 случая исцелений, из них 34 случая выздоровления признаны «полученными через молитвы и заступление угодника и святителя Божия Питирима»¹¹. 14 января 1913 года комиссия завершила работу и представила протоколы заседаний на рассмотрение Святейшего Синода. 13 июня 1913 года последовал доклад Синода Императору Николаю II о признании в лике святых «почившего Питирима епископа Тамбовского», о торжественном прославлении его 28 июля 1914 года, о составлении ему особой службы и о всенародном объявлении об этом событии. Изучив доклад, Император написал на нем такую резолюцию: «Согласен. Прочел с чувством истинной радости и умиления. 28 июня 1913 года»¹².

18 июля 1913 года последовал указ Императора за № 11257 о том, что «почившего Питирима, епископа Тамбовского, признать в лике святых благодатию Божиею прославленных, оставив всечестные останки его под спудом, на месте их упокоения»¹³. Свя-

⁹ ТЕВ. 1911. № 45. С. 1145.

¹⁰ Протоколы Особой комиссии по исследованию случаев чудотворений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству святителя Питирима. Тамбов, 1913. С. 2.

¹¹ Там же. С. 219.

¹² ТЕВ. 1914. № 5. С. 130.

тейшим Синодом указ был направлен архиепископу Тамбовскому и Шацкому Кириллу (Смирнову). 25 января 1914 года в «Тамбовских епархиальных ведомостях» опубликовали «Деяние Святейшего Синода», в котором, в частности, говорилось: «Во блаженной памяти почившего Питирима, епископа Тамбовского, причислить в лике святых благодатию Божиею прославленных, оставив честные останки его под спудом на месте упокоения»¹⁴. Святейший Синод установил дату торжественного прославления – 28 июля 1914 года по ст. ст. (10 августа по н. ст.). Спустя четыре месяца после этого, 12 мая 1914 года, на имя архиепископа Кирилла поступил указ Императора из Святейшего Синода «о разрешении при предстоящем прославлении святителя Питирима Тамбовского чудотворца, изнести из земли честные его останки и положить их в особый гроб и раку, для благоговейного поклонения верующих»¹⁵.

Получив из Святейшего Синода указ императора, архиепископ Кирилл через «Тамбовские епархиальные ведомости» обратился с призывом включиться в подготовку предстоящих торжеств. Начался сбор средств, в котором приняли участие все сословия губернии. В короткий срок было собрано свыше 16 000 рублей. Активное участие во всех вопросах, связанных с прославлением святителя, приняла Александра Николаевна Нарышкина, ставшая ближайшей помощницей архиепископа Кирилла в деле подготовки к торжествам. Она лично пожертвовала свыше 10 000 рублей. Щедрое пожертвование поступило и от членов императорской фамилии.

Ко дню прославления составили два акафиста святителю Питириму. Автором одного из них являлся протоиерей Василий Петрович Тигров, другой написал тамбовский поэт Иван Андреевич Аносов. Комиссия по подготовке торжеств одобрила акафист, составленный протоиереем Василием Тигровым, который и в настоящее время используется за общественными богослужениями в храмах и в келейных молитвах. Следует отметить, что написанный И.А. Аносовым акафист комиссия по каким-то причинам не приняла, однако в 1916 году он был опубликован в «Богословском вестнике»¹⁶. Известно, что этот акафист высоко оценили ректор

¹³ ТЕВ. 1913. № 30. С. 824.

¹⁴ ТЕВ. 1914. № 5. С. 130.

¹⁵ ТЕВ. 1914. № 20. С. 630.

¹⁶ Вопросы философии. М, 1995. № 11,12.

Московской духовной академии архимандрит Феодор (Поздеевский) и редактор «Богословского вестника» священник Павел Флоренский.

Программа торжеств предполагала, что из всех уездных городов губернии в Тамбов направятся крестные ходы. 21 июня 1914 года порядок их проведения был утвержден архиепископом Кириллом и опубликован в «Тамбовских епархиальных ведомостях»¹⁷. Однако, в связи с войной и начавшейся 20 июля мобилизацией, почти все крестные ходы пришлось отменить, и 9 августа 1914 года решили провести только один из них – из села Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии¹⁸.

29 июня 1914 года Император утвердил одобренный Святейшим Синодом «Чин церковных торжеств по случаю прославления Тамбовского святителя Питирима 25–29 июля 1914 года» с предоставлением «имеющему совершать торжественное прославление святителя» первенствующему члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Владимиру (Богоявленскому) «права делать в сем чине изменения»¹⁹.

Основным местом проведения торжеств был избран Спасо-Преображенский кафедральный собор города Тамбова. В ходе подготовки к прославлению собор претерпел значительную реконструкцию и сильно преобразился. Со стороны западного входа по всей ширине собора выполнили пристройку, в которой разместили лестничные марши. В соборе обновили художественные росписи, а пристройку расписали сюжетами из жизни святителя Питирима. Площадь перед собором была заасфальтирована и приобрела праздничный вид. На ее северо-восточной стороне соорудили временный открытый деревянный шатровый храм, где совершались богослужения для многочисленных паломников, которым не хватило места в соборе. На пожертвования А.Н. Нарышкиной для всего духовенства, участвовавшего в торжественных богослужениях, пошили новые праздничные облачения. Ко времени прославления издали план города Тамбова с обозначением платных квартир, зданий и помещений бесплатного размещения паломников, медицинских пунктов, больниц и др.

¹⁷ ТЕВ. 1914. № 25. С. 800.

¹⁸ ТЕВ. 1914. № 33. С. 1029–1030.

¹⁹ ТЕВ. 1914. № 27. С. 864.

Архиепископ Кирилл предложил организовать большой мужской хор, состоящий из духовенства епархии, который должен был исполнить песнопения Всенощного бдения, Литургии, панихиды и парастаса знаменным распевом. Данное предложение многими было встречено скептически и вызвало недоверие у специалистов, поскольку практика исполнения за богослужениями песнопений знаменного распева к тому времени практически полностью была вытеснена партесным пением. Исполнить благословение архиепископа Кирилла взялся регент Михаил Степанович Покровский, специально к торжествам составивший партитуры и создавший хор из 160 священников, диаконов и псаломщиков. Своим замечательным пением этот большой хор украсил праздничные богослужения²⁰.

На торжества в Тамбов прибыли несколько архипастырей, уроженцев Тамбовской губернии: митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Богоявленский); епископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский); епископ Уральский Тихон (Оболенский), викарий Самарской епархии; епископ Михайловский Амвросий (Смирнов), викарий Пензенской епархии; епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев), викарий Могилевской епархии. В торжествах участвовали настоятели монастырей Тамбовской епархии: настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей, настоятель Вышенского монастыря архимандрит Ипатий, настоятель Трегуляевского Иоанно-Предтеченского монастыря архимандрит Иринарх и другие настоятели. В богослужениях принимали участие все настоятели храмов города Тамбова, много архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и священников из других епархий, причем некоторые из них прибыли с хоругвеносцами, одетыми в темно-синие кафтаны с золотыми галунами, принеся в дар собору ценные хоругви. Всего в торжествах прославления приняло участие несколько десятков тысяч человек.

Перед самыми торжествами на гробнице святителя Питирима ежедневно совершались Всенощные бдения, Литургии и панихиды при участии множества народа. Торжества начались 27 июля 1914 года (по старому стилю) совершением заупокойной Всенощной, за которой были помянуты родители святителя Питирима, его сестра

²⁰ ТЕВ. 1914. № 28. С. 786.

Екатерина – игуменья Вознесенского женского монастыря города Тамбова, Патриарх Иоаким, а также последний раз был помянут об упокоении епископ Питирим.

Всенощные бдения и Литургии совершали: в нижнем Благовещенском храме Спасо-Преображенского собора у гробницы святителя – архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов); в верхнем Спасо-Преображенском соборе – епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев); на площади перед Спасо-Преображенским собором во временном открытом шатровом храме – епископ Козловский Зиновий (Дроздов), викарий Тамбовской епархии. На всех богослужениях молилось большое количество духовенства и тысячи паломников, прибывших с городов и весей Тамбовской и соседних губерний.

После Литургии в нижнем Благовещенском храме Спасо-Преображенского собора архиепископом Кириллом был совершен торжественный крестный ход к колодцу святителя Питирима на берегу реки Цны, где при большом стечении богомольцев он освятил воздвигнутую к торжествам кованую часовню. После возглашения уставных многолетий крестный ход под колокольный звон возвратился в собор по набережной реки Цны и по Питиримовской улице²¹, которая получила свое название в честь святителя Питирима согласно решению Тамбовской городской Думы.

Вот как писал о торжествах в своих воспоминаниях один из свидетелей тех событий протоиерей Василий Малин, служивший после 1944 года в Покровском соборе города Тамбова. «К 6 часам вечера в собор прибыли митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский), архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), епископы, которых встречали «со славой». Гроб с мощами святителя Питирима был установлен перед архиерейской кафедрой. Началось всенощное бдение. Торжественно пел замечательный хор по старинным нотам времен святителя Питирима. Литию совершил архиепископ Кирилл со многими священнослужителями. Наконец наступили торжественные минуты полиелея. К мощам святителя Питирима вышли из алтаря митрополит Владимир, архиепископ Кирилл и другие архиереи со множеством архимандритов, игуменов, протоиереев и священников. Раздалось мощное

²¹ Ныне улица Степана Разина.

пение древним распевом «Хвалите имя Господне», шесть архимандритов сняли крышку с гроба, которая была отнесена в алтарь. Митрополит совершил троекратное каждение вокруг святых мощей, после чего святые мощи были подняты архимандритами и протоиереями и изнесены из храма наружу, где поставлены на специально приготовленные носилки. Начался крестный ход вокруг храма. Духовенство, хор и верующие впервые запели: «Величаем тя, святителю отче наш Питириме». Пение было подхвачено голосами многочисленных молящихся и паломников, стоящих вне собора. По звону соборного колокола начался звон во всех приходских и монастырских церквях города, в том числе «тысячных» колоколов Казанского мужского монастыря (1096 пудов) и Христо-Рождественского кафедрального собора (1200 пудов). В 3 часа ночи началась литургия для причастников в Смоленском приделе Преображенского собора. В 6 часов утра началась вторая литургия, которую совершили епископ Козловский Зиновий и епископ Михайловский Амвросий. По окончании литургии гроб с мощами святителя Питирима был поднят в верхний храм и поставлен перед архиерейской кафедрой. К 10 часам в собор прибыли митрополит Владимир, архиепископ Кирилл и епископы Василий, Тихон и Варлаам. Они прошли в мантиях к мощам святителя Питирима, совершили поклонение и целование. Затем началась литургия. Она совершалась особенно торжественно, с большим подъемом и сопровождалась замечательным пением хора... Во время малого входа с Евангелием гроб с мощами святителя священнослужителями торжественно был внесен в алтарь царскими вратами и поставлен на горнем месте, лицом к святому престолу. У гроба встали четыре диакона с рипидами так, как бы святитель Питирим сам возглавлял служение литургии. По окончании литургии был совершен молебен святителю Питириму, и по прочтении Евангелия гроб с мощами святителя, поставленный на носилки, в преднесении святых, Тамбовской и Девпетерувской икон Божией Матери, осеняемых рипидами, обнесен вокруг храма под звон колоколов всех церквей города Тамбова. По окончании крестного хода гроб святителя Питирима был внесен в нижний храм и поставлен у южной стены, на месте погребения святителя»²². Воспоминания про-

²² Тамбовский церковно-исторический сборник. Тамбов, 2000. № 5. С. 24–31.

тодиакона Василия Малина были написаны в 1984 году, спустя 70 лет после прославления святителя. Они свидетельствуют, что это было такое яркое событие, которое не померкло в его памяти в течение всей жизни.

В 1914 году «Тамбовские епархиальные ведомости» писали о торжествах так. «И вот, наконец, настал давно желанный день, день открытия мощей святителя Питирима. Был ясный день. Соборная площадь с самого раннего утра до поздней ночи полна народом... Трогательным для сердца было богослужение. От всего веяло чем-то праздничным, пасхальным, а сердце радостно бьется в ожидании чего-то необычного... Вот уже пропели "Хвалите имя Господне..." По обеим сторонам гроба святителя стоит уже во всех облачениях духовенство. Один из священнослужителей снял уже покрывало с гробницы угодника Божия... Взоры всех направлены на середину собора, где на особом возвышении стоят мощи святителя... Священнослужители подняли на свои рамена гроб со святыми мощами и вышли на площадь собора через западные двери. Начался крестный ход... Соборная площадь полна народом. Заняты даже крыши домов, прилегающих к собору, верхушки деревьев, одним словом, все то, на чем можно поместиться... Многие плачут от искреннего молитвенного умиления. Наконец, мощи святителя Питирима снова возвращаются через западные двери в собор. На другой день после средней литургии мощи святителя переносятся в верхний храм кафедрального собора, где во время пения "Приидите поклонимся..." мощи ставятся на горнее место, где и пребывают до окончания литургии. Наконец окончилась поздняя литургия... К мощам святителя Питирима стали допускать больных, увечных, слепых и калек и вдруг потоками полились чудесные исцеления от мощей святителя... А вот слепец-мальчик подходит к гробу... прикладывается к мощам святителя и вдруг мальчик на всю церковь кричит: "Деда, я вижу тебя"»²³.

Завершающим событием торжеств прославления святителя Питирима стало посещение города Тамбова царской семьей. Состоялось оно 7 декабря 1914 года. Уже шла война, Император Николай II возвращался с Кавказа, Императрица Александра Федоровна вместе с дочерьми Ольгой и Татьяной выехали ему

²³ ТЕВ. 1861. № 27. С. 5–6.

навстречу. В Тамбове члены императорской фамилии побывали в Спасо-Преображенском кафедральном соборе, приложились к мощам святителя, посетили Пителимовский колодец за собором, где «испили воды, почерпнутой из колодца в присутствии Их Величеств священником В. Кудряшовым, особо приготовленным серебряным ведром».

Вскоре после торжеств над честными мощами святителя Пителима в Спасо-Преображенском кафедральном соборе соорудили мраморную сень с золотым навершием, по углам которой изображены ангелы со скрещенными рипидами. Сень установили у первой к иконостасу колонны, отделявшей центральный неф от южного Никольского придела. Мощи установили под сенью, и отныне каждый мог поклониться новому святому Церкви Русской.

Прославление в лике святых святителя Пителима в 1914 году стало торжеством Православия, событием огромного духовного и культурного значения для Тамбовского края. И в настоящее время святитель совершает чудеса. Его благодатную помощь получают множество тамбовчан и паломников, которые со всех сторон притекают в Спасо-Преображенский кафедральный собор города Тамбова и молятся у его цельбоносных мощей.

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии,
кандидат богословия

Прошлое и настоящее соборного храма Преображения Господня в городе Тамбове

Спасо-Преображенский кафедральный собор города Тамбова с находящимися в нем мощами святителя Питирима Тамбовского является главной святыней Тамбовского края и свидетелем многих исторических событий. Он был построен в Тамбове одновременно с основанием на южных рубежах Руси крепости Тамбов, которую заложили 17 апреля 1636 года на высоком берегу реки Цны при слиянии ее с небольшим притоком – рекой Студенец. Деревянный двухэтажный храм, срубленный всего за три месяца, освятил в праздник Преображения Господня 6 августа 1636 года священник Мокий Поздняков, ставший первым его настоятелем¹.

Преображенский храм, равно как и другие храмы, возведенные в это же время на обширных равнинных территориях, прилегавших к крепости, входил в состав Рязанской епархии. Став духовным центром крепости, он практически со времени своего основания обрел значение главного храма города. Официально статус городского собора Преображенскому храму даровал в 1677 году Рязанский митрополит Илларион². К этому времени штат собора состоял из одного протоиерея, двух священников, диакона, дьячка и пономаря. Все соборное духовенство проживало недалеко от храма в своих домах. При первом Тамбовском епископе Леонтии, назначенном на образованную в 1682 году Тамбовскую кафедру, для деревянной соборной колокольни был отлит колокол весом в пятьдесят пудов³.

¹ Орлов Н. Тамбовские летописи // ИТУАК, 1918. Вып. 48. С. 148.

² Молчанов Н. Жизнеописание Преосвященного Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914. С. 23.

³ Хитров Г., прот. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 155.

Новая эпоха для Преображенского храма началась с прибытием в Тамбовскую епархию епископа Питирима, который решил недалеко от старого деревянного храма построить каменный собор. Испросив благословение Святейшего Патриарха Иоакима, епископ Питирим в 1694 году приступил к строительству. В течение лета стены собора были выведены до высоты 14 м, что свидетельствует о быстром темпе строительства на первом этапе⁴. Не дожидаясь завершения строительства, епископ Питирим освятил один из приделов храма в честь святителя Николая и начал в нем совершение богослужений. В этом приделе у южной стены святитель Питирим и был погребен после кончины 28 июля (10 августа) 1698 года⁵.

После смерти епископа Питирима несколько десятилетий собор оставался недостроенным из-за отсутствия средств на покупку материалов, но, несмотря на это, богослужения совершались в освященном Никольском приделе. В 1738 году по повелению Святейшего Синода священник Александр Уланов изыскал средства на строительство верхнего деревянного храма и устройство иконостаса «столярной работы», однако из-за смерти отца Александра работы по возведению собора остались незавершенными⁶.

В 1758 году назначенный на Тамбовскую кафедру епископ Пахомий (Симанский) застал главный храм города в плачевном состоянии: крыша во многих местах протекала, из-за чего на втором этаже храма было опасно совершать богослужения, иконостас от сырости имел неприглядный вид. Осмотрев собор, епископ Пахомий составил план восстановительных работ, который включал: постройку пяти глав, покрытие всего храма железом, отделку внутренних стен штукатуркой, установку нового иконостаса, строительство каменной ограды с железными решетками. Кроме этого, планировалось вместо деревянной колокольни возвести каменную. На все работы, согласно смете, требовалась очень большая по тем временам сумма в 10 000 рублей, которой у епархии не было. Указанных средств не выделил и Святейший Синод, куда епископ Пахомий направил свое ходатайство⁷.

⁴ Молчанов Н. Указ. соч. С. 24.

⁵ Хитров Г., прот. Указ. соч. С. 162.

⁶ Березнеговский С.А., прот. Тамбовский Спасо-Преображенский собор // ИТУАК, 1913. Вып. LV. С. 250.

⁷ Там же. С. 250-251.

К 80-м годам XVIII века деревянная часть второго этажа собора заметно покосилась. Храм нуждался в экстренном переустройстве. Епископ Тамбовский Феодосий (Голосницкий) решил выполнить работы с привлечением богатых жителей города – тамбовских купцов⁸. Переустройством храма в 1784 году занялся купец Матвей Бородин. Верхняя ветхая деревянная часть храма была разобрана. Стены второго этажа, опорные столпы центрального купола и все своды выполнили из кирпича, над сводами выложили пять круглых барабанов, перекрытие собора и купола пятиглавия покрыли железом и покрасили. Стены и своды внутри храма оштукатурили и покрасили, вымостили деревянные полы, вставили новые рамы и устроили внутри собора лестницу между нижним и верхним этажами. Для второго этажа изготовили трехъярусный иконостас и написали для него иконы, но установить иконостас не удалось, поскольку дела купца Бородина расстроились, и он не смог продолжать работы. Конструкции иконостаса сложили в подвале и во дворе собора, где они пролежали до 1801 года. В этом году по указанию епископа Тамбовского Феофила (Раева) заготовленный купцом Бородиным иконостас осмотрели и выяснилось, что иконы местами покоробились и сгнили. Использовать данный иконостас было невозможно, и поэтому на средства купца Матвея Алексеевича Малина изготовили и установили новый иконостас. На пожертвования фабриканта Олесова и других тамбовских благотворителей отделали приделы нижнего храма⁹.

В октябре 1809 года епископ Феофил благословил соборному духовенству позаботиться о строительстве новой каменной колокольни собора вместо деревянной¹⁰. Сбор денежных средств был поручен ключарю собора протоиерею Иоанну Наполинскому. К 1811 году заложили фундамент новой колокольни на расстоянии 10 сажень от собора (1 сажень равен 2,1336 м)¹¹. Руководил строительством протоиерей Гавриил Шиловский. В конце 1811 года, когда возвели второй ярус колокольни, скончался епископ Феофил. Строительство было продолжено при епископе Ионе (Васильевском), вступившем на Тамбовскую кафедру в марте 1812 года. Исследователь

⁸ Хитров Г., прот. Указ. соч. С. 202.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Березнеговский С.А., прот. Указ. соч. С. 251.

¹¹ Хитров Г., прот. Указ. соч. С. 214.

местной церковной истории протоиерей Стефан Березнеговский по этому поводу писал: «Преосвященный Иона в короткое время успел расположить к себе все сословия... епархии; все спешили... делать посильные приношения на постройку... – и действительно, соборная колокольня в короткое время окончательно отстроена»¹². Жители города Тамбова восприняли ее как памятник тамбовчанам, погибшим в боях с французами в годы Отечественной войны 1812 года. В 1823 году по инициативе соборного протоиерея Димитрия Соколова краснокирпичное здание кафедрального собора покрасили краской в два цвета, стены – охрой, а выступающие декоративные детали фасада – белой. Недавно возведенная колокольня собора была оштукатурена¹³.

В начале 30-х годов XIX века Спасо-Преображенский собор не отличался особым благолепием и богатством внутреннего убранства. Через трещины в стенах и разбитые стекла в храм попадали снег и дождь, на полу появлялись лужи, в нем было холодно и сыро. Иконостас нижнего храма был окрашен темно-синей краской. Иконы, перешедшие в него из ветхого иконостаса верхнего храма, помещались в простых рамах без стекла и окладов.

При епископе Тамбовском Арсении (Москвине) внешний вид собора изменился. В период с 1839 по 1840 год в западной части появилась двухэтажная пристройка. Руководил работами соборный протоиерей Павел Булгаков. Сменивший Преосвященного Арсения епископ Тамбовский Николай (Доброхотов) в 1841–1842 годах распорядился разобрать лестницы на второй этаж храма, которые занимали много места и создавали значительные неудобства для молящихся. Лестничные марши в верхний храм устроили в пристройке, сооруженной ранее с западной стороны¹⁴.

В 1846 году городское общество избрало старостой Преображенского собора тамбовского купца 3-й гильдии Гавриила Ивановича Казакова. При нем развернулись широкие строительные работы. В 1849 году заново оштукатурили своды и стены, которые выровняли по отвесу, около подкупольных столпов поставили резные капители коринфского ордена. Стены и простенки между окон-

¹² Березнеговский С.А. прот. Указ. соч. С. 252.

¹³ ТЕВ. 2009. № 5. С. 28-36.

¹⁴ Фиксен Б. Историко-археологическое описание Спасо-Преображенского собора в г. Тамбове // ИТУАК, 1904. Вып. 44. С. 6.

ными проемами расписали фресками с изображением событий Ветхого и Нового Завета. Полы перемостили и покрыли краской, ветхие рамы заменили на новые. Иконостас верхнего храма перделали и украсили резьбой по дереву. Лучшие мастера в Москве выполнили Царские врата и клейма. В нижнем храме сделали новый резной, позолоченный иконостас. Северный придел нижнего храма посвятили Смоленской иконе Божией Матери. 2 сентября 1852 года епископ Николай (Доброхотов) освятил верхний Преображенский храм, а нижний Благовещенский – в 1854 году. В 1879 году утвердили план строительства двух флигелей, которые располагались с южной и северной сторон собора и завершали его архитектурную композицию. При архиепископе Иннокентии (Беляеве) в 1905 году западную пристройку с лестницей разобрали и выстроили новую, более просторную. На средства купца В.М. Аносова в соборе провели отопление. В октябре 1913 года при архиепископе Кирилле (Смирнове) под наблюдением архитектора А. Миролубова собор заново оштукатурили внутри и тщательно заделали все трещины, все стены лестничной пристройки расписали сюжетами из жизни святителя Питирима. Фасад храма в очередной раз покрасили. Все работы были завершены ко времени прославления святителя, которое совершилось при огромном стечении паломников в июле 1914 года¹⁵.

Духовное ликование верующих тамбовчан по случаю обретения мощей святителя Питирима продолжалось недолго. В 1919 году большевики вскрыли мощи святителя и лишили народ возможности поклоняться им. Богослужения в соборе запретили, по всей видимости, в 1929 году. В 1931 году в нем закрасили фрески и разместили экспозиции краеведческого музея, с куполов сняли кресты, мощи святителя Питирима поместили в запасниках музея. Соборная колокольня была разрушена в 1931–1932 годах¹⁶.

В 1988 году мощи святителя Питирима передали Церкви. 15 июля 1993 года Тамбовской епархии был возвращен нижний храм Спасо-Преображенского собора. 6 августа этого же года было совершено освящение престола нижнего Благовещенского храма. 8 августа 1993 года состоялось торжественное перенесение мощей

¹⁵ Фиксен Б. Историко-археологическое описание Спасо-Преображенского собора в г. Тамбове // ИТУАК, 1904. Вып. 44. С. 7.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р6. Оп. 1. Д. 162. Л. 77.

святителя Питирима в Спасо-Преображенский кафедральный собор, которое совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II во время своего визита в Тамбовскую епархию. Святые мощи святителя заняли прежнее место в нижнем Благовещенском храме у правого переднего столпа, определенное для них в 1914 году архиепископом Кириллом (Смирновым)¹⁷.

В 1994 году краеведческий музей освободил верхний храм, и в нем начались реставрационно-восстановительные работы, которые продолжались до 1998 года. За это время были расчищены художественные росписи, изготовлен и установлен деревянный позолоченный иконостас. В нижнем храме возвели дополнительные столпы и арку для укрепления сводов¹⁸.

К 325-летию юбилею Тамбовской епархии, который торжественно отмечался 10 августа 2007 года, главный храм епархии заметно преобразился. В период подготовки к юбилею с 2006 по 2007 год в нем были проведены значительные реставрационно-восстановительные работы. Центральный и четыре боковых купола собора впервые позолотили. На купола изготовили и установили позолоченные маковки и кресты. Фасад храма покрасили в бирюзовый цвет, а украшающие его декоративные элементы – в белый, что позволило усилить нарядность убранства собора и придать ему монументальность. В нижнем Благовещенском храме установили новый деревянный позолоченный иконостас. В 2007 году на берегу реки Цны была воссоздана часовня над источником святителя Питирима. После того как весь прилегающий к часовне земельный участок объединили с соборной территорией, она стала простирается практически до берега реки.

В 2010 году епархией был разработан проект восстановления собора в том виде, в котором он встречал прославление мощей своего основателя. Проект предусматривал среди прочего воссоздание разрушенной соборной колокольни на прежнем месте. Как свидетельствуют архивные источники, ее начали строить в 1811 году на расстоянии 10 сажень, или 21 м, от западной стены собора. Выше уже отмечалось, что в разные годы к собору делались пристройки. Самая поздняя пристройка к западному фасаду собора появилась

¹⁷ ТЕВ. 2008. № 1. С. 31.

¹⁸ АТЕ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.

в 1905 году. Она увеличила его длину примерно на 11 м, а значит, сократила расстояние от собора до колокольни на 11 м. До 2010 года многие наши современники, в том числе известные историки, архитекторы и краеведы, расстояние в 21 м до колокольни отсчитывали от современного здания собора и называли местом ее расположения участок, находящийся неподалеку от воинского мемориала в честь воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Изучение датированных архивных описаний и фотографий пристроек к собору показало, что колокольня находилась от современной западной стены собора на расстоянии 10–11 м. Для подтверждения результатов архивных исследований по просьбе Тамбовской епархии специалисты Тамбовского государственного технического университета провели снятие георадарных профилей площади перед собором. При снятии профиля по оси собора было выявлено нарушение грунта в интервале от 10 до 20 м от стены собора на глубине порядка 2–2,5 м. Профили параллельно западной стене на расстоянии 10–12 м и 6–14 м на глубине порядка 1,5–2,5 м также показали наличие фиксируемых нарушений в грунте. Таким образом, на расстоянии 10–11 метров от входа в собор в западном направлении было обнаружено наличие остатков фундамента с размерами порядка 9,5–11 м на 8–10 м на глубине примерно 1,5 м. Это означало, что колокольня находилась в пределах Соборной площади достаточно близко к храму и ее воссоздание на прежнем месте никоим образом не затронет мемориал, который расположен от собора на расстоянии более 50 м.

После проведенных исследований епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий обратился к руководителям региона и города с просьбой выдать разрешение на восстановление колокольни на прежнем месте. Данное обращение было направлено в Общественную палату Тамбовской области, где была создана рабочая группа для его изучения. 18 декабря 2010 года на Соборной площади состоялось выездное заседание рабочей группы по сбережению культурно-исторического наследия при Общественной палате Тамбовской области, на котором большинство ее участников высказалось за воссоздание колокольни на историческом месте. Вскоре все члены Общественной палаты поддержали инициативу Управляющего епархией.

Предложение епископа Феодосия было также рассмотрено на заседании Совета по охране и сохранению культурного наследия

при управлении культуры и архивного дела Тамбовской области, который, всесторонне изучив просьбу, вынес положительное решение. При принятии решения члены Совета руководствовались нормами Федерального закона от 25 июня 2002 года за № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Территория, предполагаемая под воссоздание колокольни Спасо-Преображенского собора, имеет статус охранной зоны объекта культурного наследия, в пределах которой устанавливается особый режим использования земель, запрещающий строительство за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение, восстановление и регенерацию историко-градостроительной среды объекта культурного наследия. Совет исходил из того, что воссоздание колокольни в соответствии с требованиями реставрационных норм и правил направлено на сохранение объекта культурного наследия, каковым, несомненно, является Спасо-Преображенский кафедральный собор. В соответствии со ст. 47 вышеуказанного закона воссоздание объекта культурного наследия осуществляется посредством реставрации при особой исторической и культурной значимости утраченного объекта и при наличии достаточных научных данных для его воссоздания. Члены Совета решили признать духовно-культурную значимость воссоздания соборной колокольни на ее историческом месте для сохранения и восстановления архитектурного ансамбля объекта культурного наследия федерального значения.

Воссоздание колокольни собора на прежнем месте поддержали ветераны Великой Отечественной войны, распространившие обращение, в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время, когда ежегодно торжественно празднуется День Победы в Великой Отечественной войне, мы считаем своим долгом вспомнить о воинах, которые в 1812 году, 133 года до нашей победы в 1945 году, с честью отстаивали независимость России. Мы должны гордиться ими точно так же, как гордимся солдатами – победителями фашистских захватчиков. Лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» в равной степени относится ко всем защитникам Отечества».

В Пасхальные дни 2011 года началось воссоздание колокольни. 18 мая епископ Тамбовский и Мичуринский Феодосий совершил в соборе Божественную литургию, по окончании которой состоялся молебен с крестным ходом вокруг собора. Перед входом в со-

бор на месте воссоздания колокольни епископ Феодосий освятил крест. Через несколько дней, 23 мая 2011 года, епископ Феодосий совершил молебен на Соборной площади и благословил начать археологические изыскания на месте воссоздания колокольни. Проведенные раскопки подтвердили данные о месте ее нахождения, полученные ранее в ходе георадарных исследований. Фрагменты кирпичных стен находились на расстоянии в 11–12 метров от современной западной стены собора. Сама колокольня располагалась в 15 метрах от основного здания собора, где и были обнаружены ее фундаменты. В результате работы археологов были найдены: кирпичный фундамент разрушенной каменной колокольни на глубине около 1,5 метров, фрагменты основания второго Преображенского деревянного храма, фрагменты печных изразцов XVII века с изображением вазонов с растительным орнаментом, покрытых цветной эмалью, монеты XVII века и другие археологические находки. После археологических изысканий к работе приступили строители, которые очистили сохранившийся фундамент и укрепили его железобетонным поясом, на котором начали возводить здание. Уцелевший исторический фундамент решено было сохранить, «вживив» его в новые конструкции. Проектным решением в полу предусмотрены демонстрационные проемы, закрытые сверху высокопрочным стеклом, чтобы паломники могли видеть подлинные фрагменты старого фундамента и экспозицию артефактов церковной истории. До конца декабря 2011 года строители возвели два яруса колокольни до отметки 25 метров. Перед праздником Пасхи Христовой 2012 года, в Великую Субботу, 14 апреля, епископ Феодосий освятил купол и крест, поднятые в этот же день на колокольню, окончательная высота которой с крестом стала равна 69 метрам. В Пасхальную ночь крест на колокольне засиял ярким рубиновым светом, как сияют в ночи кресты на храмах в Святой Земле. Колокольню восстанавливали по сохранившимся эскизам, однако для придания ей изящества и с учетом современного градостроительного окружения высоту решено было увеличить на один ярус. После завершения общестроительных работ началась отделка колокольни: ее выкрасили в зеленый цвет, декоративные элементы и оконные проемы выделили белой краской, красоту здания подчеркнула художественная подсветка наружных стен. Все работы по воссозданию колокольни на прежнем месте были

завершены 3 ноября 2012 года, перед праздником в честь Казанской иконы Божией Матери. Она вновь стала неотъемлемой частью кафедрального собора, одной из красивейших архитектурных доминант города, памятником тамбовчанам, погибшим на полях сражений в годы войны с Наполеоном. Ее воссоздание имеет духовное, нравственное и патриотическое значение.

В 2014 году Тамбовская епархия будет праздновать 100-летний юбилей со времени прославления святителя Питирима. Ожидается первосвятительский визит в Тамбовскую митрополию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Кафедральный собор станет главным местом торжеств.

В рамках подготовки к юбилею были выполнены значительные работы по реставрации фасадов собора. Стены заново оштукатурены и покрашены в плотный зеленый цвет. Отреставрирован лепной декор, восстановлены сандрики и наличники. Произведена замена ветхих деревянных и металлических окон на новые, изготовленные по оригинальным образцам. Собор был полностью перекрыт кровельной медью в соответствии с проектным решением, впервые оштукатурен и покрашен флигель в южной части собора. Много было сделано по благоустройству прилегающей к собору территории: к востоку от собора удалены ветхие строения, устроен дополнительный въезд на соборную территорию, установлено 4-метровое основание для памятника святителю Питириму с южной стороны возрожденной колокольни, надстроена малая колокольня, органично вписавшаяся в архитектурный ансамбль собора, выполнены работы по очистке и реставрации колодца в часовне над источником святителя Питирима, около часовни со стороны набережной установлена каменная ограда с коваными ажурными решетками и посажены ели.

1 июля 2013 года начались реставрационные работы в нижнем Благовещенском храме кафедрального собора. В настоящее время ведется позолота сени над святыми мощами святителя Питирима, изготавливается новая сень для Тамбовской иконы Божией Матери, предстоит изготовить и установить у столпов и по периметру храма более 30 напольных киотов для икон, написать иконы для иконостаса, положить каменный пол с подогревом.

Отреставрированный собор и воссозданная колокольня заставляют задуматься над улучшением облика Соборной площа-

ди – главной площади города. Проект реконструкции площади, как представляется, должен предусматривать функциональную организацию территории всей площади и выполнение следующих работ: воссоединение площади с улицей Советской по исторической оси бывшей Знаменской улицы (ныне улица Октябрьская) через расширение площади к югу от здания почтамта; строительство Знаменской часовни на месте бывшего кладбища и деревянной Знаменской церкви; обустройство юго-восточной границы площади к югу от малой соборной колокольни с раскрытием перспективного вида на весь комплекс Спасо-Преображенского собора от улицы Советской; возведение в юго-восточной части площади скульптурной композиции святителя Питирима и четырех малых скульптур Тамбовских святых; устройство фонтана в южной части площади к западу от памятника святителю Питириму; мощение всей соборной площади и территории вокруг кафедрального собора гранитным камнем; устройство стоянки для легковых автомобилей и экскурсионных автобусов со стороны улицы Степана Разина; организация со стороны улицы Разина независимых друг от друга подъездных путей к Спасо-Преображенскому собору, размещение тумб с символами городов-героев концентрично вокруг памятника героям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов; озеленение и высадка голубых елей по периметру Соборной площади на участках, граничащих с городским парком и со зданием почтамта; установка скамеек для отдыха жителей и гостей города Тамбова по всему периметру Соборной площади.

Как показывает настоящее исследование, история собора была весьма непростой. Его возведение и благоустройство продолжались в течение столетий. Архипастыри, градоначальники, духовенство, меценаты вносили свой труд и таланты в строительство главного храма города. Полагаю, что настало время и современному поколению тамбовчан внести свой заметный вклад в его преобразование. Убежден, что работы, запланированные к выполнению в ходе подготовки к празднованию 100-летнего юбилея со времени прославления святителя Питирима и визиту Святейшего Патриарха Кирилла, позволят сделать Спасо-Преображенский кафедральный собор более величественным, а Соборную площадь – красивее и притягательнее.

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии,
кандидат богословия

Новое чудо святителя Питирима Тамбовского

10 августа 2014 года Русская Православная Церковь будет молитвенно праздновать 100-летний юбилей со времени причисления к лику святых святителя Питирима, епископа Тамбовского, чудотворца, святыне мощи которого почивают в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Тамбова, основанном самим святителем Питиримом в 1694 году.

За год до указанного юбилея в Тамбовскую митрополию из Республики Черногория стали приходить сообщения о том, что в ризнице храма в честь святителя Николая Чудотворца в городе Котор, находящемся в пределах епархии, возглавляемой митрополитом Черногорско-Приморским Амфилохием (Радовичем) (Сербская Православная Церковь), хранится священная реликвия – напрестольный серебряный крест, изготовленный в годы управления святителем Питиримом Тамбовской епархией.

В нижней части тыльной стороны креста на церковнославянском языке отчеканен следующий текст:

«ѢЗѢГ ГО СЕНТАРЯ ВЪ 30 ПОСТРОЕ СЕ КРЪТЪ ПРИ ПРЕОБЩЕННОМЪ ПИТИРИМЕ ЕПЪКЪПЪ ТАМБОВСКОМЪ А ВЪСЪ ВЪ СЕМЪ КРЪТѢ ТРИ ОУНЪ ТРИЦАТЬ СЕМЬ ЗОЛБНИКОВЪ А НА ПОЗОЛОТУ СЕГО КРЪТА ИЗОШЛО СЕМЬ ЧЕРВОННЫХЪ».

Для удобства чтения указанный текст напишем по-русски: «7203 год сентября в 30-й день построен сей крест при Преосвященном Питириме, епископе Тамбовском, а весу в сем кресте три фунта тридцать семь золотников, а на позолоту сего креста изшло семь червонных».

Надпись на кресте свидетельствует, что он изготовлен в 7203 году от сотворения мира, то есть в 1695 году от Рождества Христова, при святителе Питириме Тамбовском. Крест весит 1,35 кг, его высота – 44,5 см, длина верхней перекладины – 29,5 см, ширина – 5 см, толщина – 1,5 см. Крест серебряный, с искусной

чеканкой, канфарением, гравировкой, золочением. На лицевой стороне креста утрачена фигура распятого Христа. Имеются небольшие сквозные отверстия на лицевой стороне креста и два отверстия в нижней части оборотной стороны. На кресте изображены Орудия Страстей Христовых. Возможно, что это один из первых русских крестов с изображением Орудий мучения Христа. Крест четырехконечный с трехлопастным завершением концов. На верхнем конце креста изображено «Воскресение Христово» в виде иконографического извода «Сошествие во ад», на боковых концах – Снятие с Креста (слева) и Положение во гроб (справа), на нижней перекладине – Тайная вечеря (это является большой редкостью), чуть ниже – глава Адама и чаша с розгами – символом бичевания Христа. На нижнем конце креста изображены Орудия Страстей Христовых: петух на колонне (символ предательства апостола Петра), перчатка (то есть рука, ударившая Господа), кувшин («умывание Пилатово»), сребреники, высыпавшиеся из мешочка (символ предательства Иуды), игральные кости, обозначающие метание жребия воинами, делившими одежду Христа, и др. Изображенные на кресте композиции стали распространяться в русском искусстве с последней трети XVII века, в основном, в изделиях московских мастеров¹. В центральной части лицевой стороны креста вычеканен крест с имитацией структуры дерева, что встречается крайне редко. Этот прием характерен для конца XVII столетия. На оборотной стороне креста, в средокрестии и ветвях, вычеканены пять гладких медальонов круглой формы. Остальное поле оборотной пластины расчеканено стилизованными травами и цветами. Надпись в нижней части креста соответствует традиции конца XVII века. Не вызывает сомнений, что крест создан русскими умельцами. Он является высокохудожественным произведением, представляет собой значимую духовную и историко-культурную ценность, поскольку изготовлен при жизни святителя Питирима. С большой долей вероятности можно предположить, что крест заказан им в Москве, где он бывал по делам епархии.

¹ Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков. // Сборник: «Филевские чтения». Вып. V: Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII веков. М., 1994. С. 68–86.

Предположительно, крест святителя Питирима во время гражданской войны, в 20-х годах XX столетия, был вывезен эмигрантами из города Севастополя и привезен в Черногорию, в порт города Котор. В частных архивах этого города сохранились списки эмигрантов, сошедших с пароходов на берег в портах Черногории. Возможно, что крест святителя Питирима кто-то из прибывших на пароходе священников или мирян передал в храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы на городском кладбище города Котор. При каких обстоятельствах и когда это произошло, еще предстоит выяснить. Более 40 лет он находился в Покровском храме и использовался во время богослужений. Его выносили на середину храма и устанавливали на панихидный столик во время отпевания усопших, которых этим же крестом благословляли в последний путь. Поскольку Покровский храм не охранялся, в него неоднократно проникали грабители, но всякий раз серебряный крест святителя Питирима оставался на своем месте, несмотря на то, что не заметить его было невозможно. 44 года назад в главный храм города Котор – Никольский собор – был назначен настоятелем священник Момчило Кривокапич, ставший благочинным городских храмов. При нем провели инвентаризацию ризницы Покровского храма. Крест святителя Питирима отреставрировали, атрибутировали, надпись на кресте расшифровали и установили время его изготовления. Для сохранности крест перенесли в древнюю крепость города Котор, в собор в честь святителя Николая, имеющий надлежущую охрану, где он находится до настоящего времени.

Епископ Питирим возглавлял Тамбовскую кафедру с 1685 по 1698 год, где проявил себя как деятельный устроитель епархии, основатель Спасо-Преображенского собора в городе Тамбове, строитель новых монастырей и храмов. Он собственноручно создал и освятил несколько крестов. Дошедшие до нас источники свидетельствуют по крайней мере о двух из них. Это крест, изготовленный им из дерева и подаренный Предтеченскому храму села Донского, близ Тамбова. Другой крест святитель написал на полотне и установил на одной из въездных башен крепости города Тамбова. Возможно, что крест, находящийся в храме святителя Николая в городе Котор в Черногории, предназначался святителем Питиримом для основанного им каменного Спасо-Преображенского кафедрального собора. Правый придел нижнего храма собора он ос-

вятил в 1695 году в честь святителя Николая. Именно в этом году, как гласит надпись, и был «построен» крест. Следует сказать, что на 1695 год – год изготовления креста – приходятся памятные для святителя Пителима даты: 50-летний юбилей со дня рождения, 10-летие служения на Тамбовской кафедре, первая годовщина с начала строительства Спасо-Преображенского кафедрального собора в Тамбове. Можно предположить, что святитель Пителим подарил крест кафедральному собору в связи с указанными памятными датами. После смерти архипастыря, последовавшей в 1698 году, его похоронили в Никольском приделе. В 1914 году состоялось обретение мощей святителя, которые поместили в специально устроенной раке и установили в указанном приделе. В 1919 году городские власти вскрыли мощи и передали их в запасники областного краеведческого музея, который располагался в закрытом для совершения богослужений в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Лишь в 1992 году чудом сохранившиеся святые мощи передали Русской Православной Церкви. В 1993 году они заняли прежнее место в Никольском приделе нижнего храма кафедрального собора. Вряд ли можно считать простым совпадением то, что крест после долгих странствий вновь оказался в Никольском храме, только уже в Черногории, вдали от освященного святителем Пителимом Никольского придела кафедрального собора города Тамбова. Очевидно, что святитель Николай Чудотворец охранял крест Тамбовского святителя.

Обретение креста святителя Пителима в преддверии 100-летия со времени его канонизации было воспринято тамбовчанами как новое чудо святителя и проявление особой милости Божией, явленной Тамбовской пастве для духовного утешения. Крест, как каждая реликвия, связанная с именем святителя Пителима, очень дорог верующим и имеет важное значение для истории и культуры Тамбовского края. С момента его обретения в далекой Черногории у почитателей Тамбовского чудотворца появилась надежда, что в юбилейный 2014 год крест святителя Пителима вернется в Тамбов и будет передан в Спасо-Преображенский кафедральный собор.

М.А. Климкова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Святитель Питирим. Азовские походы и строительство русского флота

Изучение истории Российского государства и Русской Православной Церкви как единого и неделимого целого помогает лучше понять многие факты, которые при отдельном их рассмотрении остаются не до конца осмысленными. Примером может служить биография епископа Тамбовского Питирима, требующая своего уточнения.

В «Жизнеописании святителя Питирима...», составленном в 1914 году Н. Молчановым, говорится: «Последний период болезненного и расстроенного состояния пастыря не ознаменован никакими особенно важными делами, по крайней мере мы не имеем сведений... Одно только дело представляется нам из этого периода, это постройка собора. То, что так успешно шло в 1694 году под надзором самого архипастыря, за его болезнью должно было остановиться в следующем 1695 году»¹.

Однако историческая литература и документы 1695–1696 годов, посвященные Азовским походам Петра I против крымских татар и строительству русского флота, значительно расширяют представление о жизни святителя Питирима.

XVII век для пограничного Тамбовского края был временем беспокойным. Согласно летописным источникам, лишь в 1656–1658 годах произошли последние большие набеги крымских и азовских татар на здешние места. В 1670–1671-х – вспыхнуло разинское восстание. За год до поставления на Тамбовскую кафедру святителя Питирима на реках Хопре и Медведице активизировались раскольники. Поэтому по прибытии в 1685 году в Тамбов новый епископ разместил на проезжих башнях крепости иконы Христа и Богоматери – для спасения города, неоднократно подвергавшегося опасности.

¹ Молчанов Н. Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914. С. 123.

Как известно, главной проблемой для святителя Питирима было отсутствие экономических владений для обустройства кафедры, и 16 апреля 1686 года владыка «бил челом благоверным государям... Иоанну и Петру Алексеевичам, чтоб на содержание его и Спасо-Преображенского собора в Тамбове, вместо монастырей [Цнинского] Троицкого и Мамонтова, назначенных в 1681 году... дать другие»². Прощение было рассмотрено, и 11 сентября 1687 года по царской грамоте были даны «в дом благолепного Преображения Господня, для всякой его домово́й нужды и пропитания» монастыри Шацкого уезда с крестьянами: Рождества Богородицы, Сергиева Проломская, Никольская Чернеева и Вышинская пустыни³. Следовательно, государственные власти шли навстречу архиерею в делах укрепления епархии, удовлетворяя его просьбы.

Благодаря новым экономиям владыка Питирим смог организовать епархиальную жизнь таким образом, что в Тамбове, впервые за историю города, началось каменное (кирпичное) строительство: был возведен большой двор со службами и архиерейским домом у Соборной площади, близ речки Студенца.

В 1690 году святитель Питирим участвовал в церковном Соборе, избравшим патриархом казанского митрополита Адриана, который благословил его на строительство в Тамбове нового каменного Преображенского собора (третьего по счету). Здание было заложено в 1694 году и за одно лето выросло на два этажа. 6 декабря того года, в день святителя Николая, в старом деревянном соборе произошло знамение от иконы Казанской Богоматери: «...от очей ее слезы, капающие и текущие до пелены, что было до славословия великого»⁴.

Как видно, это чудо было предвестником перемен, которые не заставили себя ждать. Весной следующего года всякое каменное строительство, которое вел епископ Питирим, прекратилось. Остановка строек совпала со временем, когда Тамбов стал местом сбора русских войск, готовившихся к походу на Азов.

² Березнеговский С.А. Тамбовский кафедральный Спасо-Преображенский собор // ИТУАК, 1913. Вып. LV. С. 239.

³ Там же. С. 240. В жалованной грамоте говорилось, что по писцовым книгам 1678 г. за Чернеевым монастырем и Проломской пустынью значилось 687 дворов.

⁴ Орлов Н. Тамбовские летописи // ИТУАК, 1918. Вып. LVIII. С. 243. Мироточение иконы произошло в декабре 203 г., что при переводе на новое летоисчисление соответствует 1694 г.

В конце XVII века устья рек Днепра и Дона были закрыты для Москвы крымскими татарами, которых поддерживала Османская империя. Поэтому естественным желанием российского правительства было получить выход к Черному морю и навсегда избавиться от татарских набегов. С этой целью в 1686 году Москва заключила союз с Польшей, Австрией и Венецией против турок и татар. В правление царицы Софии состоялись два похода на Крым, но татарские набеги продолжались и русских пленных тысячами продавали в рабство.

С 1692 года царь Петр Алексеевич готовился к войне, а в 1695-м объявил поход на Крым и крепость Азов. К Крыму по Днепру тогда отправилось войско боярина Б.П. Шереметева численностью 120 тысяч человек.

В Азовской кампании, возглавляемой государем Петром Алексеевичем, приняли участие новые полки – Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов. Вместе с московскими стрельцами, городскими солдатами и царедворцами они составили 31 тысячу человек, выступив под начальством трех генералов – Головина, Лефортова и Гордона. Перед походом на Азов военные силы сосредоточились в двух городах – в Москве и Тамбове.

Лучшим в России в то время считался 1-й Московский выборный полк, называемый Бутырским⁵, которым командовал первый устроитель армии Петра I – шотландец генерал Патрик (Петр) Иванович Гордон. Именно этот полк базировался в Тамбове.

О пребывании в городе-крепости Бутырского полка сохранились документы. По случаю строительства Трегуляевского монастыря в 1690 году приказом Большого Дворца было указано: «Московского выборного полка генерала Петра Ивановича Гордона полуполковнику Семену Павловскому велено, ...приехав за Тамбовские валовые крепости, на порозжую степь, против челобитья Тамбовского уезду Предтеченской новой пустыни строителя старца Варлама с братьею, отвести им под пашню земли»⁶.

⁵ Бутырским полком командовал в 1686–1699 гг. П.И. Гордон, в 1699–1705 гг. – Я.П. Гордон.

⁶ В 1688 году св. Питиримом была основан Трегуляевский Иоанно-Предтеченский монастырь. См.: Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края, по документам Московского Архива Министерства Юстиции: Г. Тамбов и его уезд / Сост. И.Н. Николев. Тамбов, 1884. Вып. 1. С. 53.

Другой документ касается имущественного спора между епархией и полковыми солдатами по поводу земли Тамбовской (Талинской) Поляны – дачи владыки Питирима. «Ноября 7 дня, – говорится в нем, – Московского выборного полка генерала Петра Ивановича Гордона солдаты, тамбовские жители, в прошении писали: просили они в приказе Большого Дворца о земле за Тамбовскими валовыми крепостями, а по досмотру полковника Якова Гордона и сторонних людей та земля – порозжая дикая степь ни за кем [не значится] – ...в дачах и по досмотру спору ни от кого не было, – а ныне подал спорное прошение преосвящ. Питирима, епископа Тамбовскаго, домовых его дел приказный, будто та порозжая земля, дикая степь, отдана ему в дачу к Тамб. Поляне, а в Тамбовской Поляне сверх того, что отведено ему, преосвященному Питириму, будет четвертей тысяч семь и больше, а у них земли нет ни одной четверти; поэтому просили ту землю отдать им, чтобы им было с чего службу служить»⁷. В конце 1695 года правительством было подтверждено владение Церкви, и земля была отмежевана.

И.И. Дубасов писал: «В конце 90-х годов XVII столетия город Тамбов был одним из сборных пунктов русских полков, предназначенных для Азовского похода. В это время маленький наш город сделался шумным и веселым. Почти все птенцы Петровы собрались тогда у нас, не доставало только самого орла – царя Петра Алексеевича»⁸.

Весной в Тамбове расположилось войско численностью 9,4 тысячи человек. К Бутырскому полку здесь присоединились солдатские полки Томаса Юнгора, Олимпия Юренева, Якова Бана, Якова Гордона и семь стрелецких. Образовался большой обоз из 4 тысяч повозок с продовольствием, 10-ю мортирами, 12-ю дробницами, 31-й фальконетой, 6 тысяч пудами пороха, 4,6 тысячи ядрами и 4 тысячи гранатами⁹. В конце апреля все воинство двинулось из Тамбова к Черкасску на соединение с донскими казаками. После службы в Успенском соборе Московского Кремля второй отряд, возглавляемый государем, вышел из Москвы.

⁷ Молчанов Н. Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914. С. 98.

⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 21

⁹ Лебедев А.И. Эпоха Петра Великого // История Российского флота. М., 2007. С. 25

Русская Церковь издревле являлась крупным землевладельцем и миссионером, осваивавшим новые земли и христианизировавшим народы, а когда случалась необходимость, то противостояла внешней опасности вместе с государством¹⁰. Поэтому можно с полным основанием считать, что, когда в Тамбове готовились к походу против последнего очага ордынского ига, епископ Питирим находился в центре всех событий.

В первой кампании, названной Петром I «Походом о невзятии Азова», русские войска успеха не добились, и полки вернулись в Центральную Россию. Одной из главных причин неудачи было отсутствие флота.

Петр I стал искать более действенной поддержки у Церкви. 9 декабря 1695 года он «изволил быть у св. патриарха и сидеть с ним в столовой палате с начала 5-го часа ночи до 8-го часа»¹¹. Получив благословение, царь уехал строить флот в Воронеж. Оттуда деятельность Петра, проявившего организаторские способности, распространилась по лесным и судоходным районам Воронежского и Тамбовского края. Молодой царь бывал и на территории Тамбовской епархии, останавливаясь в хоробах у села Слободское, входившего тогда в нее (располагалось на «Ряском поле», между реками Проней и Рясой, где волоком перетаскивали лодки, чтобы попасть из Оки в Дон, плывя в Воронеж)¹².

Строительство флота проходило при активной помощи Церкви. Сотрудничество епископов Митрофана Воронежского и Питирима Тамбовского, связанных не только личной дружбой, но и опасностью, которая исходила от южных соседей, в то время проявилось в полную силу. Тем не менее в истории русского флота осталось имя святителя Митрофана, а заслуги святителя Питирима были незаслуженно забыты, на что, видимо, были свои причины. Во-первых, ранняя смерть помешала архипастырю наиболее зримо проявить свое рвание о флоте. Во-вторых, Тамбовский край с рекой Цной, малоприспособленной к большому судоходству, мог стать лишь источни-

¹⁰ После того как границы России сформировались, в Синодальный период Церкви была оставлена функция духовного окормления народа и его патриотического воспитания.

¹¹ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 199.

¹² В 1702 г. здесь была заложена крепость Раненбург, подаренная князю А.Д. Меншикову, который в 1711 г. устроил рядом Петропавловскую пустынь «для богомолья о здравии Государя Императора Петра I и о упокоении родителей князя Меншикова».

ком человеческих и сырьевых ресурсов, а вся видимая работа проходила на реках, текущих к Дону: в притоках Воронежа поспешно строили более 1,5 тысячи стругов, лодок и плотов, шла заготовка всего необходимого для флота. Крепости Воронеж, Козлов и Тамбов тогда входили в единую оборонительную линию – Белгородскую засечную черту, которую поспешно укрепляли. На мелководьях углубляли русла рек для прохода судов к Азову.

Воронежской епархии, в отличие от епархии Тамбовской, возведение флота давало большие преимущества. С 1696 года городу Воронежу был придан столичный характер, где появились Царский шатер и Патриарший дом. Местоположение Успенского монастыря на реке Воронеже оказалось самым удачным для строительства корабельной верфи, поэтому монастырскую обитель упразднили. Здесь был возведен Успенский собор¹³, получивший имя Адмиралтейского, в котором в честь спуска на воду кораблей воронежский епископ совершал богослужения.

«Царь Петр Великий готовился к войне с магометанским царством и для осады Азова с моря строил на воронежской верфи корабли разных размеров. Святитель Божий старался помогать царю и молитвою и словом увещания. Он объяснял при каждом случае, как благодетельны намерения государства для Церкви и отечества, сколько лет страждущих от дикого магометанства. Когда же строение кораблей встретило себе затруднение вопреки стараниям царя в недостатке денег, святитель поспешил отвратить это препятствие. Собрав все деньги, какие были у него при кафедре, он принес их государю и сказал: "Всякий сын отечества должен от своего достатка помогать нужде государственной; прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их против неверных"»¹⁴.

А.В. Карташов в «Очерках по истории Русской Церкви» писал: «Святой Митрофан Воронежский, помимо своей личной святости, возбудил особые симпатии Петра, когда [последний]... строил... флот, при благословениях святого Воронежского пастыря, который рассматривал борьбу с турками как священную борьбу креста с полумесяцем. Святитель не компромисничал, а принимал

¹³ Успенский собор строился в 1694–1699 гг

¹⁴ Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви // История русской церкви. М., 1991. С. 640–641.

царское дело по-своему, по-исконному, – теократически, как дело святое, исконно православное... Когда в 1703 г. святитель Митрофан скончался, Петр лично нес гроб к могиле и заявил: ”Не осталось у меня другого такого святого старца“»¹⁵.

К весне 1696 года было изготовлено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера, начиненных порохом, и 1,3 тысячи стругов. В марте «сухопутные войска должны были... собраться в Тамбове и Валуйках... 3 мая флот из реки Воронежа прошел в Дон. Прежде всего, отправили вниз по Дону к Черкасску сухопутное войско, состоящее из Бутырского полка и стрельцов, предводительствуемое Гордоном; после Гордона вышел Головин и, наконец, генералиссимус Шеин, шли они на стругах и галерах. Отряд генерала Ригемана ушел сухим путем из Тамбова»¹⁶. По Дону русская эскадра вышла в Азовское море и не пропустила турецкие корабли, спешившие на помощь осажденному неприятелю.

18 июля 1696 года крепость Азов пала, однако миссия Церкви в военном деле на том не закончилась. Планы Петра I по выходу в Черное море и победе над Турцией могли осуществиться лишь при наличии большого и сильного флота. Для решения этой задачи царь решил мобилизовать все силы, в том числе воспользоваться церковными ресурсами¹⁷.

Главным актом сотрудничества «Церкви и государства в деле кораблестроения стало участие духовных землевладельцев в особых объединениях – кумпанствах. Они были образованы по приговорам Боярской думы от 20 октября и 4 ноября 1696 г. Кумпанству отводился участок леса, место для верфи, разрешалось нанимать корабельных мастеров. Было образовано 17 духовных кумпанств..., каждое из которых, объединявшее 8000 крестьянских дворов, обязывалось построить, вооружить и снарядить корабль. Назывались духовные кумпанства по имени главного вкладчика»¹⁸. Среди них было кумпанство епископа Тамбовского.

¹⁵ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. II. С. 332.

¹⁶ *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898.

¹⁷ «В 1696 г. тот же государь был у патриарха 1-го октября «с последнего часа дневных часов до другога часа ночи до последней чети»» (Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 199).

¹⁸ *Комолов Н.А.* Церковь и военное кораблестроение в южнорусском регионе в конце XVII – первой половине XVIII вв. // Православный собеседник. Вып. 2, Казань, 2008. С. 200.

Петр I «ввел... жесткий контроль над церковными средствами. Царский указ запрещал строить «лишние» здания, держать «лишние» деньги и расходовать их без разрешения светской власти... Ни патриарх Адриан, ни... архиереи не только не воспротивились требованию контролировать церковное достояние как казенное имущество, но самолично рассылали грамоты с царским указом по епархиям, подкрепляя его своей властью и авторитетом»¹⁹. В царском указе говорилось: «Корабли сделать со всею готовностью, и с пушками, и с мелким ружьем... а делать их так: святейшему патриарху, и властям, и монастырям с 8000 крестьянских дворов – корабль; с бояр и со всех чинов служилых людей с 10 000 крестьянских дворов – корабль...»²⁰.

Духовные землевладельцы составили 17 компаний, светские – 18.

«Всего предполагалось выстроить и снарядить 52 судна. Для сооружения их» выписали «из-за границы 50 мастеров шведов, голландцев и датчан, а венецианский сенат выслал... тринадцать кораблестроителей»²¹. Составление росписей кораблей, отведение леса и надзор за ходом работ Петр I поручил Владимирскому судному приказу во главе с «адмиралтейцем» А.П. Протасьевым.

Поскольку тамбовская церковь за 10 лет управления святителем Питиримом стала видным землевладельцем, то ей пришлось строить корабль наравне с древнейшими и богатейшими епархиями. Зная состояние дел, невольно задаешься вопросом: было ли во владении тамбовского епископа 8 тысяч дворов, с которых предполагалось построить корабль? Не проявилась ли здесь личная инициатива святителя?

В Российском государственном архиве Военно-морского флота сохранилось 25 дел 1696–1709 годов, среди которых есть документы Тамбовского епископа. В них говорится, что работы по постройке флота шли в Воронеже, Козлове, Добром, Сокольске, Ступине, Тарбееве. Добренский и Козловский уезды, входящие в бассейн Дона («Донской отпуск»), состояли в списках поставщиков леса, изготовителей легких судов и грузовых лодок – стругов и будар.

¹⁹ Богданов А.П. Русские патриархи (1589–1700): Т. 2. М., 1999.

²⁰ Цит. по: Князьков С. Из прошлого русской земли: Время Петра Великого. М., 1909. С. 49–50.

²¹ Трехсотлетие дома Романовых: 1613–1913. М., 1991. С. 117.

Например, в 1698 году из 87 запланированных стругов для Азовского флота козловцы должны были изготовить 15²².

Массовое кораблестроение для России было делом необычным и затруднительным: не было ни подобного масштабного опыта, ни системы, позволявшей координировать и направлять ход работ. А.П. Протасьев, возглавлявший надзор за строительством, не оправдал доверие царя и погряз в злоупотреблениях. В сложившихся обстоятельствах каждому руководителю кумпанства приходилось принимать в работе личное участие и самому решать, как строить свой корабль.

«Вскоре перед лицом возникших трудностей нового дела многие как светские, так и духовные кумпанства стали заключать договоры с подрядчиками на строительство кораблей. Кумпанство Тверского архиепископа договорилось с иностранцем Болдуином Эндрюсом о постройке полностью вооруженной и снабженной всем необходимым галеры за 9700 руб. При этом подрядчик брал на себя расходы по перевозке лесов, содержанию мастеров, решению всех вопросов. С кумпанством Псковского митрополита тот же Болдуин договорился построить галеру на тех же условиях, но уже дороже – за 10 000 руб. [...]. Кумпанство Тамбовского епископа 5 августа 1697 г. отдало строительство своей галеры на подряд Францу Тиммерману»²³.

Для заготовки материалов тамбовскому епископу был выделен участок Добренского леса, а строительство галеры проходило на воронежской верфи. В тот период святитель Питирим скончался. Его дело предстояло продолжить новому епископу Игнатию (Шангину).

Не все кумпанства смогли выполнить царский указ и начать работы в назначенный срок. Среди них – митрополит Суздальский и Юрьевский Иларион, епископ Тамбовский, а также Троице-Сер-

²² Курбатов А.А. Судовая повинность в Воронежском крае в XVII столетии // ИТУАК. Вып. 39. С. 56–63

²³ Комолов Н.А. Церковь и военное кораблестроение в южнорусском регионе в конце XVII – первой половине XVIII вв. // Православный собеседник. Вып. 2, Казань, 2008. С. 201. Ф. Тиммерман был учителем молодого Петра. В 1688 г. цесаревич вместе с Тиммерманом нашел в Измайлове ботик, названный «Святой Николай», на котором будущий царь учился плавать. Впоследствии он пользовался безграничным доверием Петра I во всех делах. При строительстве флота занимался выпиской заграничных корабельных мастеров для кумпанств.

гиев монастырь, которые долго не приступали к строительству. «Представители кумпанства Троице-Сергиева монастыря на запрос адмиралтейца в ноябре 1697 года докладывали, что ”у них леса в готовности есть и из бору их везут на подводах на указанное место и привезены будут вскоре“»²⁴. Сложнее оказалось установить причину остановки строительных работ в кумпанстве тамбовского епископа. Однако в результате расследования, проведенного Владимирским судебным приказом, выяснилось, что кумпанством еще 5 августа 1697 года «тот галер со всеми припасы был отдан на подряд иноземцу Францу Тиммерману»²⁵, и прекращение строительства связано с передачей корабельного снаряжения и заготовленной древесины доверенным лицам подрядчика»²⁶.

Через год царь, находившийся с Великим посольством в Амстердаме, решил, что количество готовящихся судов будет недостаточным для решения военной задачи. 3 декабря 1697 года новым указом он «поручил светским и духовным кумпанствам построить еще 19 судов, для чего два кумпанства должны были строить по одному кораблю. Для сооружения шести галер сложились следующие группы духовных кумпанств: 1) Святейшего Патриарха с Рязанским митрополитом; 2) Новгородского митрополита с Саввино-Сторожевским монастырем; 3) Ростовского и Крутицкого митрополита; 4) Суздальского митрополита и Тверского архиепископа; 5) Белгородского митрополита и Тамбовского епископа; 6) Троице-Сергиева монастыря с Новодевичьим»²⁷.

Галеры, заложенные в 1697 году и спущенные на воду, имели названия: «Перинная тягота» – кумпанства Святейшего Патриарха; «Ветер» – Троице-Сергиева монастыря; «Заячий бег» – митрополита Рязанского; «Золотой орел» – митрополита Ростовского.

Всего было запланировано построить 18 гребных галер по единому образцу, сделанному в Голландии. Они были плоскодонны-

²⁴ Церковь в строительстве Азовского флота // Воронежский епархиальный вестник, 2003. № 1. Автор ссылается на архивный источник: РГА ВМФ. Ф. 175. Оп. 1. Л. 10–11.

²⁵ Там же. Церковь в строительстве Азовского флота // Воронежский епархиальный вестник. Воронеж, 2003. № 1. (РГА ВМФ. Ф. 175. Оп. 1. Л. 17.).

²⁶ Церковь в строительстве Азовского флота // Воронежский епархиальный вестник. Воронеж, 2003. № 1.

²⁷ Комолов Н.А. Церковь и военное кораблестроение в южнорусском регионе в конце XVII – первой половине XVIII в. // Православный собеседник. Вып. 2, Казань, 2008. С. 202.

ми, имели малую осадку, хорошо ходили на веслах и были удобны для плавания по рекам. «Галеры должны были иметь длину 38,1 м, ширину 7,3 м и 14 банок. В действительности же, построенные разными мастерами, они имели длину от 41,8 до 53,1 м. Артиллерийское вооружение состояло из 21–27 орудий (три 6–12-фн пушки, остальные – фальконеты). Большинство этих галер так и не были спущены на воду»²⁸.

В истории Азовского флота сохранились сведения о судах. Судя по именам и фамилиям, корабли кумпанства епископа Тамбовского были возведены венецианскими мастерами. В документах о них говорится:

«Галера, строившаяся Тамбовским епископом, «Без названия»... Заложена в 1697 [году] на Воронежской верфи. Строитель Я. Моро. 43х6,6х2 м. Разобрана после 1709 [года] на стапеле»²⁹.

«Без названия Кумпанства Белгородского митрополита с Тамбовским епископом. Заложена в 1698 [году] на Воронежской верфи. Строитель Пиколо. 45,8х6,2х1,8 м. Разобрана после 1709 [года] на стапеле. Митрополит Белгородский и Обоянский Авраамий с Тамбовским епископом»³⁰.

Таким образом, ни одна галера тамбовского кумпанства не была спущена на воду.

По плану Петра I к весне 1698 года весь Азовский флот должен был быть построен. Анализируя исторические факты, исследователи пишут: «Ни сам Петр, ни население, ни руководившие строительством служители приказов не имели никакого опыта в кораблестроении, но при этом царем ставилась задача строительства флота в течение одного года. Уже только этим было запрограммировано его изначально низкое качество [...]. К осени 1697 года [царь] очевидно стал осознавать нереальность поставленной им задачи... отложил окончание постройки до осени 1698 года [...]. При спуске кораблей весной 1699 года в воды р. Воронеж пригодными к плаванию на Азовском море оказались всего 4–5 судов [...]. 1699 год окончательно убедил Петра в провале поспешного кумпанского строительства. Петр сумел вывести в море только 9 судов из своей

²⁸ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Список судов Азовского флота, 1696–1712.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

первой кораблестроительной программы, причем 5 из них были построены не в Воронеже, а на Хопре и на Дону. Всего же из строившихся 76 кораблей и 19 галер были спущены на воду: в 1699 году – 35, после 1700 года – 16, не спущены вовсе – 25. Из них к 1711 году дошли до Азова всего 23 корабля и галеры, а выведены в Азовское море были всего 17 кораблей и галер, то есть едва $\frac{1}{5}$ часть всех строившихся кораблей»³¹.

Через некоторое время мировая политика изменилась, и взоры Петра I обратились к Балтийскому морю. Азовский флот и строящийся город Таганрог были им брошены, однако предыдущий опыт не пропал даром. После неудачной постройки судов кумпанствами (на что было израсходовано более 900 тыс. руб.) Петр I сосредоточил все работы по созданию флота в руках государства. Корабли с тех пор стали строить сериями, по заранее утвержденным чертежам.

Таким образом, одним из помощников государя в деле укрепления южных границ с полным правом можно считать епископа Птитирима. Прекращение строительства каменного собора в Тамбове связано не столько с болезнью святителя, сколько с тем, что все средства епархии тогда шли на государственное дело, цена которому – безопасность южных границ. Так или иначе, но после Азовских походов «воинские» люди из Крыма никогда в Тамбовский край больше не приходили.

Если святитель Птитирим видел смысл в действиях государства, поддерживая его словом и делом, то его последователь, владыка Игнатий, управлял епархией совсем в других условиях. В его период все более очевидной становилась мысль о неправильности государственной политики, в том числе о бесперспективности кумпанств. По делу, связанному с обличителем царя Григорием Талицким, Игнатий был осужден в 1701 году, а вместе с ним пострадала и Тамбовская епархия, упраздненная Петром.

В Тамбове, Воронеже и Москве остались как каменные летописи – освященные храмы, непосредственно связанные с Азовскими походами. В Москве, например, патриарх Адриан в 1696 году в своей резиденции Николо-Перервинском монастыре, основан-

³¹ *Петрухинцев Н.Н.* Два флота Петра I: Технологические возможности России // Вопросы истории, 2003. № 4.

ном во времена Куликовской битвы, начал строительство нового Никольского собора. В 1700 году он успел сам освятить храм, где первый этаж был посвящен преподобному Сергию Радонежскому, вдохновителю победы над татарами, второй – Николаю Чудотворцу, а церковь на колокольне – Успению Пресвятой Богородицы.

Воронежская епархия после событий конца XVII века значительно укрепилась, а памятью о строительстве флота для Воронежа сегодня является Адмиралтейская Успенская церковь.

В Тамбове епископ Питирим успел освятить южный придел нижнего храма недостроенного кафедрального Преображенского собора в честь Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей³². Соборная церковь была полностью достроена лишь через сто лет спустя. Сегодня она еще называется и Питиримовской, хотя по внешнему виду более соответствует стилю классицизма рубежа XVIII–XIX веков. Классицизм скрывает ее древнерусское основание XVII века, возведенное при епископе Питириме, как заложенный Петром императорский Петербург длительное время главенствовал над патриархальной Москвой. Следовательно, архитектура тамбовского собора являет собой образ исторического перелома рубежа двух эпох, являясь уникальным жертвенным памятником государства Российского.

³² Молчанов Н. Жизнеописание святителя Питирима епископа Тамбовского. Тамбов, 1914. С. 123.

Г.А. Абрамова,
главный научный сотрудник
ТОГБУК «Тамбовский областной краеведческий музей».
Протоиерей Виктор Лисюнин,
проректор Тамбовской духовной семинарии

К вопросу об атрибуции рукописных книжных памятников середины XIX века как свидетельствах о чудесах святителя Питирима, епископа Тамбовского

В фонде редкой книги научной библиотеки Тамбовского областного краеведческого музея хранятся два уникальных рукописных книжных памятника середины XIX столетия: «**Описание чудес святителя Питирима, второго епископа Тамбовского, с кратким сведением о его жизни**» и «**Запись о чудесах святителя Питирима, второго епископа Тамбовского**». Эти ценнейшие источники до настоящего времени не были опубликованы. Они оставались малоизученными, не являлись предметом научно-богословского, исторического, палеографического, филологического, лингвистического, культурологического исследования.

Почитание святителя Питирима начало складываться сразу по его кончине в 1698 году (по другим источникам – 1697) и особенно распространилось в XIX столетии. С верой во множество притекавшие к его гробнице в Спасо-Преображенском кафедральном соборе Тамбова и прибегавшие к его молитвенному предстательству люди стали получать помощь. Известный тамбовский церковный историк протоиерей Георгий Хитров писал в 1861 году: «Над соборным храмом... невидимо было простерто покровительство почивающего здесь святителя Питирима. В 1832 году оно открылось очевидным образом в чудесных исцелениях болезней, от которых отступалось врачебное искусство и которые врачевались мгновенно при гробнице епископа Питирима по одной вере в его молитвенное ходатайство пред Господом. С того времени в собор стали стекаться с разных сторон толпы богомольцев, больных и здоровых; с того времени он начал приобретать пожертвования и вклады для

внутреннего украшения, прославляясь именем святителя Питурима»¹.

Это свидетельство протоиерея Георгия Хитрова, а также другие косвенные указания подтверждают тот факт, что с 1832 года в Спасо-Преображенском кафедральном соборе при епископе Арсении (Москвине; 1832–1841) была заведена книга для записи чудесных исцелений, бывших при гробнице святителя, в которой к концу XIX столетия содержалось около 250 свидетельств о его благодатной помощи².

По благословию Преосвященного Арсения старанием протоиерея Павла Булгакова в нижнем храме собора, где находилась гробница святителя, был «устроен новый иконостас с колоннами в позолоте и с золоченою резьбою... Местные иконы стали облекаться серебряными позолоченными ризами художественной отделки с камнями усердием благочестивых ревнителей благолепия церковного»³.

При епископе Николае (Доброхотове; 1841–1857) усердием кафедрального протоиерея Никифора Телятинского и распорядительностью ктитора купца Казакова в верхнем и нижнем храме Спасо-Преображенского собора «произведено полное обновление... семь икон... значительного размера обложены серебряными в позолоте массивными ризами художественной работы. Они вычеканены в Москве по заказу жертвователя раба Божиего Стефана»⁴.

В период пребывания на Тамбовской кафедре святителя Феофана (Говорова; 1859–1863), предметом его особых забот стало изучение святой богоугодной жизни, трудов и подвигов святителя Питурима, систематизация его наследия. Именно в этот период создается рукописная книга «Описание чудес святителя Питурима, второго епископа Тамбовского, с кратким сведением о его жизни»⁵.

Очевидно, писалась она на основе оригинала 1832 года, ныне утраченного.

¹ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Сост. протоиерей Георгий Хитров. – Тамбов: [б. и.], 1861 (тип. В.И. Закржевского). С. 273.

² Евгений (Ждан), еп. Светильник Церкви Тамбовской: к 75-летию прославления святителя Питурима / Евгений, еп. Тамб. и Мичур. // Журн. Моск. Патриархии. – 1989. – № 9. – С. 17–21.

³ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Сост. протоиерей Георгий Хитров. – Тамбов: [б. и.], 1861 (тип. В.И. Закржевского). С. 274.

⁴ Там же.

⁵ ТОГБУК ТОКМ. Инв. кн. № 7. Инв. № 16405.

Состав рукописи:

1. «Чудеса святителя Христова Питурима, второго епископа Тамбовского» – включает описания 132 чудес святителя Питурима в хронологических рамках 1832–1866 годов⁶.

2. «Краткія черты изъ жизни святителя Питурима, второго епископа Тамбовскаго»⁷.

Преосвященный Феофан сам свидетельствовал об истинности и достоверности этих чудес. В ходе исследования рукописи было сделано открытие – впервые выявлены автографы святителя Феофана. Красным карандашом святитель Феофан на полях текста о чудесном избавлении от болезни молитвами святителя Божия Питурима вдовы Татьяны Ивановны Глебовой из села Борщевка Тамбовского уезда собственноручно записал следующее: «Удостоверяет в истине Варвара Николаевна Оленина полковница Борисоглебского уезда села Закаталово, слышал от нее самой. Феофан Еп. Т. Прибавлю... хотела ехать в Воронеж к святителю Митрофанию, но видела в сонном видении монаха, который сказал ей, что нет нужды ехать в Воронеж, у вас есть и ближе помощник святитель Питурим»⁸. Свидетельствуя об исцелении «отрока Николая, сына чиновника 10-го класса Тамбовского Комиссариатского Коммиссионерства Ивана Станиславовича Беляковича, римско-католического вероисповедания», Преосвященный Феофан слева на полях рукописи записывает: «Слышал от родного отца. Ф.Е.Т.»⁹. Чрезвычайно важно отметить, что в состав рукописной книги включен раздел «Краткие черты из жизни святителя Питурима, второго епископа Тамбовского», «достаточные, чтобы убедиться в Его Высокой, Святой и Богоугодной жизни», и являющиеся первым опытом составления жития святителя¹⁰.

Еще одним, впервые выявленным свидетельством сугубого почитания святителя Питурима епископом Тамбовским Феофаном и всем тамбовским народом является следующий факт, зафиксированный в рукописи: Питуримов колодец, *расположенный за*

⁶ ТОГБУК ТОКМ. Чудеса святителя Христова Питурима, второго епископа Тамбовского. Рукопись. Л. 1–137, 148–187.

⁷ Там же. Л. 138–147.

⁸ Там же. Л. 2 об.

⁹ Там же. Л. 26 об.

¹⁰ Там же. Л. 146 об.

«благословенным каменным собором – достойным памятником достойнейшего архипастыря», «был величественно отстроен в 1863 году и в день Преображения Господня 6-го августа торжественно освящен самим преосвященным Феофаном, при торжественном крестном ходе и значительном стечении Тамбовских граждан, искренно сочувствовавших благословенному и достойному его украшению»¹¹.

По сути, при святителе Феофане формируется комплекс документов, приуготовляющий прославление угодника Божия Преосвященного Питирима, которое состоится через полвека – в 1914 году.

Особо следует сказать об оформлении драгоценного рукописного памятника. Эту работу направлял святитель Феофан, блестящий знаток традиции создания рукописных книг.

Рукописный текст книги предваряется заставкой, стилизованной под старопечатный орнамент. В прямоугольную рамку вписан овал. В овале на черном фоне название рукописи *«Описание чудесъ святителя Питирима, втораго епископа Тамбовскаго, с краткимъ сведеніемъ о его жизни»* с элементами растительного травного орнамента. С внешней стороны по овалу строка из Псалма 115 – *«Честна предъ Господем смерть преподобныхъ его»*. По периметру заставки на черном фоне белый растительный орнамент, по внутренним углам заставки растительно-цветочный орнамент¹².

Особый интерес представляет миниатюра – выполненный маслом погрудный портрет святителя Питирима. Святитель изображен в архиерейском облачении, с панагией и архиерейским жезлом¹³.

¹¹ ТОГБУК ТОКМ. Чудеса святителя Христова Питирима, втораго епископа Тамбовскаго. Рукопись. Л. 142, 177. Фотографию величественно отстроенного святителем Феофаном колодца сделал в 1904 году хранитель Тамбовского губернского исторического музея А.И. Самоцветов. Колодец с каменной сенью над ним был разобран в 1913 году и на его месте поставлена была новая кованая часовня. ТОГБУК ТОКМ. КП № 6. Инв. № 10526.

¹² Там же. Л. 2 предпереpletный, титульный. Размеры 22,5x15,3 см; 16,8 см.

¹³ Там же. Л. 4 предпереpletный перед началом рукописи. Размер портрета 18,2x15,5 см. Именословное перстосложение – особое сложение перстов, которое употребляется только архиереем или священником для благословения. Каждый палец при этом изображает букву греческого алфавита, что и составляет монограмму имени Иисуса Христа – IC XC (указательный палец вытянутый, что составляет литеру I, средний слегка согнут и похож на литеру C, большой палец скрещивается с безымянным и получается литера X, мизинец приподнят и похож на литеру C. IC XC – Иисус Христос). Надписи имени Иисуса Христа на древнегреческом выглядят на иконах и в богослужебных книгах: $\text{I}\eta\sigma\acute{o}\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ – IC XC.

Над миниатюрой надпись кириллицей *«Бессмертный Боже! Хвалу тебе воздаю: царь бо еси един всех, помилуй душу раба Твоего, преосвященнейшего Питирима, и сподоби его царствия небесного!»*. Под миниатюрой надпись кириллицей: *«1685 года февраля в пятый день поставлен Преосвященный Питирим, епископ Тамбовский, благословением и рукоположением Святейшего Иоакима Патриарха Московского и Всея России, а приехал в Тамбов 1686 года марта в первый день, и был в Тамбове 13 лет, 5 месяцев, 13 дней и 12 часов. В 1698 году июля 28 день в 12 часов дня предаде душу в руце Божию»*. Далее: *«Пастырю мой и наставниче мой, преподобный отче Прокопие! Помолися Господу Богу о душе моей»*¹⁴.

В начале рукописи на листах черного цвета старопечатным шрифтом красной краской, кириллицей выполнен текст: *«Духовная моя братия и спостницы! Не забудьте мя, егда молитесь; но видевше мой гроб, поминайте мою любовь и молитесь Христу, да учинит дух мой с праведными. Воспоминаю вам, братие мои и чада и друзи мои, не забываюте мя, егда молитесь ко Господу. Молю, прошу и мили ся дею: навикайте сим в память, и плачите мене день и ночь, якоже Иов к другом, реку к вам: седите, паки реци, Аллилуия. В вере и надежде и любви, кротости и чистоте архиерействовал. Достойно, благочестно пожил еси, приснопамятне; тем же тя Превечный Бог, Ему же и работал еси, Сам вчинит дух твой в месте светле и красне, идеже праведнии упоковаются, и получиши на суде Христове оставление и велию милость»*¹⁵.

Дальнейшее исследование рукописной книги, возможно, прольет свет на авторство миниатюры с изображением святителя Питирима. Пока же можно сделать предположение, что писал ее сам святитель Феофан, серьезно занимавшийся живописью и иконописью. В любом случае, даже если это произведение является делом рук другого мастера, искусство живописца и вкус святителя Феофана сказались на изготовлении данного портрета святителя Питирима, так как заказчиком и фактически составителем рукописи был сам Преосвященный Феофан.

Несколько слов о ряде важных палеографических признаков (примет).

¹⁴ ТОГБУК ТОКМ. Чудеса святителя Христова Питирима, втораго епископа Тамбовского. Рукопись. Л. 4 предпереpletный.

¹⁵ Там же. Л. 5 об., 6.

Рукопись не датирована, написана в два почерка русским гражданским письмом середины XIX века с элементами кириллицы¹⁶. Отнести дату создания рукописи к периоду пребывания на Тамбовской кафедре святителя Феофана позволяют штемпели бумажных фабрик, расположенные в левом верхнем углу каждого листа¹⁷.

Примечательны имеющиеся записи – автографы:

*«Кафедральный протоиерей Никифор Телятинский
Ключарь, священник Александръ Тихонравовъ
Соборный священник Василий Малиновский
Протодиакон Григорий Краснопевцев»*¹⁸.

На протяжении всего рукописного текста отмечаются правки простым карандашом отдельных чисел, слов, а во второй половине рукописи – целых текстовых фрагментов, авторство которых еще предстоит установить. Пограничная дата правок – 1863 год. В рукописи имеются более поздние вставки, сделанные после отъезда святителя Феофана из Тамбова на Владимирскую кафедру в 1864–1866 годы.

Вторая рукописная книга «Запись о чудесах святителя Питирима, втораго епископа Тамбовского»¹⁹ написана в три почерка русским гражданским письмом середины XIX века с элементами кириллицы. Состав рукописи – «Запись о чудесах святителя Питирима, втораго епископа Тамбовского. Часть 1-я» – 148 чудес святителя Питирима, в хронологических рамках 1832–1866 годов. Рукопись датируется 1867 годом и была создана при еписко-

¹⁶ ТОГБУК ТОКМ. Чудеса святителя Христова Питирима, втораго епископа Тамбовского. Рукопись. Первый почерк Л. 1–170, второй почерк Л. 171–187.

¹⁷ Там же. Л. 1–145, 183–187, пять предпереплетных чистых листа после окончания рукописи – штемпель Троицкой фабрики № 4 Говарда (Калужская губ., Медынский уезд) – прямоугольный с фестонами, 1860 г. Л. 146–182 – штемпель Троицкой фабрики Говарда № 4 прямоугольный без фестонов со скошенными углами, выпуск 1859 г. Л. 2 предпереплетный перед началом рукописи – штемпель фабрики г-жи Сергеевской (Владимирская губ., Покровский уезд) с инициалами ЕС (Ц) готическими под кроной на заштрихованном овале. В.Г.П.У. Сергеевской по овалу. Такая бумага производилась в 1844–1858 гг.

¹⁸ Там же. Л. 137 об.

¹⁹ ТОГБУК ТОКМ. Инв. кн. № 5. Инв. № 12760. Рукопись в лист 33,5x21,4 см. Прономерована постранично – содержит в себе 262 страницы или 131 лист (+2 форзацных, +5 предпереплетных начальных, +3 предпереплетных конечных.) Переплет: картон, оклеен тканью черного цвета. Корешок – картон, оклеен тканью черного цвета. Сохранность: пожелтение, загрязнение бумаги, расслаивание картона, ветхость переплета, утрата листов 72–75 (стр. 143–150).

пе Феодосии II (Шаповаленко; 1863–1873). Переписчик в древней традиции оставил запись – послесловие: «*Переписано грешнымъ рабомъ Божиимъ Николаемъ въ 1867 году. Г. Тамбовъ*»²⁰. Эта дата подтверждается наличием в левом верхнем углу каждого листа штемпелей бумажных фабрик²¹.

Перед началом рукописи помещена фотография с портрета святителя Питирима в овале. Вверху по овалу надпись черными чернилами: «*Святитель Питиримъ В Епископъ Тамбовскій. Часть 1-я.*» Внизу по овалу надпись черными чернилами: «*снятъ съ портрета въ фотографіи А.Н. Гиригорнъ в Г. Тамбове въ 1868-мъ году*». Ниже изящная, скромная виньетка, выполненная черными чернилами²².

Название рукописной книги «*Запись о чудесахъ святителя Питирима, втораго епископа Тамбовскаго. Часть 1-я*» выполнено печатным гражданским шрифтом с элементами церковнославянского алфавита в два цвета (черный и красный)²³. Перед началом рукописи надписи:

«*Праведникъ яко финикъ процвететъ*»;

«*Да будетъ святитель Питиримъ предстателемъ у Господа за раба грешного Николая*»²⁴.

Таким образом, декоративные элементы вносились в рукописную книгу после ее написания.

В рукописи утрачены листы с 72 по 75, т.е. описание чудес святителя Питирима № 92 и № 93, которые сохранились в рукописи «*Описание чудес святителя Питирима, втораго епископа Тамбовскаго, с кратким сведением о его жизни*».

Предположительно эти рукописные памятники поступили в Тамбовский губернский народный музей в 1920-е годы, когда он принимал на хранение отчужденные предметы церковного

²⁰ ТОГБУК ТОКМ. Инв. кн. № 5. Инв. № 12760. Л. 131 об. (стр. 262).

²¹ Там же. Л. 1–6 предпереплетные перед началом рукописи. Л. 130–131 (стр. 259–262), 1–3 предпереплетные листы после окончания рукописи – штемпель бумажной Кондровской фабрики г-жи Козловой (Калужская губерния, Медынский уезд). Штемпель прямоугольный с фестонами, что соответствует 1860 году. Л. 1–129 (стр. 1–258) – штемпель бумажной фабрики № 6 Сергеевой (Владимирская губерния, Покровский уезд) – прямоугольный со срезанными углами. Такую бумагу фабрика выпускала в 1862, 1866–1867 гг.

²² Там же. Л. 3 предпереплетный перед началом рукописи. Размер фото 18,2х14,3 см.

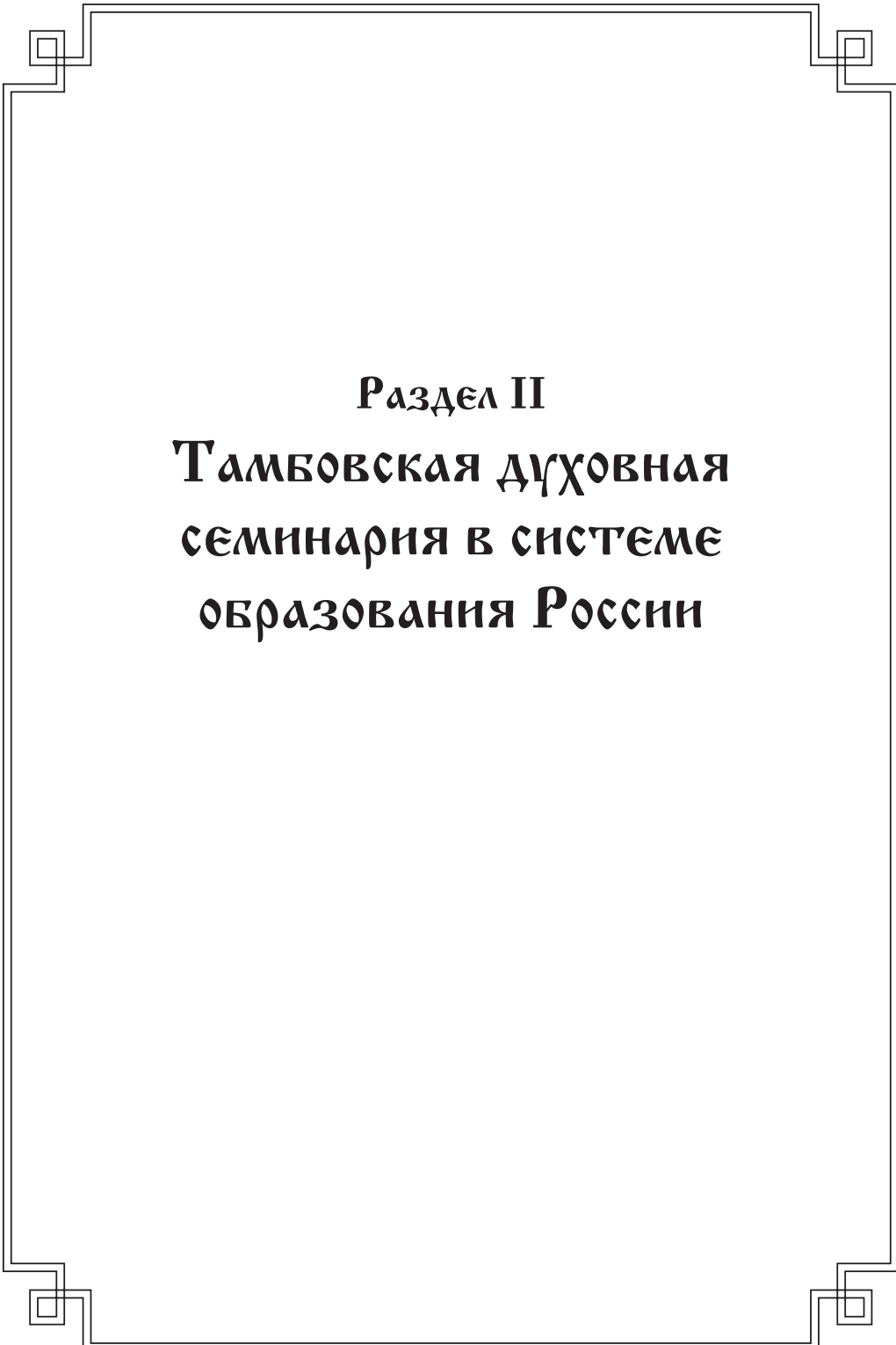
²³ Там же. Л. 4 предпереплетный перед началом рукописи.

²⁴ Там же. Л. 5, 6 предпереплетные перед началом рукописи.

искусства, богослужебного обихода, в том числе и драгоценные святыни Тамбовской епархии – мощи святителя Питирима, его фелонь, панагию, покров, ряд икон. Тем самым эти реликвии и другие церковные ценности были спасены от утраты, безжалостного варварского уничтожения, продажи за рубеж. Несколько десятилетий музейные сотрудники не просто хранили, но и прятали в своих фондах бесценные реликвии, дабы избежать их списания как не имеющих историческую и художественную ценность. Лишь в конце 1960-х годов, когда завершилась активная антирелигиозная компания, рукописные книги получили статус музейных экспонатов.

Впервые рукописная книга «Описание чудес святителя Питирима, второго епископа Тамбовского, с кратким сведением о его жизни» экспонировалась в 2000 году на выставке «В начале было Слово... Сокровища православной культуры и искусства», посвященной 2000-летию Рождества Христова. Затем вошла в экспозицию «Днесь красуется светлый град Тамбов» к 325-летию Тамбовской епархии. В 2011 году в Тамбовском областном краеведческом музее открыта новая экспозиция по истории Тамбовской епархии XVII – начала XX века, где представлен этот уникальный рукописный источник.

В 2014 году по благословению митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия было организовано уникальное издание вышеуказанных рукописей о чудесах святителя Питирима, хранящихся в Тамбовском областном краеведческом музее. Исследование и публикация рукописных книжных памятников, свидетельствующих о служении святителя Питирима и традициях его почитания, особенно знаковы в свете юбилейных дат – 100-летия прославления святителя Питирима и 200-летия со дня рождения святителя Феофана, Затворника Вышенского.

Раздел II
Тамбовская духовная
семинария в системе
образования России

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии,
кандидат богословия

Тамбовская духовная семинария: предыстория учреждения и первые годы деятельности (1779–1802)

Первая духовная школа в Тамбовской епархии появилась при втором Тамбовском епископе Питириме (1685–1698). Святитель Питирим являлся воспитанником монастырской школы при Вяземском Иоанно-Предтеченском мужском монастыре Смоленской епархии, в котором впоследствии был наместником. Став Тамбовским епископом, он построил при архиерейском дворе специальный дом для кандидатов на рукоположение в священный сан, где они проходили начальный курс обучения перед тем, как принять сан. Это были краткосрочные курсы, где учили основам знаний по Священному Писанию, догматике и богослужебной практике, а также читать и писать. Святитель Питирим был архипастырем, который впервые всерьез озаботился образованием пастырей вверенной его попечению епархии.

После смерти епископа Питирима Тамбовская епархия была упразднена в 1699 году. Духовно-школьное дело в пределах края на долгие годы потеряло актуальность, и будущие пастыри могли получать лишь необходимые знания при храмах или в домашних условиях, кто как мог. Естественны поэтому невежество, грубость и неучительность тамбовского духовенства в XVIII веке.

С возрождением Тамбовской кафедры в 1758 году и с назначением на нее епископа Пахомия (Симанского) стала обсуждаться возможность открытия в епархии Духовной семинарии. «Помышлял об образовании духовного юношества своей епархии», – писал в эти годы епископ Пахомий¹. Однако среди множества забот по устройению епархии, попечение о семинарии не было приоритетным для Владыки и так и осталось, к сожалению, только его «по-

¹ Хитров Г.В., *прот.* Историкостатистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 83.

мышлением». Правда, архипастырь предпринял некоторые меры для заготовки материалов и средств на строительство семинарских зданий. С духовенства стали собирать по 1 копейке со двора и к 1764 году уже накопилась сумма в 1984 рубля. В монастырских трегуляевских лесах было заготовлено 1000 штук бруса и много необходимого тесу. Восстановление епархиальных служб после долгих лет закрытия епархии и запустения вынудило епископа Пахомия употребить все пожертвования на более важные нужды.

Делая первые шаги по строительству семинарии, Владыка думал и о подготовке преподавателей для нее. С этой целью на средства епархии в Московскую славяно-греко-латинскую академию было направлено на обучение два человека, каждому из которых выдавалось жалование в размере 25 рублей в год. Какова их дальнейшая судьба, свидетельств не сохранилось. Известно только, что преподавателями семинарии они не стали.

После того как на Тамбовской кафедре епископа Пахомия сменил в 1767 году епископ Феодосий (Голосницкий), он, ввиду отсутствия каких-либо средств, не смог продолжить труды своего предшественника по открытию семинарии. Причиной тому, возможно, стала и сложная ситуация, в которой оказался владыка Феодосий по прибытии в Тамбов, приведшая к наветам на него со стороны местных властей и трехлетнему судебному разбирательству, в результате которого он был полностью оправдан.

22 сентября 1779 года Святейший Синод составил доклад об открытии в Тамбове семинарии и о ее содержании, который через обер-прокурора Синода С.В. Анчурина был представлен императрице Екатерине II. 23 сентября 1779 г. доклад был высочайше утвержден собственноручной подписью императрицы: «На заведение и содержание семинарии в Тамбовской епархии повелеваем отпускать в оную 2000 рублей ежегодно»². Этот день является днем учреждения Тамбовской духовной семинарии.

Получив одобрение императрицы, Святейший Синод указал епископу Феодосию подобрать в Тамбове место для открытия семинарии и принять в нее воспитанников из числа детей священно- и церковнослужителей. Ректором семинарии был назначен настоятель Царе-Константиновского монастыря архимандрит

² Хитров Г.В., *прот.* Историкостатистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 102.

Иоанникий (Беркут-Полонский). Первых преподавателей прислали из Рязанской духовной семинарии. Синод предлагал строить здание семинарии на средства, которые оставались от ежегодно выделяемых казной 2000 рублей.

Вся забота о семинарии легла на плечи ее первого ректора – архимандрита Иоанникия, поскольку «епископ Феодосий не обращал особого внимания на вновь открытое учебное заведение», как пишет об этом биограф отца Иоанникия³. Не сочувствовали этому делу и городские власти. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что для семинарии в Тамбове не нашлось места, и она была открыта в Нижнеломовском Казанском монастыре, который от епархиального центра находился очень далеко. Несочувственно отнеслось к семинарскому делу на первых порах и тамбовское духовенство, привыкшее самостоятельно обучать своих сыновей. Священнослужители понимали, что от них, прежде всего, потребуют средства на содержание семинарии.

Отец ректор энергично взялся за дело. В 1780 году были набраны ученики, открыты низшие классы – чтения, чистописания и грамматики. Преподавание в них осуществлял иеромонах Макарий, который одновременно был и префектом, или, по аналогии с современной практикой, проректором по воспитательной работе. Сведений о других преподавателях за тот период не имеется. Через четыре года, в 1784 году, когда успешные ученики были переведены в высший класс, тот же отец Макарий стал преподавать у них греческий язык. В то время из Рязани прислали еще двух педагогов. В 1785 году открылся класс риторики и пиитики. Для преподавания этих наук пригласили протоиерея Симеона Вышегородского, который до того являлся клириком в Крестовоздвиженском соборе Нижнеломовского монастыря и имел академическое духовное образование.

Пока в семинарии налаживалась учебная жизнь, отец ректор был занят строительством семинарского корпуса в губернском центре. В 1785 году наконец-то удалось добиться от города выделения земельного участка под строительство семинарского здания. Находилось оно между Казанским монастырем и Покровской приходской церковью, причем с момента основания города эта земля

³ Открытие Тамбовской духовной семинарии 22 сентября 1779 г. Тамбов, 1879. С. 3.

числилась за епархией, но со временем была отторгнута городом. Пришлось приложить много трудов, чтобы вернуть ее Церкви. 30 мая 1785 года был заложен фундамент семинарского здания. Все работы вел подрядчик, купец из города Козлова, Иван Черников. В 1786 году неожиданно, в самый разгар строительства, архимандрит Иоанникий был переведен на должность настоятеля Свято-Никольского Чернеева монастыря в Шацкий уезд. Ректором семинарии стал архимандрит Ювеналий, который, прибыв на место и оценив объем предстоящих строительных работ, сразу начал просить священноначалие освободить его от этой должности. В 1787 году он был назначен настоятелем Московского Богоявленского монастыря. На вакантное место ректора семинарии снова был определен архимандрит Иоанникий⁴.

К 1788 году строящийся корпус был доведен до второго этажа, однако строительство его приостановилось из-за отсутствия средств. По расчетам Святейшего Синода за шесть лет существования семинарии должно было быть сэкономлено достаточное количество денег, которых могло хватить на достройку здания, но, как выяснилось, израсходовали 10 тысяч рублей. Ректор семинарии был обвинен в неоправданных тратах, и члены Синода поручили временно управляющему Тамбовской епархией епископу Рязанскому Симону (епископ Феодосий (Голосницкий) умер в 1787 году) разобраться в ситуации. Рязанский епископ тщательно изучил все финансовые документы и пришел к выводу, что излишний расход денег, который допустил архимандрит Иоанникий, оправдан. Владыка указал, что казенные деньги на строительство у ректора закончились, и, несмотря на это, строительство велось на пожертвования. Ввиду недостаточности средств, здание решено было покрыть лубками, предварительно отделать внутри и постепенно начать переводить в Тамбов учеников из Нижнеломовского монастыря.

В 1788 году в Тамбов прибыл новоназначенный епископ Феофил (Раев). Бывший некогда ректором Новгородской духовной семинарии, он понимал и сочувствовал школьному делу и поэтому сразу обратил внимание на Тамбовскую семинарию. Владыка обнаружил, что здание семинарии «стояло одиноко; вокруг него по семинарскому двору, ничем не ограниченному, рассеяны были

⁴ ТЕВ, 1879. № 10. С. 319.

кучи мусора, насыпи земли, разные строительные материалы»⁵. Ненадежная лубочная крыша стала протекать. Епископ выдал ректору книгу для сбора пожертвований. Были взяты кредиты у богатых людей города Тамбова, и в течение 1789–1790 годов второй этаж корпуса был построен, отделан внутри, а крыша покрыта железом. До 1794 года также была построена семинарская больница и каменная ограда.

После окончательной отделки семинарского корпуса в 1790 году в новое здание были переведены все ученики из Нижнеломовского монастыря. В том же году состоялся первый семинарский выпуск. Всего во всех классах семинарии училось в то время около 300 человек; 30 из них – на казенном содержании. В Тамбовской семинарии, помимо ректора и префекта, преподавали науки еще шесть педагогов. На содержание духовно-учебного заведения выделялось 2000 рублей в год, причем 1000 рублей экономилось на семинарские постройки. В этой связи бытовые условия в семинарии первое время были очень тяжелые. Воспитанники не имели ни кроватей, ни постелей, классы находились в жилых комнатах. Ночью воспитанники спали на полу, а днем выносили все свои вещи из классов и складывали их в коридоре для того, чтобы подготовить помещения к занятиям. В столовой не было ни столов, ни стульев; вместо них стоял один толстый обрубок дерева, на котором помещалась большая деревянная чашка, и все брали из нее пищу собственными ложками. Одеты ученики были как попало и порой походили на бродяг. Положение несколько улучшилось после того, как в 1798 году сумма, отпускаемая из казны на семинарию, увеличилась до 3500 рублей в год.

Никаких методических указаний для учителей и дополнительных пособий для учеников не имелось. Епископ Феофил сам в 1791 году разработал инструкцию и правила для Тамбовской духовной семинарии, по которым она жила вплоть до введения устава 1814 года. В учебном отношении весь курс распределялся на 6 классов: заправное, низшее, высшее, риторическое, философское и богословское. Учебный курс в семинарии составляли следующие предметы: богословие, философия, риторика, пиитика, русская грамматика, краткая Священная история, гражданская история,

⁵ Хитров Г.В., прот. Указ. соч. С. 151.

катехизис, география, пение, латинский и греческий языки. В каждом классе учились по два года. Экзаменов, как таковых, в семинарии в то время не существовало; ученики переводились из одного отделения в другое по совокупной успеваемости в течение года. Епископ Феофил в 1801 году своим указом, в качестве годовых экзаменов, по примеру Киевской духовной академии, ввел так называемые диспуты. Вот как они проходили, по воспоминаниям одного из очевидцев: «Епископ Феофил особенно любил диспуты и нередко давал их программы. Годичные испытания также назывались диспутами, только публичными. На летних диспутах в Тамбовской духовной семинарии было много посторонних лиц. Диспут происходил в семинарском зале, там, где теперь церковь. Его убирали цветами, эмблемами и вензелями, перед столом Преосвященного делали ковер из травы (все делали сами воспитанники). Преосвященный сам вызывал лучших учеников, задавал вопросы. Если ученик не мог ответить, то отвечал учитель. Если кто-то из публики вызывал худшего ученика, вместо него выходил лучший. Когда публика утомлялась, приступали к чтению письменных сочинений (обычно они посвящались епископу)»⁶. Но уровень знаний учеников, особенно младших отделений, был невысоким. Когда в 1798 году епископ Феофил распорядился, чтобы преподаватели предоставили списки тех воспитанников, которые не искусны в русском чтении, оказалось, что только в заправном классе 9 человек плохо читают по-русски⁷.

К 1798 году количество учеников в семинарии увеличилось до 395 человек. Когда в 1799 году изменились границы епархии и в семинарию стали поступать из уездов, некогда входивших в Рязанскую и Воронежскую епархии, число воспитанников возросло на 100 человек.

В первые годы деятельности Тамбовской духовной семинарии в ней обучались и выходцы из других епархий. В 1800 году из Рязанской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской губерний в Тамбовской семинарии обучался 131 воспитанник⁸. Таким образом, в семинарии находилось одновременно более 500 человек. Возникла необходимость расширить корпус. В 1799–1800

⁶ ТЕВ, 1879. № 1. С. 1518.

⁷ ГАТО. Ф. 186. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 17. Л. 12.

годы было построено два флигеля с южной и северной стороны, в которых разместились общежитие и квартиры для наставников. В 1802 году для ректора, который проживал в здании семинарии, была устроена квартира вне семинарского корпуса.

Строительством указанных построек завершился первый этап в истории семинарии, связанный с ее внутренним и внешним обустройством. Хронологически он окончился с назначением в 1802 году ректором семинарии протоиерея Гавриила Шиловского. Отец Гавриил был назначен ректором по ходатайству епископа Феофила, что само по себе выглядело необычно, так как на ректорскую должность в то время принято было назначать монашествующих. Протоиерей Шиловский занимал должность ректора до 1813 года, когда при Тамбовском епископе Ионе (Васильевском) началось преобразование Тамбовской духовной семинарии согласно уставу 1814 года.

Священник Алексей Насонов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Тамбовская духовная семинария во второй половине XIX – начале XX века

Вторая половина XIX – начало XX века для Тамбовской духовной семинарии были временем значительных перемен, коснувшихся внутренней и внешней ее жизни. К тому времени комплекс зданий семинарии состоял из главного корпуса (построенного в 1785–1796 гг.), по обе стороны которого располагались общежитие для воспитанников, столовая и пекарня, квартиры преподавателей. С северной стороны семинарской усадьбы находился больничный флигель. Симметрично ему, у южной ограды, – погреб, ледник и баня. В 1822 году в усадьбе появился новый больничный корпус на каменном фундаменте. В эти годы семинарские здания были перегружены уездным и приходским училищами¹. Кроме того, со времени ректора Иасона (Никольского, 1813–1826) ректоры стали занимать квартиры в семинарских зданиях. В связи с этим в 1825 году по улице Семинарской построили новый двухэтажный корпус с колоннадой, в который были переведены столовая, пекарня и общежитие воспитанников. В начале XX века в этом корпусе расположили квартиры начальствующих.

В 1847 году в зале семинарских собраний главного корпуса была открыта первая училищная церковь в честь святителя Николая Чудотворца. «Церковь была украшена иконостасом художественной работы и иконами, написанными по золотому фону в подражание греческому письму. Над царскими воротами на стекле была выписана "Тайная вечеря"; большие окна домово́й церкви были застеклены чистым богемским стеклом; для нового храма было приобретено хрустальное паникадило»².

В 1875 году духовенством епархии было приобретено здание на Большой улице за 30 500 рублей для своекоштного общежития. А в 1909 году началась перестройка главного корпуса и возведение

¹ Кученкова В.А. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 15–16.

² Там же.

отдельного здания, предназначенного для домово́й церкви. Работы проводились архитектором В.И. Фрейманом. При надстройке третьего этажа над главным корпусом под средней частью не оказалось прочного фундамента. Укрепление его и расходящихся стен потребовало крупных затрат в 266 000 рублей, вместо запланированной суммы в 21 000 рублей. Перестройка главного корпуса с домово́й церковью закончилась в 1911 году. «16 октября 1911 года семинарская церковь была освящена епископом Тамбовским и Шацким Кириллом (Смирновым, 1909–1918) в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Церковь занимала второй этаж нового корпуса, а на первом расположилась фундаментальная семинарская библиотека»³.

Перемены затронули и другие стороны жизни семинарии. Благодаря открытию параллельных классов, которые содержались на средства духовенства, стало возможным увеличение количества воспитанников, которых теперь набирали из всех сословий. После окончания семинарии им была дана возможность поступать в светские учебные заведения.

На фоне постепенного – к XX веку – улучшения хозяйственного положения Тамбовской семинарии наблюдались некоторые отрицательные моменты, свидетельствующие о нравственном состоянии обучающихся в ней семинаристов. Все меньше студентов выбирали для себя путь служения Церкви, и все чаще были слышны протесты, проявление недовольства начальством и открытое следование новым политическим идеям, которые не согласовывались с церковным учением.

Причину такого поведения студентов нужно искать, в первую очередь, в духовно-нравственном состоянии самого общества, болезни которого (вольнодумство и революционные идеи) постепенно заражали семинаристов. Правление Тамбовской духовной семинарии видело эту проблему и не закрывало на нее глаза. Чтобы улучшить нравственное состояние воспитанников и как-то заинтересовать их, стали вводиться новые предметы, организовываться кружки по интересам, появился институт классных наставников, была установлена должность семинарского духовника.

³ Кученкова В.А. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 15–16.

Предпринятые меры не замедлили дать результат. Воспитанники перестали уклоняться от богослужений и классных уроков, стали вести себя благопристойно. Число грубых нарушений дисциплины значительно сократилось.

Тамбовская духовная семинария во второй половине XIX – начале XX века являлась культурно-просветительским учреждением Тамбовской губернии. Из ее стен вышло немало ученых, историков, естествоведов, преподавателей. По сложившейся традиции из каждого выпуска два студента направлялись на стипендию Тамбовской семинарии обучаться в Московскую духовную академию. Некоторые семинаристы поступали в университеты. Многие из ее воспитанников стали выдающимися деятелями науки и культуры: Н.Я. Аристов, известный фольклорист; П.И. Малицкий, автор «Истории христианской Церкви», изданной в 1912 году и допущенной в качестве учебника церковной истории; И.И. Дубасов, протоиереи Г.В. Хитров и С.А. Березнеговский, первые тамбовские краеведы, авторы статей и книг; К.В. Островитянов, экономист и писатель. Среди воспитанников семинарии был старец Амвросий Оптинский⁴.

После реформы 1869 года программа всех шести классов семинарии включала в себя: толкование Священного Писания Ветхого и Нового Завета, общую и русскую церковную историю, богословие (введение в богословие, догматику, этику, практическое пастырское богословие, гомилетику, литургику), русскую литературу и историю литературы, светскую всеобщую и русскую историю, математику (алгебру, геометрию, тригонометрию), основы пасхалии, физику, основы космографии, философию (логику, психологию, обзор философских систем), педагогику, языки (латынь, греческий, французский, немецкий, мордовский и татарский), церковное пение. Факультативно преподавались древнееврейский язык и иконописание. Семинария подготавливала будущих пастырей к миссионерской деятельности.

С 1884 года учебная программа семинарии изменилась. В нее вошли новые предметы: библейская история, история русского раскола, апологетика и сравнительное богословие. В курсе философии сохранились логика и психология, а обзор философских

⁴ Кученкова В.А. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 17.

учений и педагогику заменили основами и краткой историей философии и дидактикой.

Следует заметить, что к XX веку образование в Тамбовской семинарии постепенно поменяло свою направленность с миссионерской на просветительскую. Это видно из изменений в учебном плане. Уменьшилось количество часов, рассчитанных на древние языки, за счет чего увеличилось число занятий по русской литературе. Изучение новых языков стало факультативным. В интересах религиозно-нравственного воспитания усилилось преподавание церковного пения и прикладных наук.

С 1907 года в семинарии начали проводить занятия по пчеловодству, садоводству, столярному ремеслу. Они были доступны всем жителям города Тамбова. Лекции по пчеловодству читал С.В. Валковский, статьи которого публиковались в центральных журналах.

Для классного обучения пению в семинарии была приобретена фисгармония, образовано 14 любительских хоров. В жизнь вносилось разнообразие. Многие семинаристы в свободное от учебных занятий время занимались музыкой и «достигали в этом искусстве значительного совершенства» (многие в качестве инструмента выбирали скрипку), иные – в рисовании под руководством учителя-художника; другие – в переплетном деле. Кроме того, воспитанники семинарии, по желанию пастырского съезда духовенства январской сессии 1907 года, с разрешения инспекции, во второй половине учебного года посещали театральные представления, концерты и вечера. Они также имели позволение участвовать в концертах Тамбовского отделения Императорского музыкального общества, в школе которого некоторые из семинаристов брали уроки пения, гармонии, инструментальной музыки.

С 1 ноября 1907 года при семинарии была открыта для воспитанников читальня, в которую выписывалось несколько газет и журналов, а также передавались издания, получавшиеся для ученической библиотеки⁵.

Стоит сказать несколько слов о фундаментальной семинарской библиотеке, которая начала формироваться с 1788 года, накапливая в своих фондах уникальные издания. В числе необычных был

⁵ Служба Богу и России. М., 2002. С. 60.

документ летописного характера «Бытность архиереев Тамбовских», представлявший одну из многочисленных глав рукописной книги и содержавшей каталог всех Российских архиереев. Рукописная летопись была подарена семинарской библиотеке епископом Феофилом с автографом: «Сию книгу в пользу Тамбовской семинарии, яко содержанием своим достойную любопытства, отдаем в семинарскую Тамбовскую библиотеку. Е. Феофил». Она действительно заслуживала внимания, поскольку подробно рассказывала о церковном строительстве в Тамбове с конца XVII века до второй половины XVIII столетия. Часть летописи была написана по послужным спискам за пределами епархии, и тамбовские историки ее автором считают митрополита Ростовского Дмитрия. Вторая часть летописи содержала много подробностей о деятельности Тамбовского епископа Феофила. Это послужило основой для предположения, что вторым автором рукописи был сам епископ.

В фонде семинарской библиотеки находилось ценнейшее собрание церковно-богословского содержания (3603 книги), подаренное митрополитом Санкт-Петербургским Антонием – бывшим воспитанником Тамбовской духовной семинарии. В особый отдел были выделены книги Д.П. Райского, завещавшего ценную библиотеку историко-литературного характера семинарии и выделившего деньги на доставку ее из Петрограда в 1916 году⁶. Библиотека имела основной фонд в четырех билетах государственного банка на сумму 400 рублей, пожертвованных ко дню столетнего юбилея семинарии в 1879 году разными лицами. Помимо этого библиотека ежегодно пополнялась денежными взносами от благочинных Тамбовской епархии и добровольными пожертвованиями от учеников семинарии⁷.

При Тамбовской семинарии действовала образцовая начальная школа. Она была учреждена по требованию нового Устава для разработки дидактических приемов и для совершенствования опыта преподавания. Семинаристы активно участвовали в жизни образцовой школы, приобретая опыт в преподавании, и могли создавать приходские школы.

⁶ Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 184.

⁷ ТЕВ, 1882. № 9. С. 227.

С 1892 года в семинарии в 5-х и 6-х классах в свободное от учебных занятий время начинает преподаваться народная медицина – по программе, составленной доктором медицины Флоринским. Семинарское правление строго регламентировало время проведения занятий, чтобы это не мешало посещению студентами образцовой школы⁸.

Каждое воскресенье в актовом зале Тамбовской духовной семинарии проводились публичные чтения религиозно-нравственного характера. Обычно предлагалось два вида чтений: одно – полемического характера (преимущественно противосектанского и противораскольнического), а другое – нравственно-назидательного. Чтения велись от имени Миссионерского Казанского Богородичного братства. В них участвовали преподаватели и учащиеся семинарии и других духовно-учебных заведений Тамбовской епархии. На эти чтения приглашались не только студенты семинарии, но и все желающие. Нередким гостем на них был правящий архиерей. Чтения начинались и оканчивались небольшим концертом духовных песнопений, исполняемых архиерейским хором. Посещение было бесплатным, но слушателям предлагалось добровольно пожертвовать средства на «учащих и учащихся». Для этого при входе стояла кружка для пожертвований. Сборы, конечно же, были небольшие, поскольку основную часть посетителей составляли сами студенты, которые много пожертвовать не могли. Так что кружка была рассчитана на состоятельных посетителей и, в первую очередь, на архиерея, взносы которого обычно составляли половину всей суммы, собираемой за чтения. Все выступления и беседы чтений печатались на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей»⁹.

Одним из проявлений просветительской деятельности Тамбовской семинарии являлось участие семинаристов в разъяснении основ христианской веры иноверцам, желавшим креститься. Такие события освещались на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей». Например, в 1893 году воспитанники 4-го курса Тамбовской духовной семинарии принимали участие в подготовке мусульманина к принятию христианства¹⁰.

⁸ ТЕВ, 1882. № 14. С. 400.

⁹ Там же, 1891. № 24 (н.ч.). С. 1134.

¹⁰ Там же, 1893. № 8. С. 178.

Семинаристы принимали активное участие в организации учебной деятельности. Они образовывали кружки по интересам, одним из которых было Общество проповедников под руководством ректора и преподавателя А.А. Нечаева. Общее собрание их проходило 2–3 раза в неделю. На нем прочитывались литургийные начала из Апостола и Евангелия, указывался смысл и нравственная идея праздника и, соответственно с этим, велась беседа о проповеднических темах. Затем с кафедры произносились очередные проповеди, по возможности – на память. Специально для проповедования были назначены Варваринская, Покровская, Военная (старая Покровская) и Введенская церкви¹¹. Проповедники уделяли большое внимание дикции и внешней стороне проповеди и, нередко, подвергая друг друга критике, совершенствовались в искусстве гомилетики.

Другим подобным кружком стало Общество любителей русской литературы. Воспитанники собирались в воскресные и праздничные дни для чтения и разбора классических произведений, которые не входили в программу семинарского курса по литературе¹².

Тамбовская семинария занималась и повышением квалификации преподавателей. Например, в «Тамбовских епархиальных ведомостях» подробно описываются курсы по церковному пению и дидактике для учителей церковных школ Тамбовской епархии, которые проходили при Тамбовской семинарии в 1897 году¹³.

Таким образом, в Тамбовской духовной семинарии второй половины XIX – начала XX века произошли значительные перемены, благодаря которым она стала важным очагом просветительской, миссионерской и научно-исследовательской деятельности Тамбовской епархии.

¹¹ ТЕВ, 1905. № 34 (н.ч.). С.1444.

¹² Там же, 1911. № 50 (н.ч.). С. 1706.

¹³ Там же, 1897. № 28 (н.ч.). С 699.

Р.Ю. Просветов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Священномученик Феодор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании пастырства

В начале XX века духовное образование в России переживало серьезный кризис. Проявлением его было растущее революционное движение в среде духовных школ, весьма малый процент выпускников – кандидатов в священство и стремление к автономии от духовной власти преподавательских корпораций, состоявших, главным образом, из представителей белого духовенства и светских лиц. Причиной того можно также назвать оскудение веры, чему немало способствовали сословный характер духовных школ, схоластическое обучение и одновременно обмирщение духовного образования через лиц немонашеского звания. Сказалось и общее направление времени, соединенное с погоней за материальными благами. О проблемах в духовном образовании говорит и тот факт, что в феврале–марте 1905 года в пяти семинариях Российской империи произошли значительные волнения, иными словами – «семинарские бунты».

Открывшееся при Святейшем Синоде в марте 1906 года. Особое Присутствие для подготовки к Собору с большим вниманием отнеслось к трудностям духовных школ. Однако единого мнения по разрешению этих трудностей не было.

В этой связи большой интерес для нас представляет проект преобразования духовной школы, который был разработан ректором Тамбовской духовной семинарии архимандритом Феодором (Поздеевским) и представлен в «Записке о реформе духовно-учебных заведений»¹, а чуть позже в статье «Чего желать для нашей духовной школы?»². Основные положения проекта священномученика Феодора были включены в «Докладную записку» епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева) и направлены в Святейший Синод³.

¹ ГАТО Ф. 186. Оп. 112. Д. 1. Л. 61–75.

² Феодор (Поздеевский), архим. Чего желать для нашей духовной школы // Санкт-Петербургские ведомости, 1905. №№ 63, 64.

³ Докладная записка Святейшему Правительствующему Синоду Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого. Тамбов, 1906.

Исходя из первоначальной «Записки о реформе духовно-учебных заведений»⁴, можно заключить, что одной из причин создавшегося положения в духовной школе священномученик Феодор считал несоблюдение требования мотивированного выбора священнического поприща: «...чтобы не случайно и не по принуждению люди приходили к желанию принять священство, а с полным сознанием важности и святости дела, которое они заранее наметили себе, как идеал для жизненного пути, и по своей силе сознательно и усердно готовились к принятию его на себя».

Таким образом, священномученик Феодор еще раз напоминал о том, что для принятия человеком священства необходимо особое «призвание». Причем «призвание» следует понимать, «как сложившийся, цельный характер сознательного усвоения в своей личной жизни христианских начал и убежденного желания и решения идти на созидание Церкви». Такое религиозно-нравственное и церковное настроение формируется «в живом чувстве и опыте прихода церковного, и этот приход и простые верующие люди в данном случае являются лучшими воспитателями и лучшей школой» для его выработки. Священномученик Феодор весьма сожалел, что «нет уже той приходской жизни, того клира церковного и с тем характером, как древле, в котором бы постепенно у членов этого клира вырабатывался и рос под влиянием церковной атмосферы и благочестия прихода дух церковности и благоговения», а потому и «вопрос о реформе пастырской школы необходимо ставить в тесную связь с общей церковной реформой и, в частности, реформой прихода».

Возвращаясь к проекту преобразования духовной школы, священномученик Феодор предлагал «устроить общеобразовательные школы средние для детей духовного ведомства, из которых ученики могли бы свободно, а не по принуждению, или в силу необходимости, идти, куда им хочется... А после этой уже средней школы создать новую, специальную – духовную школу для подготовки к пастырству, желающим избрать себе этот род служения Церкви Христовой». Эта школа «должна быть доступна юношам всех сословий, которые заявят свое желание учиться в ней при надлежащей, конечно, подготовке для прохождения ее курса, т.е.

⁴ Здесь и далее при цитировании источника см.: ГАТО Ф. 186. Оп. 112. Д. 1. Л. 61–75.

по успешном окончании общеобразовательной средней школы». Приниматься в нее должны ученики в возрасте от 18 до 30 лет, количество которых не должно превышать 150–200 человек, т.к. «при 700 невозможно воспитание, а только полицейские меры». В новой школе «должно завести вполне церковный, строгий образ жизни и порядок, соответствующий будущему высокому пастырскому служению, которое, прежде всего, есть молитва по образу Великого Пастыреначальника, Иже во днех плоти Своя, моления же и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан был от благоговеинства (Евр. 5, 7)».

Таким образом, «самая цель духовной школы укажет и определит и программу, и характер, и размер преподавания наук: это будет обуславливаться и узаконяться самым духом школы и задачами, какие она преследует».

Количество курсов школы должно быть три и никак не больше четырех, т.к. общеобразовательные предметы должны быть пройдены в средней школе. В пастырской школе, которую священномученик Феодор предлагал именовать «богословскими курсами», должны были изучаться специально духовные предметы, в основе которых стояло бы преподавание священного писания Ветхого и Нового Завета, самое подробное и основательное. «При осмысленном и умелом его изучении могло бы и не быть далее разных богословий, – утверждал священномученик Феодор, – но так как это дело весьма трудно, то богословие, далее, должно проходиться как единая наука без деления на существующие теперь предметы его; затем христианская нравственность или аскетика... далее церковная история общая и русская с историей старообрядчества, которая укажет и пути к примирению старообрядцев с Церковью; особенно важное внимание здесь должно быть уделено изучению творений и деятельности святых отцов, как выразителей церковного предания; далее пастырское богословие с практическим руководством для пастырей, к которому примыкает литургика с гомиликой; последняя вместе с теорией ораторского искусства должна быть сведена к практике проповедничества через изучение проповедников и составление на основании их и самостоятельных поучений; но чтобы это дело не носило большой печати искусственности и непрактичности, непременно нужно, чтобы ученики

упражнялись в проповеди слова Божия по приходским церквям и народным аудиториям; а литургика, кроме изучения истории и археологии литургической, должна особенное внимание уделить изучению самого богослужения, его устава, а вместе с тем познакомить и с богатым содержанием наших церковных песнопений, в чем значительную услугу окажет знание греческого языка; поэтому изучение древних языков непременно должно быть и в новой школе; но оно должно сводиться к усердному чтению святых отцов и церковных песнопений; к этому же разряду наук должно быть отнесено и церковное пение – история, теория и практика; в виду важного значения пения для священника, на этот предмет нужно уделить особенное внимание; наконец, непременно должны быть оставлены в прежнем составе и науки философия и психология без логики, которая должна быть пройдена в средней школе; а психология должна бы, думается, получить более практический характер: она должна быть педагогической, опыт которой нам уже приходилось встречать и в виде специального руководства, помимо известной книги Ушинского; это важно для ученика, как будущего пастыря или учителя в школе».

«Вместе с тем, – продолжал священномученик Феодор, – непременно нужно рекомендовать продолжение занятий и по новым языкам, не менее одного, по желанию: это нужно и в целях образовательных, и в целях практических, вследствие усложнившихся условий жизни и взаимообщения между народами. Так как в новую школу будут собираться юноши с сознательно намеченными целями жизни, то указанный широкий курс наук нисколько не будет обременителен для прохождения его даже в три лишь года». При такой постановке дела, считал священномученик Феодор, будут восстановлены забытые сокровища духа, а именно церковные песнопения и молитвы, творения святых отцов, жития святых.

Касаясь вопроса воспитания будущих пастырей, священномученик Феодор считал нужным всем педагогам «вменить в нравственную неперемнную обязанность – вместе с начальством руководить учениками, вникать в их настроение, отвечать на все их не только умственные, но и нравственные запросы».

Чтобы обеспечить возможный успех всего дела, ректор Тамбовской духовной семинарии предлагал предоставить начальникам новых учебных заведений «полные права и возможность».

А именно, «пусть всякий начальник сам себе подбирает нужных ему сотрудников, с которыми он уверенно мог бы вести ответственное дело», и будет сам вполне ответственным за успех или не успех порученного ему дела.

В добавление ко всему сказанному священномученик Феодор призывал не смущаться, если временами новая пастырская школа будет малочисленная, – не за количеством надо гнаться, а за качеством.

Проект преобразования духовной школы, предложенный ректором Тамбовской семинарии, не был реализован сразу. Общий строй духовных школ продолжал оставаться в прежнем виде. Однако, священномученик Феодор не оставлял надежды на преобразование и, будучи настоятелем Свято-Данилова монастыря, в 20-х годах XX века все же устроил задуманные «богословские курсы». Правда, просуществовали они недолго.

О.Ю. Левин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Историко-архивным отделом Тамбовской епархии

**«Глубока скорбь любви...»
Тамбовский период в жизни священномученика
Владимира (Богоявленского, 1848–1886)**

Будущий митрополит Владимир, в миру Василий Никифорович Богоявленский, родился в северных пределах Тамбовского края, в небольшом старинном моршанском селе Малая Моршевка, первое письменное упоминание о котором относится к началу XVIII века. Его отец был здесь священником, одним из представителей священнического рода Богоявленских. Известно, что у митрополита была обширная родня по отцу, Никифору Сергеевичу, и по матери, Ирине Антоновне: Ветринские, Черменские, Багрянские – родственники Богоявленских.

О рождении будущего святителя в метрической книге Никольской церкви села Малая Моршевка сохранилась запись: «Младенец мужского пола Василий, родился 2 января 1848 года, крещен 4 января того же года священником Петром Федоровичем Никольским. Родители: Никольской церкви священник Никифор Сергиев Богоявленский и законная жена его Ирина Антонова. Оба православного вероисповедания. Восприемники: той же церкви священник Петр Федоров Никольский и вдовая дьячиха Ирина Карпова»¹. Василий был четвертым ребенком в семье.

Жизнь сельского священника в те годы мало чем отличалась от жизни простого крестьянина. Все члены причта имели небольшие участки земли, сами их обрабатывали. При такой жизни дети священника очень рано приучались к физическому труду. Жили в простых крестьянских избах, тесных и неудобных; и взрослые, и дети одевались во всё домотканое, на ногах носили лапти. Пища также была обычной: каша, щи, квас. Неимоверных трудов стоило отцу семейства собрать деньги на обучение своих сыновей. Денежное

¹ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 4524. Л. 1 об.

содержание причта даже в достаточно зажиточных селах было не очень большое, а приход М. Моршевки не относился к богатым.

Семья Богоявленских была большой. Кроме Василия в ней было еще два сына и четыре дочери: старший брат Иван (1844 г.р.) и младший Феодор (1851 г.р.); старшие сестры Евгения (1845 г.р.), Александра (1846 г.р.), Евдокия (1847 г.р.) и младшая Елена (1853 г.р.).

В 1857 году в семье Богоявленских произошло горе – смерть отца: «10 июня умер, 13 июня отпевали. Умер от горячки»². Отпевал все тот же отец Петр Никольский, с которым отец Никифор много лет прослужил вместе. Не успели похоронить отца, как случилась новая беда: 10 июля того же года, т.е. ровно через месяц, умерла одна из сестер Василия – Александра.

Потеря кормильца осложнила положение семьи, тем более что трем сыновьям нужно было дать образование. К моменту смерти отца в Тамбовском духовном училище уже учился старший сын Иван. 1 сентября 1858 года туда поступил Василий, а спустя два года, в 1860-м, – третий брат Феодор.

Тамбовское духовное училище к тому времени отметило свое 40-летие. Дети, поступающие в него в возрасте 7–8-ми лет, заканчивали обучение к 14–15-ти годам, пройдя через три класса отделения – низшее, среднее и высшее (в каждом по два года).

Учеба в училище для детских неокрепших душ была серьезным испытанием, и не все его выдерживали: кто-то озлоблялся, кто-то становился равнодушным ко всему, а кто и веру терял, а вся его дальнейшая жизнь становилась мучительным поиском пути к Богу, которого многие так и не смогли найти. Но все же справедлива оценка, данная бурсе митрополитом Вениамином (Федченковым) (он также учился в 1-м Тамбовском духовном училище): «Конечно, анекдотических рассказов в духе «Бурсы» Помяловского можно было бы написать немало, но это было бы обидной неправдой... Общая картина, оставшаяся в моей памяти, приятельская, хорошая, мирная»³.

Здесь теперь предстояло жить и учиться маленькому Василию в течение шести лет. Здесь прошло его детство, точнее, самая луч-

² ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 5437. Л. 31 об.

³ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 91.

шая его пора. Здесь он должен был получить начальное духовное образование, которое, впрочем, давало возможность желающим поступить на светскую службу. Мальчик жил в бурсе (училищное общежитие), в ней же питался, получал одежду и кое-какие деньги на содержание.

Всех воспитанников по успехам в учебе и поведении по итогам учебного года делили на три разряда. Василий всегда был в первом разряде, причем в десятке лучших учеников. Так, в 1863 году в высшем отделении он стоял в списке 9-м.

В 1864 году Василий Богоявленский окончил Тамбовское духовное училище и, как один из лучших учеников, был зачислен без экзаменов в низшее отделение Тамбовской духовной семинарии, которая ко времени его поступления была уже солидным учебным заведением со своими традициями, методами преподавания и талантливыми преподавателями. Так же, как и в училище, в ней существовала строгая дисциплина и порядки, но в бытовом отношении она была устроена лучше. «Была просторней и чище училищной. Кормили нас тоже получше», – вспоминали ученики.

Среди преподавателей семинарии в то время было немало незаурядных личностей, которые оказали большое воздействие на формирование характера и взглядов юноши. Один из них – протоиерей Иоанн Максимович Сладкопевцев. Его влияние на будущего святителя не вызывает никаких сомнений. Всякий, кто читал проповеди митрополита Владимира, может заметить в них удивительную стройность и ясность мысли. Отчасти это результат педагогической работы Сладкопевцева, который долгое время преподавал логику и смежные с ней предметы – психологию и философию. Влияние отца Иоанна было настолько велико, что в молодые годы Василий всерьез увлекся этими науками. Не случайно, что и его первой печатной работой был перевод с немецкого учебника по логике.

Годы учебы Василия Богоявленского совпали с чрезвычайно интересными процессами, происходившими в русском обществе во второй половине XIX века. Реформы 60–70-х годов дали новое направление общественной жизни, привели к появлению в стране людей нового типа. Эти веяния затронули и духовные школы. Быть может, эти годы во всей истории Тамбовской семинарии были наиболее плодотворными. Именно тогда здесь получили об-

разование и сам митрополит Владимир, и его земляк митрополит Антоний (Вадковский), а также будущие преподаватели – А. Спасский, Д. Астров и другие.

Именно в это время ректором семинарии был назначен архимандрит Геннадий (Левицкий), очень интересная личность, оказавшая на будущего митрополита огромное влияние. «Он не корчил из себя начальника, а со всеми служащими обращался по-товарищески. Двери его всегда для всех были открыты. Умел вести дело управления семинарии по всем частям в порядке и целесообразно. С воспитанниками всегда обращался по-отечески», – писал о нем один из его подчиненных⁴. Под руководством и при участии таких преподавателей (а мы отметили наиболее выдающихся из них), воздействие которых на Василия не вызывает сомнений, прошли шесть лет семинарского учения Богоявленского. Все это время он был по учебе и поведению всегда в числе первых. Успешно окончив первые два года (низшее отделение), на третий год, в 1866-м, по результатам учебы он был шестым в первом разряде. По окончании среднего отделения, в 1868-м, в том же первом разряде – десятый. Закончил семинарию Василий Богоявленский в 1870 году четвертым в списке первого разряда⁵.

После семинарии будущий митрополит вместе со своим другом Алексеем Спасским был направлен в Киевскую духовную академию для дальнейшего обучения. Годы, проведенные Василием в ней, были временем упорных трудов в постижении богословских наук. Свидетельство тому – первая печатная работа, изданная в Киеве в 1874 году. Это был перевод с немецкого языка «Логики доктора Ганемана».

6 февраля 1874 года Богоявленский написал прошение в правление Тамбовской духовной семинарии о принятии его преподавателем «на вакантную кафедру гомилетики и литургики». 13, 16 и 17 мая 1874 года в присутствии комиссии профессоров и доцентов церковно-практического отделения Василий Никифорович выдержал испытание и получил «право на занятие... кафедры гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей»⁶.

⁴ Русская старина. М., 1905. С. 548.

⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 73. Д. 19. Л. 7 об.

⁶ Там же. Оп. 80. Д. 17. Л. 9.

В июне 1874 года кандидат богословия В.Н. Богоявленский приехал в Тамбов. Молодой педагог, «не жалея трудов и сил своих», взялся за новое для себя дело. Однако сам предмет преподавания «с сухим перечнем частей богослужения и с теоретическим изложением правил церковного красноречия» не удовлетворял Василия Никифоровича. Чтобы оживить уроки, Богоявленский пытался их менять: на уроках по литургике в обязательном порядке сообщал исторические сведения, а по гомилетике давал темы для экспромтов. И все же он не видел должной заинтересованности в своем предмете со стороны семинаристов. Это его несколько печалило, и сам он по поводу такой ситуации выражался следующим образом: «Людам, сердцу которых близко благодетствие государства, начальникам, с любовью и самоотвержением трудящимся для пользы своих подчиненных, с пламенной ревностью подвигающимся на своем поприще, учителям, любящим учеников, как детей своих, — ...всем таким деятелям небезызвестна глубокая скорбь напрасной любви, и если бы вверенные заботам этих слуг Божиих видели всегда, как они скорбят и плачут о безуспешности трудов своих, они, быть может, подумали бы о том, что служит к их миру!»⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что, как только освободилась кафедра Священного Писания в семинарии, Богоявленский обратился в правление с просьбой перевести его на эту кафедру. В прошении он писал: «Находя преподавание Св. Писания для себя более удобным, я желал бы занять вакантную сейчас при Духовной семинарии кафедру Св. Писания...»⁸. В мае 1875 года Василий Никифорович был переведен на кафедру Священного Писания.

Чем жил эти семь лет преподаватель В.Н. Богоявленский? Каковы были его стремления, чаяния, надежды? О чем думал, мечтал?

Вся его деятельность была сосредоточена на преподавании своего предмета и делах семинарии. Но находилось время и для научной деятельности. В период с 1875 по 1880 год написаны его первые три серьезные работы. Первая из них появилась в девятом номере местных епархиальных ведомостей и называлась «Слово

⁷ ТЕВ, 1875. № 9. С. 217–218.

⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 81. Д. 92. Л. 2.

в неделю Вайи». По форме – проповедь, по сути – небольшой духовный очерк. В нем нашли отражение и собственный опыт, и отголоски споров, которые велись в среде семинарских преподавателей. В статье Василий Богоявленский обратился к конкретным слушателям – воспитанникам и товарищам по учительству. На протяжении всего его «Слова», как рефрен, звучит тревога: «Не нашел на любовь сочувственного отклика». Здесь же обозначена еще одна мысль, которую будет повторять Василий Никифорович, став священником, а затем митрополитом: «Безропотно переносите ваши страдания, как бы это ни было тяжело и больно для вас».

В 1876 году в Тамбовских епархиальных ведомостях появилось еще одно творение будущего митрополита – небольшое эссе под названием «Суета твари». Тема выбрана очень важная, не потерявшая своей актуальности в наше время: открытия науки – благо или зло? Взяв строки из послания апостола Павла к Римлянам «о чаянии твари откровения сынов Божиих», Богоявленский с убедительностью доказывает: «Кто хочет быть учеником Христа, необходимо должен соревновать ему в любви и милосердии по отношению ко всякому творению Божию»⁹. А в успехах науки Василий Никифорович видит «ступень к исполнению Апостольского слова об освобождении твари от работы нетления в свободу славы чад».

В последующие годы преподавательской деятельности сочинения Богоявленского не появлялись в печати вплоть до 1880 года. Затем в епархиальных ведомостях в нескольких номерах было опубликовано «Соглашение некоторых противоречащих, по-видимому, мест Св. Писания» – итоговая работа всей научно-педагогической деятельности в Тамбовской духовной семинарии. Причину пятилетнего молчания следует видеть в большой занятости В. Богоявленского.

Новая житейская проблема, с которой столкнулся Василий Никифорович в то время, – недостаток денежных средств. Один из современников, тоже семинарский преподаватель, вспоминал: «Материальное обеспечение по службе в Духовной семинарии было скудным». Поэтому уже в сентябре 1874 года Богоявленский вынужден был подрабатывать, определившись учителем географии в Тамбовское епархиальное женское училище (здесь он преподавал

⁹ ТЕВ, 1876. № 14. С. 613.

до 15 августа 1878 г.). С жильем было проще, так как при семинарии одиноким преподавателям предоставлялась комната.

В 1876 году в жизни Василия Никифоровича произошли значительные перемены – он женился. Его избранницей стала Александра – дочь кирсановского протоиерея Василия Салтыкова. После заключения брака молодая семья сняла квартиру в городе. Расходы на жизнь увеличились. Василий Никифорович устроился учителем географии в Тамбовской мужской гимназии, а с 13 ноября 1876 года в Тамбовской духовной семинарии, помимо Священного Писания, он начал преподавать немецкий язык.

Добросовестный, исполнительный и аккуратный преподаватель, Василий Богоявленский был на хорошем счету у начальства и быстро продвигался по служебной лестнице. 25 апреля 1879 года он получил чин коллежского асессора, в 1880 году был представлен к чину надворного советника. В формулярном списке Богоявленского 1879 года отмечалось: «Поведения весьма хорошего и к должности исправен и благонадежен».

Омрачала жизнь молодой семьи болезнь Александры Богоявленской. Василий Никифорович не терял надежду на выздоровление супруги и делал все возможное к этому. Так, по совету врачей он с женой почти каждый год во время своего отпуска ездил на Кавказ лечиться на курортах. В 1877 году Богоявленский не успел даже вернуться к началу учебного года «из Пятигорска, где он находился для лечения своей жены»¹⁰. В 1876 году он был в отпуске два месяца – июнь и июль. В конечном итоге это дало свои результаты: развитие болезни удалось приостановить.

Неудовлетворенность педагогической деятельностью все больше угнетала Василия Никифоровича. Он не видел результатов своей работы, ему казалось, что он не на своем месте. Мысль о том, что талант, данный Богом, используется не по назначению, мучила постоянно.

«Принятие священного сана было постоянною думою Василия Никифоровича», – говорит современник и указывает причину промедления: «способ содержания нашего духовенства». Но, на наш взгляд, это не было главным. Нам видится, что Василий Никифорович просто долго сомневался, действительно ли он достоин

¹⁰ ГАТО. Ф. 186. Оп. 86. Д. 31. Л. 4 об.

священства, понесет ли он этот крест, тем более что эту тяжесть должна была разделить с ним и его больная жена. Длительные раздумья, убеждения друзей и самого будущего епископа все же дали свои результаты: Василий Богоявленский решил принять сан иерея.

30 января 1882 года Василий Никифорович был рукоположен во диакона, а 31 января – во иереи. Резолюцией Преосвященнейшего епископа Тамбовского Палладия (Ганкевича) отец Василий был определен к Покровскому собору города Козлова на должность помощника настоятеля.

В начале февраля 1882 года отец Василий прибыл в Козлов. Город этот был вторым по величине в губернии, со своими традициями и укладом жизни, присущими только маленьким провинциальным городам Центральной России. Первые впечатления, связанные с новым родом деятельности, подвигли отца Василия в традиционном для начинающего священника «Слове при вступлении на паству» четко и ясно сформулировать те задачи, которые, на его взгляд, стояли перед каждым пастырем. Он говорит: «Нужны такие деятели, каковым желал бы быть и я, которые не потворствуют страстям человеческим, но, по примеру Спасителя, беспристрастно снимают маску с лица и прямо говорят, что нужно для него, что для меня»¹¹. Быть пастырем людей, потерявшим веру, – вот главная задача священника на тот момент, по мнению отца Василия. И в этом трудном деле есть единственная поддержка, дающая энергию в деятельности пастыря, это любовь Господня.

Церковноприходская жизнь Козлова ко времени появления в нем иерея Василия Богоявленского протекала достаточно бурно. Горожане были недовольны духовенством, а те – своими прихожанами. Взаимное неудовольствие в конечном итоге вело к конфликтам, а эпицентром их стал Покровский собор, как центр духовной жизни города.

Ко времени приезда отца Василия в Козлов конфликт между духовенством и прихожанами несколько утих, но отголоски его все еще были слышны. Усилия прежнего настоятеля Покровского собора и городского благочинного протоиерея Феодора Криволуцкого по умиротворению сторон ни к чему не привели, а еще больше раз-

¹¹ ТЕВ, 1882. № 7. С. 237.

жигали конфликт и стоили здоровья самому отцу Феодору (нервные переживания привели его к болезни, от которой он умер в 1882 г.).

После смерти отца Феодора настоятелем собора становится протоиерей Симеон Жемчужников, в будущем епископ Аксайский. Думается, что епископ Тамбовский Палладий не случайно определил при отце Симеоне помощником отца Василия. Эти личности (оба с академическим образованием) могли положительно повлиять на приходскую жизнь города Козлова. И Владыка не ошибся в своем выборе.

Священник Богоявленский очень быстро завоевал уважение прихожан и приобрел авторитет среди местного духовенства. Свидетельство тому – избрание его уже в 1882 году депутатом сначала на окружной съезд духовенства, а с 1883 году – и на епархиальный (где он был избран председателем). В том же 1883 году священник Богоявленский становится благочинным 1-го Козловского городского округа. На этой должности сполна проявились основные черты его характера: «необыкновенная выдержка всех действий и поступков». Занимая эту административную должность (а впоследствии и как настоятель прихода), он «никого не затронул, никого не обидел, со всеми был ровен, в обращении со всеми одинаково приветлив, ко всем благожелателен».

Деятельность священника Богоявленского как благочинного положительно отразилась на жизни козловских приходов. Да иначе и быть не могло: отец Василий всегда неуклонно шел к намеченной цели, твердо, но мягко осаживая непокорных, завоеывая расположение людей только любовью. Это был его принцип: любовь побеждает все. И ему он был верен до конца своей жизни.

Видимым знаком того, что церковно-приходская жизнь в Козлове наладилась, стало создание 24 апреля 1883 года братства при кладбищенской Крестовоздвиженской церкви. Для города таких масштабов, как Козлов, создание братства стало делом историческим, ничего подобного прежде не было. В одном благородном деле соединились силы прихожан и духовенства. Несмотря на трудности первых лет существования, братство смогло выжить и впоследствии занимало одно из почетных мест в ряду подобных учреждений епархии.

Первым председателем братства был единогласно избран отец Василий Богоявленский, который много сил и энергии положил на

организацию его деятельности. Он не раз с амвона убеждал прихожан участвовать в деле братства, доказывая, почему именно такой тип благотворительности наиболее предпочтителен. В своей проповеди, сказанной в соборе 22 июня 1884 года, священник указывал на то, что при частной благотворительности: «С каждым годом все более и более открывается злоупотреблений, потому что под личиной бедности сплошь и рядом гнездится тунеядство, леность, пьянство». Поэтому, подавая милостыню, человек только наполовину исполняет заповедь Христову: «А вопрос об удовлетворении нуждающейся массы нищенствующих остается неразрешенным». По сути, идеи, изложенные отцом Василием в 1884 году, лежат в основе социальной политики любого современного государства. Но тогда такие мысли и такой взгляд на благотворительность для многих был внове.

В 1884 году отец Василий на общем собрании братства отказался быть повторно его председателем. Связано это, прежде всего, с назначением его с 3 сентября 1883 года настоятелем Козловской Троицкой церкви на место священника Ивана Знаменского (перешедшего в собор на место отца Василия)¹². В связи с этим «наличными членами Братства единогласно заявлено искреннее сожаление».

Переход в Троицкую церковь осуществился по личному желанию священника, согласно собственному прошению, «движимый жаждой самостоятельной деятельности как глава прихода». Именно здесь он мог в полной мере реализовать свои планы и идеи как пастырь.

Отец Василий, став настоятелем, обратил, прежде всего, свое внимание на богослужение. Сам он его совершал «чинно, стройно и благоговейно... Церковные службы устраивались самым торжественным образом». Он завел обычай, чтобы настоятель церкви или старший священник совершал позднюю торжественную Литургию. Жители города особенно любили такие службы, потому что они проводились именно отцом Василием, которого горожане искренне любили, чувствуя в нем настоящего пастыря. Привлекал он людей и своими проповедями.

¹² Кученкова В. А., Сухоруков Н.М. Пострадавший за веру Христову. Тамбов, 2000. С. 38.

Более двух лет настоятельством отец Василий в Троицкой церкви и мог бы и дальше находиться на этом поприще, но Бог судил иначе: ему был уготован иной путь.

Мы уже писали о том, что горячо любимая жена отца Василия, Александра Васильевна, страдала каким-то тяжелым недугом, мучившим ее со дня свадьбы в течение 10 лет. И вот осенью 1885 года наступила развязка – жена умерла. Тяжело воспринял этот удар отец Василий, но перенес стойко, твердо уповая на Бога и только в Нем находя утешение. Осень и часть зимы священник еще служил в Троицкой церкви, по-видимому, много думал над новым своим положением, но ясно осознавал, что смерть жены – Божие указание дальнейшего пути. Наконец он решил принять монашество.

Указ о возведении в сан архимандрита от Святейшего Синода последовал 6 января 1886 года «8 февраля 1886 года, в субботу, за всенощной, в архиерейской Крестовой церкви, пострижен священник Троицкой церкви г. Козлова Вас. Богоявленский, 9 февраля возведен в сан архимандрита», – было написано об этом событии в местных епархиальных ведомостях¹³. Постриг совершал епископ Тамбовский и Шацкий Виталий (впоследствии Калужский). Отец Василий получил новое монашеское имя – Владимир и был назначен настоятелем Козловского Троицкого мужского монастыря.

Козловский монастырь был небольшим, тихим уголком, приютом и местом успокоения для скорбящей души. Количество его братии к 1886 году достигало не более 16 человек.

Указ о назначении отца Владимира (Богоявленского) настоятелем монастыря исполняющий должность настоятеля иеромонах Иосиф получил 21 января 1886 года. Архимандрит Владимир приступил к исполнению своих обязанностей в начале февраля. Во время первых же богослужений он обратил внимание на необходимость замены старой церковной утвари и 3 апреля просил Консисторию разрешить старую продать, а на вырученные деньги купить новую, что и было исполнено.

С начала сельскохозяйственного сезона появилась еще одна забота: найти, кому можно было бы сдать в аренду монастырскую землю. Раньше ее всегда сдавали с торгов. Это было менее хлопотно, но не всегда выгодно, так как арендаторы неисправно платили

¹³ ТЕВ, 1886. № 5. С. 217.

и могли проживать даже в другой губернии. Архимандрит Владимир решил сдавать землю хозяйственным способом: самому искать арендатора и договариваться с ним о конкретных условиях аренды.

Летом на короткое время отец архимандрит по делам обители ездил в Москву (с 10 по 16 июня).

21 сентября 1886 года состоялось освящение вновь отремонтированного Троицкого храма – значительное событие в истории обители (ремонт его начался еще при прежних настоятелях).

6 октября 1886 года последовал указ Священного Синода о назначении архимандрита Владимира (Богоявленского) настоятелем Новгородского Антониева монастыря. В конце октября 1886 года отец Владимир покинул Козловский монастырь.

Итак, 38 лет жизни остались позади, впереди было еще 22 года, полные скорби, страданий, терпения и труда.

Протоиерей Виктор Лисюнин,
проректор Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Отделом по делам молодежи,
культуры и паломничества Тамбовской епархии,
кандидат исторических наук

**Роль православного духовенства в развитии
системы народного образования
в конце XIX – начале XX века
(на примере Тамбовской епархии)**

Негативно оценивая последствия либеральных реформ 1860-х годов, обер-прокурор К.П. Победоносцев задачу народного образования формулировал так: «Уберечь народ от губительной заразы нелепых, возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, тесно связанной с церковью»¹. Концепция Победоносцева была поддержана Правилами о церковно-приходских школах 1884 года, призывавшими воспитывать народ в духе православного учения, христианской нравственности и давать полезные первоначальные знания. Так сформировалось смешение образовательной и воспитательной задач, которое Тамбовский архиепископ Иннокентий (Беляев) (1903–1910) характеризовал как «двойственность», вносящую «страшный разлад... борьбу за перевес или светского, или духовного влияния». Как отмечал Владыка: «В последнее время, кажется, перевес решительно на стороне первого...»².

Политика государства в отношении образования в конце XIX – начале XX века менялась, отсутствие преемственности усиливало социальное напряжение в обществе. Основной образовательной структурой были земские школы, дававшие преимущественно светское образование, а учительские кадры в них составляли «интеллигенты-демократы». Церковь не могла в этой ситуации остаться в стороне. Хотя развитие церковно-приходских школ началось

¹ Веселовский Б. История земств. СПб., 1911. Т. 3. С. 272.

² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 450.

позже, но, благодаря политике К.П. Победоносцева, после утверждения Правил о церковно-приходских школах 13 июня 1884 года Церковь стала получать средства из казны на содержание духовного образования, а школьное управление включалось в общую систему церковного управления³. Земства отнеслись к этой идее с пониманием, тем более, что вопросы народного образования требовали очень больших затрат. После 1884 года земства частично передают свои школы церковному ведомству. Ввиду событий 1905 года усиление просветительской позиции духовенства стало государственной политикой⁴. Николай II Манифестом от 9 июля 1906 года поставил просвещение народа на уровень перво-степенной задачи.

Проблема ликвидации безграмотности в Тамбовской губернии была особенно актуальной. По данным переписи 1897 года, только 16,7% населения было грамотным. Среди 20 губерний, где производились подсчеты, Тамбовская губерния занимала 17-е место⁵.

Понимая, что престиж церковного образования зависит от уровня преподавания, духовенство направляет усилия на усовершенствование его в церковных училищах и семинарии. Количество духовных школ, как в Тамбовской епархии, так и в России в целом росло, что создавало проблему качества подготовки церковных кадров. Почти в каждой епархии существовали семинарии, в 1900 году насчитывалось духовных училищ – 187, семинарий – 58, академий – 4. Необходимость дать образование ложилась тяжким бременем на многодетные семьи духовенства и церковнослужителей, за счет казны учились лишь в Академиях, большинство семинаристов и учащихся училищ содержались «своекоштно». К сожалению, популярная идея церковно-государственного союза государством в достаточной мере не обеспечивалась материально⁶.

³ Правила о церковно-приходских школах. СПб., 1885.

⁴ Из доклада гр. Уварова в Госсовете 26 янв. 1912 г. // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1912. Ч. 1. № 8. С. 298–302.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб., 1897. Т. 17. С. 13, 14.

⁶ Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода. СПб., 1910. С. 23; СПб., 1914. С. 25; Духовно-учебные заведения ведомства Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1899.

В Тамбовской губернии существовали различные типы церковных школьных учреждений: 1. Церковные школы (2-классные, 1-классные, школы грамоты, воскресные); 2. Духовные училища; 3. Духовная семинария. В ведении Епархиального училищного совета на 1905 год состояло 1170 церковных школ (одноклассные – более 85%), одна из которых находилась в Касимовском уезде Рязанской губернии, в том числе 105 мужских, 174 женских, 872 смешанных. 459 школ имели квартиры для учителей. В течение 1897–1902 годов появилось 379 новых школьных помещений⁷.

На 1908 год образовательный уровень тамбовского духовенства выглядел так: священники с академическим образованием – 16; священники с семинарским образованием – 1296; священники, не окончившие семинарию, – 117; священник с университетским образованием – 1. По уровню образования священники обгоняли дворянство, поскольку это составляло профессиональное требование⁸. Образовательный статус духовенства выглядел особенно выразительно на фоне общей малограмотности населения.

В подавляющем большинстве уровень образованности священников Тамбовской епархии рос вместе с успехами образования в России. К 1914 году из 77 протоиереев 76 имели богословское образование, 1 – философское; из 919 священников 751 имели богословское, 152 – философское образование и только 16 не имели его вовсе. Ниже был этот уровень у диаконов, где 125 человек из 347 не имели образования, и у псаломщиков – 222 из 7209.

В то же время предъявляемое государством требование к духовенству об обязательном обучении своих детей оказывалось для многих обременительным, а то и непосильным, о чем свидетельствуют данные благочинных за 1914 год. Если до 7 лет за белым духовенством числилось 2985 детей, то после 7 лет числилось 1397

⁷ ТЕВ, 1905. № 50–51; Левочкин А. Краткий исторический очерк Церковно-школьного дела в Тамбовской губернии. (Библиотека музея народного образования в Тамбовском крае.) Б.г.; Сборник-календарь ТГ на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 327–343; Ведомости Тамбовского епархиального училищного совета о церковных школах // ТЕВ, 1906. № 27 (н). С. 515; Там же, 1908. № 49 С. 929–930; Там же, 1909. № 24. С. 351–352; Там же, 1910. № 21. С. 399–400; Там же, 1911. № 28. Прилож. С. 1–2; Там же, 1913. № 27. С. 718–719; Там же, 1914. № 19. С. 614–615; ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1926. Л. 185, 471, 472.

⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2092. Л. 16–75; С. Freze G.L. (ed.) From Supplication to Revolution: Documentary Social History of Imperial Russia. New York, 1988. P. 455.

⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2179.

нигде не обучающихся детей, т.е. около $\frac{1}{3}$ детей духовенства оставалось на уровне домашнего образования и приходской школы. На устранение этой проблемы нужны были средства, которыми духовенство не располагало.

Хотя духовенство, занятое в системе народного образования, имело достаточно высокий образовательный уровень, однако резкое увеличение числа приходов вело к дефициту кадров и постоянному увеличению процента клира, не имевшего богословского образования¹⁰. В то же время некоторыми благочинными наличие специального образования «по старинке» считалось необязательным и даже вредным.

Эффективной формой приведения духовенства в соответствие с современными задачами признавалось самообразование. В круг чтения священника входили и светские журналы, доказывая осознание необходимости расширения информационной базы. Благочинные отмечали, что «отсутствие средств на приобретение хороших библиотек и выписку духовной и светской литературы мешает многим из духовных лиц возможности серьезно заниматься самообразованием»¹¹.

Ежегодно Епархиальный училищный совет организовывал педагогические курсы для учителей церковно-приходских школ при Тамбовской духовной семинарии, оплачивая обучение 8–9-ти учителей от каждого уезда из средств епархиального совета, 5-ти – из средств уездных училищных советов. Проводились занятия по школьной дидактике и гигиене¹².

Церковноприходская школа, а также система подготовки учительских кадров для нее носила всесловный характер. На 1904 год в учительских школах, организованных в уездах Тамбовской губернии, учились 680 крестьян, 138 мещан, 10 купцов, 31 чиновник, 92 представителя духовенства, 16 дворян, 17 почетных граждан. Большинство (81%) проживали в общежитиях, малоимущим назначалась стипендия. Штатные учителя двухклассных школ были исключительно светские, «Закон Божий» и «Историю Церкви» преподавали представители клира. Хотя образовательный ценз учащихся в двухклассных школах был средним (из 45 уча-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2092. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 59.

¹² Отчет ТУС за 1896–1897 год. Тамбов, 1898.

щихся в 15 школах высшее образование имели 2, среднее – 36, со званием учителя училища – 1, со званием учителя приходской школы – 6), однако их силами обучалось 985 будущих народных учителей¹³.

Участие духовенства в системе народного образования еще больше активизировалось после выхода закона 3 мая 1908 года о постепенном (в течение 10 лет) введении всеобщего обязательного начального образования. На заседаниях думской комиссии по народному образованию большинство высказывалось против льгот и привилегий приходских школ: интересы Церкви защищали правые, националисты; против выступали кадеты, социал-демократы и октябристы¹⁴. Показательно, что большинство правящих архиереев в «Отзывах» 1905 года предлагали увеличить количество часов на преподавание естественных и гуманитарных наук в духовной школе. Это рассматривалось как средство достижения стратегической цели: «образовать просвещенных священнослужителей, способных дать себе ясный отчет в современных течениях мысли и жизни и обладающих живым православным христианским убеждением»¹⁵.

Особой заботой Тамбовского училищного совета было состояние школьных помещений и библиотек, наличие учебной литературы. В год советом организовывалось 1112 инспекционных посещений. Из 1170 церковно-приходских школ в 1905 году 1006 имели библиотеки с более чем 151 тысяча книг, или в среднем 5 учебников на одного ученика. Все школы снабжались бесплатными учебниками и учебными пособиями из епархиального училищного совета и его уездных отделений. В 1914 году в Тамбовской губернии действовали 592 народные библиотеки, из которых 113 принадлежали духовенству. Религиозная литература в них составляла 39%, художественная – 25%, научная – 17%, книг по истории в церковных библиотеках было даже больше, чем в земских¹⁶. Обучение детей

¹³ ТЕВ, 1904. №№ 50–51. С. 1565, 1172–1175.

¹⁴ Прибавление к Церковным Ведомостям. 02.01.1910.

¹⁵ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 18, 20–21, 450–460.

¹⁶ Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. В 2 ч. М., 1996–1997. Ч. 2. С. 113–115; Черменский П.Н. От крепостного права к октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861–1917 гг. Тамбов, 1928. С. 93–95.

в приходских школах было вполне толерантным, так как духовенство к обучению допускало раскольников, сектантов, католиков, протестантов, иудеев и магометан. Из 63 952 обучающихся в приходских школах на 1905 году 553 – инославцы и иноверцы.

Епархиальное руководство учитывало растущее количественно участие духовенства в школах Министерства народного просвещения. «В 1909 году законоучителями в учебных заведениях, подведомственных дирекции народных училищ и училищным советам Тамбовской губернии, состояло 898 лиц духовного звания, из них было протоиереев 15, священников 860, диаконов 11 и псаломщиков 12... Обязанности законоучительства и учительства духовенством велись оживленно и с усердием»¹⁷.

Содержание системы образования требовало больших финансовых вливаний государства и местных общественных организаций. Введение бесплатной системы обучения в церковно-приходских школах потребовало значительных ассигнований и постоянного их увеличения. С 1896 по 1903 год их содержание увеличилось в 25 раз. Духовенство являло собой основной источник финансирования. Монастыри, миссионерские братства, приходские попечительства отчислили на содержание церковных школ в 1904 году почти 78 тысяч рублей, что фактически составило половину из общей суммы ассигнования¹⁸.

Тема образования всегда была среди наиболее обсуждаемых в обществе проблем. Вопросы всеобщего обучения и статуса народного учителя стали особенно популярны в 1895–1903 годы в либеральной прессе, с которой консервативные издания вели скрытую полемику. Пресса реально влияла на формирование общественного мнения. Современники давали противоречивые оценки главному поставщику пастырских кадров – духовной семинарии.

Добрый примером является то, что из стен Тамбовской духовной семинарии вышло целое поколение священников Сладкопевцевых, член IV Думы М.Ф. Лачинов, протопресвитер военного

¹⁷ Ведомости Тамбовского епархиального училищного совета о церковных школах // ТЕВ, 1906. № 27. (н). С. 515; Там же, 1908. № 49. С. 929–930; Там же, 1909. № 24. С. 351–352; Там же, 1910. № 21. С. 399–400; Там же, 1911. № 28. Прилож. С. 1–2; Там же, 1913. № 27. С. 718–719; Там же, 1914. № 19. С. 614–615.

¹⁸ Черменский И.Н. Прошлое Тамбовского края. Воронеж, 1961. С. 138–139; Отчет ТУС за 1896–1897 год. Тамбов, 1898; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. С. 327.

и морского духовенства Е.П. Аквилонов, митрополиты Антоний (Вадковский), священномученик Владимир (Богоявленский), Анастасий (Грибановский), Оптинский старец преподобный Амвросий (Гренков), фольклорист Н.Я. Аристов, автор «Истории христианской Церкви» П.И. Малицкий, краеведы И.И. Дубасов, протоиерей Георгий Хитров и протоиерей Стефан Березнеговский, писатель А.И. Левитов¹⁹. Однако были и негативные оценки семинарского образования, высказанные в мемуарах «Записки протоиерея Певницкого» и пр. В ответ на мемуары протоиерея Певницкого в рецензии, опубликованной в Тамбовских губернских ведомостях, отмечалось, что «в эпоху протоиереев Певницкого и Москвина в Тамбовской духовной семинарии не было даровитых учителей, но, тем не менее, об них нельзя сказать: были они из рук вон плохими учителями. Все они делали свое дело тихо, скромно, добросовестно». Были в ту эпоху и выдающиеся лица, но они не всегда могли проявить себя с надлежащей пользой по независящим от них обстоятельствам²⁰.

Еще критичнее о семинарии отозвался тамбовский корреспондент В. Крюковский, опубликовавший очерк «Около бурсы». Закончив ее в числе лучших учеников, Крюковский избрал светскую карьеру. С теплотой вспоминал он бесплатную школу для крестьянских детей, организованную в доме его отца – священника. Спустя 35 лет он вернулся в родное село, где, к его удивлению, соперничали две школы – церковноприходская и земская. «С грустью узнал, что между школами существует антагонизм. Как будто две соседние лавочки, соперничающие в торговле одним и тем же товаром!»²¹.

Такое противостояние на рубеже двух веков было не случайным. Монополия государства на образование подтачивалась правыми и левыми либералами и радикалами. Они стремились резко модернизировать общество, в большей степени на западный манер, пусть даже путем утраты своей национальной идентичности и государственности, попирая многие культурные традиции и исто-

¹⁹ ГАТО. Ф. 186; *Нечаев А.* Очерки из истории Тамбовской церкви. СПб., 1908; Березнеговский С. Тамбовская духовная семинария // ИТУАК, 1913. Вып. 55.

²⁰ Из истории Тамбовской семинарии. (Несколько слов по поводу статьи: протоиерей А. Москвин.) // Тамбовские губернские ведомости, 1897. № 173. С. 1513–1521.

²¹ *Крюковский В.* Около бурсы // Русская старина, 1910. Т. 144. Кн. 10. С. 66.

рический уклад. В этой связи церковной школе, стоявшей на основах традиционного духовно-нравственного воспитания, противопоставлялась земская школа, ориентированная на рационализм и практицизм. Наиболее радикальное, левое, крыло предлагало вовсе закрыть школы, не отвечающие его критериям эффективности. Таковыми, по их мнению, оказывались приходские школы и школы грамоты. Однако по вопросам образования борьба мнений не приняла форму антиправительственных и антиклерикальных выступлений. Немалая заслуга в этом принадлежит именно Церкви, которая, несмотря на ожесточенную критику либеральной общественности, пыталась сохранить мир в стенах учебных заведений и часто себе во вред, не отвечая на антагонизм оппонентов, тихо, без лишних слов выполняла свой просветительский долг перед государством и народом.

Изменение общественной среды, падение нравов, доминирование материальных и меркантильных интересов над нравственными привело к тому, что в начале XX века светское образование стало более приоритетным в сравнении с духовным. Адаптируясь в быстро меняющейся среде, к светскому образованию отчасти стремилось и духовенство, чьи дети, к сожалению, часто поступали в семинарии из-за дешевизны обучения с тем, чтобы затем пойти в университет. В Тамбовской духовной семинарии в 1903/1904 учебном году обучалось 614 человек, из них 518 – из духовного сословия. Из выпускников семинарий меньше половины оставалось «на церковном деле», да и те не всегда самые способные²². Об этом свидетельствует и участие некоторых семинаристов в смуте 1905–1907 годов. Однако это не говорит о радикализации всего духовенства, так как такие семинаристы ни клириками, ни священниками не были, а их пребывание в семинарии в итоге оказывалось случайным.

Реформирование церковной школы являлось попыткой компромисса между запросом нового поколения духовного сословия и системой обучения. Эта проблема обсуждалась на первом пастырском собрании духовенства Тамбовской епархии 15–17 января

²² Определения Святейшего Синода // ТЕВ, 1906. № 2. С. 32–37; Извлечения из годичных отчетов о состоянии духовных семинарий за 1903–1904 уч. гг. // Церковные ведомости, 1905. № 33. С. 399; Феодор (Поздеевский), архим. Что желать для нашей духовной школы? // ТЕВ, 1905. № 21. С. 938.

1906 года. Суммируя высказанные суждения по поводу реформы духовно-учебных заведений, архиепископ Иннокентий (Беляев) оценил их состояние как неудовлетворительное, согласясь, что духовная семинария и училища должны составлять одно среднее учебное заведение с 7- или 8-летним учебным курсом и программой не меньшею, чем в светских средних учебных заведениях. Такая семинария или духовная гимназия должна быть всесословной и содержаться на средства казны. Должность ректора семинарии предлагалось сделать выборной, а инспекцию духовной гимназии дополнить воспитателями. «Вообще же начальники, воспитатели и преподаватели должны быть людьми строго церковной настроенности и высокой нравственности»²³.

По ряду показателей церковная система начального образования уступала земской школе, однако это было обусловлено тем, что Церкви приходилось, опираясь часто только на энтузиазм клириков и некоторых прихожан, безвозмездно содержать целую систему общедоступного начального образования. Об этом свидетельствуют многие факты. Хотя обучение в церковно-приходской школе длилось 2 года, а в земской – 3, в то же время средний бюджет земской школы составлял 507 рублей в год, приходской школы – только 123 рубля; на одного ученика в земской школе приходилось – 7 рублей 78 копеек, в приходской – 2 рубля 72 копейки. Даже если качество обучения в церковно-приходских школах было невысоким, как старались это представить либеральные критики, то все же оно было самым доступным. Земская школа была платной и обучала часто детей именно более зажиточной части населения, малоимущие в основном учились в церковно-приходской школе. К 1885 году земская школа охватила только $\frac{1}{5}$ населения Тамбовской губернии (699 школы и 44 700 учащихся): в 1867 году имелись 253 земские школы, в 1875 – 516 школ. Но церковно-приходских школ уже в 1894 году насчитывалось 1014, в 1905 – 1170; тогда как число земских школ сократилось до 621²⁴.

Духовенство и светское учительство, выполняя общую функцию образования, просвещения, воспитания, к сожалению, не

²³ ТЕВ, 1906. № 9. С. 156–158; Там же, 1908. № 1 (н). С. 4351.

²⁴ Левочский А. Краткий исторический очерк Церковношкольного дела в Тамбовской губернии; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 327–343.

стали союзниками и зачастую воспринимались как политические оппоненты. За сохранение приоритетов Церкви в народном образовании выступали консерваторы. Рационалистический элемент, присущий индустриальному, технократическому обществу, приносился в этом случае в жертву религиозно-нравственному началу. Плохое преподавание дисциплин естественно-научного цикла в церковной системе образования, в этом смысле, не было случайным, чтобы не позволить через эти дисциплины обеспечить соответствующими кадрами процесс модернизации, так разительно сказывавшегося на падении нравов в обществе²⁵.

Тамбовское духовенство активно участвовало в развитии народного образования, подготовке профессиональных церковных кадров, религиозном и нравственном воспитании. Вместе с тем светское образование, поддержанное мощным процессом модернизации, вытесняло его не только в земских, но церковно-приходских школах, проникало в духовные семинарии, академии, в повседневную церковную практику. Политика государственного консерватизма порождала использование формальных, схоластических приемов и методов. В связи с тем, что государство зачастую проводило политику в сфере народного образования формальными методами, требуя от Церкви быстрой отдачи и видимых результатов, при этом, не способствуя ее социальному благополучию и мобильности, низкий педагогический уровень преподавателей компрометировал дисциплины религиозного цикла. В то же время к концу XIX века общественная активность Церкви возрастает, так как стало очевидным, что европейские модели образования не гарантируют гармонии информационного и духовного компонента образования. В этой ситуации государство вынуждено было обратиться «к семье, взывая к нравственным силам общества, в этом случае, на помощь Государству приходит Церковь, которая воспитывает каждую индивидуальную волю, располагая системой воспитательных и нравственно-оздоровительных средств, накопленных веками»²⁶.

²⁵ Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки. М., 1968. С. 35–59; Мягкова К.А. О положении народных учителей. СПб., 1905.

²⁶ Рожков В., *прот.* Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 125.

Священник Иоанн Сутормин,
выпускник Тамбовской духовной семинарии

**Образование и социальное обеспечение
сельского духовенства в XIX веке
(по материалам сельских храмов
Гавриловского района Тамбовской области)***

Храмы до революции были построены в следующих селах района: Вельможино, Гавриловка-1, Гавриловка-2 (ныне районный центр), Булгаково, Булыгино, Глуховка, Гусевка, Димитриевка, Космодемианская Ира, Осиновый Гай, Поляково, Софьино.

В XIX веке духовное сословие было замкнутым. Проанализировав клировые ведомости, мы убедились, что все члены клиров были сыновьями священно- или церковнослужителей, а их сыновья учились в духовных учебных заведениях. В начале своей карьеры многие выпускники духовных училищ и семинарии часто переводились из одного прихода в другой, а многодетные, как правило, надолго оседали в одном приходе.

В клировой ведомости Богоявленской церкви села Пересыпкино за 1862 год содержатся сведения о штате¹. Принадлежность к духовному сословию определяла наследственность профессиональной принадлежности к церкви. Но судьбы складывались по-разному. Должность отца не обеспечивала сыну благополучного продвижения. Важную роль играло образование. Многие начинали его в духовном училище и семинарии. Но не все оканчивали полный курс. «Недочкам» приходилось довольствоваться низшими чинами. Приведем сведения о штате храма села Пересыпкино на период 1862 года.

Священник Елиозар Федотович Соколов был сыном диакона, получил семинарское образование и начал свое служение в Богословской церкви села Гремячки в 1833 году. По документам он

* В статье излагаются сведения о сельских храмах, расположенных в границах современного нам Гавриловского района, тогда как по старому, дореволюционному административно-территориальному делению он входил в Кирсановский уезд. Административно-территориальные границы менялись также и позже. Привязка исследования к современным границам объясняется особенностями методики краеведческой работы, которую провели школьники и прихожане.

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1763. Л. 1–6 об.

предстает человеком незаурядным. В 1835 году Соколов был переведен в с. Пощелкино и только в 1835 – в Пересыпкино. Его усердие по обращению сектантов в православную веру было замечено: в 1836 году он был определен духовником; в 1841-м – награжден набедренником; в 1843-м – назначен наставником сельского приходского училища; в 1847-м – награжден фиолетовой скуфьею; в 1855-м – за усердную службу получил благословение от Святейшего Синода; в 1857-м – назначен благочинным, чуть позже награжден крестом. Соколов был хорошим благочинным, и его усердие в этой должности было отмечено Архипастырским Благословением от Преосвященнейшего Макария. В 1861 году последовало награждение камилавкой. В 1862 году Соколову исполнилось 53 года, из которых 30 лет он находился в службе. Двадцатилетний сын Соколова в тот период учился в семинарии; старшая дочь была замужем; младшая, семилетняя, училась читать.

Второй священник Богоявленской церкви села Пересыпкино Яков Гаврилович Пересыпкинский, сын пономаря, был на 20 лет моложе Соколова. Он окончил семинарию и начал свой трудовой путь с педагогической деятельности – работал наставником в нескольких сельских училищах и только потом был рукоположен в сан.

Ровесник Соколова диакон Алексей Давыдов был сыном дьячка, в свое время исключенным из среднего класса Тамбовской духовной семинарии. В 1833 году он был посвящен в диаконы в селе Пересыпкино и остался на всю жизнь в этом чине без наград. В 1862 году его 16-летний сын учился в духовном училище; 18-летняя дочь была не замужем.

Дьячок той же церкви Иван Андреев, сын дьячка, был исключен из шестого класса Тамбовского духовного училища, поэтому удостоился только низшей должности. Зато свою дочь он начал учить грамоте с шести лет.

Другой дьячок Богоявленской церкви села Пересыпкино Антоний Гаврилов был сыном диакона. Он одолел всего два класса духовного училища и в 68 лет оставался в низшем чине.

Пономарь Иван Иванов, сын священника, несмотря на самый солидный в этом клире возраст, пребывал в столь невысокой должности из-за когда-то полученной судимости. Вторым пономарем Петр Петров, сын пономаря, был исключен из высшего класса Тамбовского духовного училища.

Таким образом, на примере штата Богоявленской церкви села Пересыпкино можно видеть, что в получении церковнослужителями чинов большую роль играло образование.

К таким же выводам мы пришли, анализируя и штат Архангельской церкви того же села Пересыпкино. Для сына дьячка Иоанна Максимова Касаткина семинарское образование открыло путь к священству, послужив своего рода «социальным лифтом»². Однако для того, чтобы этим «лифтом» воспользоваться, выпускнику семинарии требовалась вакансия. А она открывалась не всегда. Поэтому встречались случаи, когда выпускник на какое-то время возвращался к родителям. Такая ситуация к 1862 году сложилась в селе Гавриловка. Со священником Лукой Лебедевым, которому в то время исполнился 51 год, жил его 22-летний сын Алексей, уже окончивший семинарию.

В жизни церковнослужителей случалось и понижение в должности. Например, в Знаменской церкви села Осиновый Гай должность причетника исполнял диакон Андрей Львов, который ранее был судим (но информацию о преступлении мы не обнаружили)³.

Иногда членов клира выводили за штат. В Осиновых Гаях за штатом находился 49-летний вдовый диакон Василий Васильев, имевший судимость⁴.

Семьи духовенства в основном состояли из родителей и неженатых детей. Дочери выходили замуж, как правило, к 20 годам. Если девушки оставались в семье долго, то обычно они считались физически или интеллектуально негодными для замужества. Например, в селе Гавриловка дочь священника Луки Гаврилова Лебедева Елена, 26-ти лет, названа глухонемой⁵. Но встречались ситуации, когда один из престарелых родителей оказывался на попечении детей. Подобные обстоятельства сложились в 1840 году у 22-летнего священника Покровской церкви села Гавриловка Луки Гавриловича Лебедева. С ним жил отец Гавриил Давыдов, до этого служивший в селе Пересыпкино.

В 1840 году в селе Осиновый Гай дьячок Знаменской церкви Георгий Ефимович Воскресенский назван двоеженцем. Разобраться

² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1763. Л. 11 об.

³ Там же. Д. 1141. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 1763. Л. 28.

в его семейной истории трудно. В клировую ведомость вписана первая жена с тремя его старшими детьми; вторая жена не вписана, но трое ее малышей значатся с отцом. Однако подобный случай единственный, встреченный нами в исследованных клировых ведомостях⁶.

Архивные документы начала XX века отразили добросовестное служение священника Богоявленского собора села Пересыпкино Дмитрия Соколова⁷. Он был избран на место благочинного второго Кирсановского благочиннического округа, следовательно, пользовался высоким доверием епархиальной администрации и имел авторитет среди священников своего округа. Составленные им рапорты, ведомости и отчеты свидетельствуют о том, что он хорошо знал своих прихожан, был аккуратным и исполнительным в исполнении возлагаемых на него поручений, касавшихся как приходда, так и благочиния. Не случайно в 1904 году он был представлен к протоиерейству.

Благочинным первого Кирсановского округа в то же время был протоиерей Троицкой церкви села Глуховка Ксенофонт Смирнов. В 1904 году он был представлен к ордену Святого Владимира 4-й степени. Смирнов занимался организацией благотворительных сборов на армию во время русско-японской войны⁸. Священник села Гавриловки участвовал в этих сборах, в том числе лично пожертвовал немалую сумму – 18 рублей 75 копеек. К сожалению, имя этого пастыря в сохранившемся архивном документе не названо.

В 1904 году представлением к протоиерейству был представлен священник села Гремячка Дмитрий Соколов; к скуфье – священник села Булагино отец Николай; к набедреннику – священник села Пересыпкино Петр Архангельский и священник села Осиновый Гай Николай Спасский⁹.

Однако не все заслуживали наград. Встречаются и сведения о штрафах, судимостях и других наказаниях. Например, в клировой ведомости за 1840 год Покровской церкви села Глуховка записано: «Священник Василий Кириаков. Пономарский сын.

⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1141. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 2485, 2461.

⁸ Там же. Д. 2475. Л. 10.

⁹ Там же. Д. 2436. Л. 87, 103, 119 об., 127.

Из церковников. В 1803 году в Предтеченской церкви в селе Рогожки Елатомского уезда посвящен в стихарь и дьячка. В 1818 переведен в дом Его Преосвященства в том же звании. В 1820 в сей церкви посвящен в священника. Грамоту имеет. Находился под следствием в 1822 году в причинении будто бы им экономическому крестьянину Колину острижением брады и жене его боем обид, которых производство прекращено миром. Штрафован в 1825 году за уменьшение церковных доходов, общем причтом на вдов и сирот пятью рублями. В 1834 году находился под следствием и был запрещен в священнослужении в причинении им обид причетникам того села, за что штрафован и послан в монастырь на 6 месяцев. После возвращения из монастыря состоял под присмотром Благочинного»¹⁰.

При постановке на должность давалась специальная грамота. Утрата этого документа становилась предметом специального разбирательства. Например, в 1840 году в селе Рудовка дьячок лишился ставленной грамоты из-за пожара в доме¹¹.

Благочинные осуществляли надзор за духовенством округа. В 1839 году инспекционную поездку совершил благочинный Кирсановской округи села Васильевка иерей Авксентий Никольский¹². В рапорте он сообщил о беспорочном служении священников сел: Глуховки – Василия Кириакова, Коровщины – Алексея Иродионова, Нащекино – Иоанна Николаева, Рудовки – Василия Семенова и заштатного Евфимия Васильева. Также хорошо служили диаконы сел: Соколово – Василий Федотов, Пересыпкино – Николай Григорьев, Космодемьянской Иры – Евдоким Стефанов.

Важным источником о служении были «Формулярные списки» духовенства¹³. Например, из «Формулярного списка» диакона села Гавриловка Павла Никитича Вознесенского за 1863 год мы узнали, что он имел неоконченное семинарское образование. Полный курс семинарии тогда был столь труден, что одолевали его далеко не все поступившие. Но даже неполное образование позволило сыну пономаря подняться по должности выше отца. Место службы менялось неоднократно. Вознесенский был посвящен в диаконы в селе Гремячка, потом переведен в Леонтьевку, затем возвращен в Гремяч-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1141. Л. 25 об. – 26.

¹¹ Там же. Д. 1440. Л. 7.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 1778.

ку. Из Гремячки 31 октября 1858 года вместе со священником он был переведен в Покровскую церковь села Гавриловка.

Из архивной справки от 23 января 2006 года, хранящейся в Космодемиановском храме села Космодемиановка, мы узнали имена священнослужителей, служивших в 1917 году¹⁴. Приведем сведения о них.

Священник Димитрий Александрович Крылов, сын священника, был выпускником полного курса Тамбовской духовной семинарии по второму разряду. После окончания семинарии с 1 сентября 1898 по 8 сентября 1899 года он был учителем в Пахотно-Угловской церковно-приходской школе; 8 сентября 1899 года епископом Тамбовским и Шацким был рукоположен в священника в Космодемиановском храме села Космодемиановская Ира. С того же времени он был поставлен законоучителем и заведующим местной церковной школы, а с 1 ноября 1912 года – законоучителем в земской школе. На шестнадцатом году службы священником, ко дню Святой Пасхи, Крылов был награжден набедренником, а также в память 25-летия церковно-приходской школы получил серебряную медаль. Он имел нагрудный знак в память 300-летия дома Романовых. У отца Димитрия было шестеро детей.

Диакон того же храма, Николай Федорович Орлов, был сыном диакона, окончил полный курс Кирсановского уездного училища и получил свидетельство на звание учителя начального народного училища. С 1890 по 1898 год он был учителем в селах Кирсановского уезда: Красивке, Чернавке и Подвигаловке. С 8 ноября 1898 года семь лет Орлов служил псаломщиком Воскресенской церкви села Рудовка Кирсановского уезда. 6 марта 1905 года епископом Тамбовским и Шацким Иннокентием он был рукоположен в диакона Космодемиановского храма. С 1898 по 1911 год состоял учителем в церковно-приходской школе. Орлов имел серебряную медаль в память 25-летия церковно-приходской школы и нагрудный знак в честь 300-летия дома Романовых. В семье у него было шестеро детей, а также состояла на воспитании сирота племянника Гавриила Орлова.

Социальное обеспечение духовенства в 1800–1917 годы было несовершенным. Обеспечение пенсиями престарелых и больных

¹⁴ Архивная справка от 23.01.2006 г. № 3936/09. Хранится в Космодемиановском храме.

священно- и церковнослужителей в начале XX века осуществлялось за счет сборов с причтов. Платили их все, находившиеся при должности. Средства в казну перечислялись через губернское казначейство. Судя по рапорту благочинного 2-го Кирсановского округа за 1904 год, перечисления делались дважды в год¹⁵. Каждый раз отчисляли 2% от дохода. В Пересыпкино в 1904 году эта сумма составляла 131 рубль в полгода. В масштабах всей епархии собираемые на пенсии средства исчислялись 5000 рублями каждые полгода¹⁶. Это небольшая сумма, если учитывать количество нуждавшихся в получении пенсии стариков, выведенных за штат, и вдов. Испрашивать на епархию сумму сверх собранной не полагалось. Приходилось делить только эти сборы.

Сельское духовенство обеспечивало семьи церковнослужителей необходимыми продуктами питания, добытыми собственным трудом на земле. Но земли этой всегда не хватало. Например, в селе Пересыпкино при Богоявленской церкви усадебной земли было 4 десятины, а пашенной и сенокосной – 66 десятин, т. е. на одну семью священно- и церковнослужителя приходилось меньше 10 десятин, что было недостаточно для эффективного ведения хозяйства. Даже свои деревянные дома им пришлось поставить на крестьянской земле, чтобы не занимать усадеб. У второй церкви того села, Архангельской, при усадебной земли при церкви насчитывалось 2 десятины, пашни и сенокосов – 3 десятины. Следовательно, материальное положение причта этой церкви было совершенно неудовлетворительным. 4 семьи, в которых было 19 человек, никак не могли прожить с трех десятин земли. Значит, они или арендовали, или покупали землю у крестьян. Составитель клировой ведомости отметил: «Постоянного оклада не получается. Содержание скудное»¹⁷. В крестьянских хозяйствах считалось нормальным положением, если не менее 5 десятин земли приходилось не на семью, а на каждую мужскую душу в семье. В семьях духовенства Архангельского храма было 12 мужских душ. Значит, по крестьянским нормам, они должны были иметь не три, а 60 десятин пашни и сенокосов. Скудным названо в клировых ведомостях и содержание причта Покровской церкви села Гавриловка¹⁸.

¹⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2461. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 102.

¹⁷ Там же. Д. 1763. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 28.

Духовенство заботилось о принадлежавшей им земле. Многие сельские священнослужители, кроме обработки пашни, занимались садоводством. Мы обнаружили уникальный документ в 1886 году о состоянии сада священника села Покровской Иры Александра Кармелицкого¹⁹. При переводе священника на новое место возникла проблема передачи усадьбы с садом преемнику. В данном случае возник конфликт, т. к. новый священник Петр Рождественский отказался заплатить за садовые посадки и начал распоряжаться фруктами по своему усмотрению. Спор рассматривался в благочинии и консистории. В итоге было подтверждено право собственности Кармелицкого на сад. В саду насчитывалось 15 яблонь, 150 кустов вишневого и несколько кустов ранних ягод. Владелец нес заметные расходы на покупку саженцев и дополнительной площади земли. При споре он оценил их в 50 рублей серебром, подчеркивая, что свои труды он не оценивает и не требует их денежной компенсации.

По воспоминаниям стариков, заставших первую половину XX века, мы знаем, что сады на усадьбах церковнослужителей часто были единственными в селе. Крестьяне степной части Тамбовской губернии садоводством не занимались. Члены семей священников меняли фрукты на другие продукты у крестьянок, а крестьянским малышам давали их бесплатно. Некоторые садоводы умели прививать на дички сортовые яблони и груши. А вот цветоводством духовенство занималось очень редко.

Православная церковь заботилась о повышении уровня образованности своих служителей и прихожан. Церковные библиотеки при сельских храмах были единственным источником книг и периодики для грамотных крестьян. Сохранился отчет 1903 года благочинного второго Кирсановского округа священника Дмитрия Соколова о церковных библиотеках²⁰. В этот округ входили и интересующие нас села. Всего в округе было 23 библиотеки при церквях и одна благочинническая в селе Ульяновка. На журналы и книги в 1903 году было потрачено 132 рубля 20 копеек. Причем шесть библиотек ограничились только подпиской на «Тамбовские епархиальные ведомости»; остальные – выписали еще от одного

¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2154.

²⁰ Там же. Д. 2403.

до восьми наименований литературы. Чаще всего это были журналы: «Тамбовские епархиальные ведомости», «Миссионерское обозрение», «Странник», «Воскресный день», «Пастырский собеседник», «Душеполезное чтение», «Русский паломник», «Христианское чтение», «Воскресный день», «Кормчий», «Проповеднический листок», «Отдых христиан» (в некоторые библиотеки они выписывались с приложениями).

В 1903 году «Библейскую энциклопедию» архимандрита Никифора выписали в библиотеку при Покровской церкви села Канди. Книги были выписаны в библиотеку при Архангельской церкви села Царевка. Это были «Толкование на Евангелие от Матфея» епископа Михаила, «Критический разбор чтения Л. Толстого «Царствие Бога внутри вас», «Богопознание и самосознание» о. И. Кронштадского, «Евангелие как основа жизни», «Христос Воскресе». Сейчас сложно сказать о том, почему предпочтение было отдано именно таким книгам. Вероятно, духовенство этого храма было более склонно к анализу христианской мысли того времени.

Стоимость подписки на один журнал в тот период составляла от 1 до 9 рублей в год. Книги стоили от 15 копеек до 5 рублей. Очень интересна информация о том, что в благочиннической библиотеке были потрачены 6 рублей на переписку книг. Следовательно, потребовались копии каких-то отсутствовавших в продаже изданий, а иных способов копирования печатного текста тогда не было. Значит, библиотекарь священник Дмитрий Яковлевич Алмазов следил за запросами читателей.

В клировых ведомостях церковью первого Кирсановского округа за 1916 год описана церковная школа села Новая Гавриловка²¹. О ней говорится: «Церковная школа помещается в доме собственном. На содержание ее отпускается от общества села Новой Гавриловки и деревни Кричаловки 45 рублей. В сем году в ней обучается 70 мальчиков и 43 девочки».

В приходе Старой Гавриловки значились две школы: земская и церковно-приходская. На содержание церковной школы выделяется 80 рублей; в ней обучались 77 мальчиков и 35 девочек²².

²¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2740. Л. 187–188 об.

²² Там же. Л. 194 об.

В 1917 году в приходе Космодемиановского храма было две школы: двухкомплектная смешанная и одноклассная церковно-приходская. Обе школы располагались на церковной площади. Церковная школа помещалась в собственном здании и находилась на полном церковном содержании. В 1917 году на школу было выделено 210 рублей. В ней обучались 60 мальчиков и 15 девочек²³. Это описание подтверждает встречающиеся в литературе выводы о росте престижа школьного образования детей среди крестьянства в конце XIX века. Постройка и содержание отдельного школьного помещения, обучение не только сыновей, но и дочерей доказывают положительное отношение родителей к школе. Несомненно, в этом заключалась заслуга и сельского духовенства.

²³ Архивная справка от 23.01.2006 г. № 3936/09. Хранится в Космодемиановском храме.

М.А. Климкова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Сергей Александрович Рачинский и церковно-приходские школы

Читая наши педагогические руководства, прислушиваясь к толкам печати, беседуя о школах с представителями нашей интеллигенции, ...чувствуешь, что речь идет не о той сельской школе, в которой приходится нам трудиться, но о сельской школе вообще, о какой-то схеме, заимствованной из наблюдений над школами иностранными, преимущественно немецкими. Но та школа, которая возникает на наших глазах среди народа, глубоко отличающегося от всех прочих своим прошлым, своим религиозным и племенным характером, своим общественным составом, ...с этой схемой имеет очень мало общего.

С.А. Рачинский. «Сельская школа» (1881)

Идея обучения в России грамоте принадлежала императрице Екатерине II, которая в 1770 году составила первый проект устройства школ для мужского населения, однако на протяжении века он не был воплощен в жизнь. Лишь после 1860-х годов, когда было отменено крепостное право, проведены земская и городская реформы, появились реальные основы для развития народного образования. Всеобщее обучение стало первейшей задачей земства, столкнувшегося с множеством проблем: отсутствием государственного финансирования, учителей, помещений, программ, учебников. Но самое главное – не было единства во взглядах на то, каким должно быть образование и какие цели оно будет преследовать.

В тот период число школ быстро росло. Они имели разную направленность и ведомственное подчинение: школы министерства народного просвещения, земские, церковные, школы грамоты и др.

Идейным вдохновителем церковно-приходских школ стал Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) – ученый и педагог, своей биографией связанный с Тамбовским краем. Его мать, Варвара Аврамовна, которой он обязан воспитанием и начальным образованием, была сестрой поэта Е.А. Боратынского и выросла в усадьбе Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии¹.

Сергей Рачинский был сторонником церковно-приходских школ и Общества трезвости, что вызывало осторожное отношение к его деятельности перед революцией и после нее. До революции оно объяснялось либерализацией высшего общества, порой враждебно относившегося ко всему национальному, – как тогда казалось, устаревшему, отжившему, реакционному. Именно так воспринималось дело Рачинского, который распространению у революционеров-разночинцев «хождению в народ» противопоставил путь «слияния с народом», обратившись к традиционной для русского государства идее единства школы и Церкви.

В советский период наследие Рачинского тоже замалчивали. Ведь, помимо поддержки церковно-приходских школ, он был потомственным дворянином, помещиком, что заставляло задуматься об исключениях, существовавших в марксистско-ленинской теории о классе «угнетателей».

В то, что дворянин мог не только строить школы для крестьян, но и преподавать в них, живя и питаясь вместе с учениками, тратя на это большую часть своих доходов, было трудно поверить. Невозможно было представить, что ученики Рачинского могли читать и писать, петь по нотам, прекрасно рисовать, а также решать в уме сложнейшие примеры. Одно из таких занятий увековечено на живописном полотне Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского», которое хранится в Государственной Третьяковской галерее. Художник, присутствовавший на уроке, изобразил класс и в нем доску, на которой мелом начертан пример – сумма квадратов пяти двузначных чисел, разделенная на трехзначное число. Если Сергей Александрович сумел

¹ Подробнее см.: *Климкова М.А. «Край отеческий...»: История усадьбы Боратынских.* СПб., 2006; Ее же. *Духовные традиции рода Боратынских // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара.* Тамбов, 2005.

добиться со своими учениками такого удивительного результата в устном решении сложнейших задач, то опыт его школ, по сегодняшним меркам, бесценен.

Понять особенности школ Сергея Рачинского невозможно без обращения к традициям семьи, в которой он родился и вырос.

В усадьбе Мара Кирсановского уезда, принадлежавшей дворянам Боратынским, основы воспитательной системы были заложены матерью поэта Евгения Боратынского – Александрой Федоровной. Сергей Рачинский вспоминал о своей бабушке: «В ней благородство характера, доброта и нежность чувства соединялись с возвышенным умом и почти не женской энергией»².

С шести лет Александра Федоровна воспитывалась в институте благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге и являлась одной из лучших учениц своего выпуска. Это учебное заведение воплощало в жизнь идею его основательницы Екатерины II, которая хотела создать «новую породу людей» – улучшить человечество путем воспитания. Поэтому основное внимание в институте уделялось гуманитарным дисциплинам, формирующим сознание.

Окончив институт, Александра Федоровна стала любимой фрейлиной императрицы Марии Федоровны, которая умела ценить в людях достоинства.

Когда Александра вышла замуж за генерала Аврама (Абрама) Андреевича Боратынского и переехала в его тамбовское имение, то явила пример хорошей хозяйки дома и заботливой матери. Воспитание своих семерых детей (а потом и внуков) она строила на основах педагогической системы Смольного института – традиционных нравственных ценностях, доверительных отношениях, поощрениях, приобщении к искусству. Без этого не смогли бы раскрыться таланты ее дочерей и сыновей.

Александра Федоровна сама занималась с младшими детьми русским и иностранными языками, а когда они подрастали, то приглашала гувернеров, гувернанток и учителей. Среди приоритетов в семье Боратынских – занятие рисованием, живописью, музыкой. Особое значение придавалось чтению. Любовь к книге, по

² Е.А. Боратынский: Материалы к его биографии: Из Татевского архива Рачинских / Введ. и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916. С. 136.

мнению Александры Федоровны, являлась важнейшим стимулом самообучения. Она писала в 1830-х годах к дочери – Варваре Рачинской, которая в ту пору сама стала матерью: «Отчего ты так отчаивалась насчет твоих познаний? Насильно никого не выучить, а ежели сын твой не будет любить читать, так и учить не стоит. В противном случае, он сам больше вовнутрь горевши, нежели долбивши наизусть...»³

Впоследствии, когда Сергей Рачинский, упомянутый в письме, начал развивать в школах смоленского имения Татеево социальную педагогику, то вслед за своей бабушкой Александрой Боратынской, вопреки сложившимся правилам, которые ограничивали время уроков, утверждал, что дети способны учиться целый день, но при условии духовной жажды и вдохновения.

Рачинский провел детство в усадьбе Татеево, часто гостя у родственников в Тамбовской губернии. Екатерина Федоровна Черепанова писала в 1849 году из Мары к своей племяннице Варваре Рачинской: «Истинное утешение – приезд... бесценных твоих детей. Серезу уже знала; как тебя благодарить за него – ты [многого] лишила себя, отпустив его к нам. А Володенька нас всех просто восхитил. Я не знаю, как достойно возблагодарить Бога за них. Одна молитва к нему: да сохранит их Господь, этих несравненных, добрых, нежных юношей... Радуюсь за тебя, что ты вознаграждена за все труды твои. Много ли родителей так счастливо?»⁴

В тот год Сергей Рачинский поступил в Московский университет на медицинский факультет, но затем перевелся на естественный. Кроме того, в качестве вольного слушателя он посещал занятия физико-математического факультета. Впоследствии знания, полученные Рачинским, определили его судьбу...

Окончив университет, Рачинский уехал за границу, где занимался наукой и свободным творчеством. Везде, где жил и бывал молодой человек, он, как некий духовный магнит, притягивал к себе людей. В тот период он подружился с композитором Ф. Листом, писавшим музыку на его стихи, и с историком философии К. Фишером.

³ Цит. по: Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 192.

⁴ Там же. С. 197.

В 1858 году 25-летний Рачинский вернулся в Москву, возглавил кафедру ботаники Московского университета, защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Студенты его любили за педагогический дар и душевную теплоту. Сергей Александрович читал лекции, занимался административной работой и благотворительностью, помогая наиболее талантливым ученикам, а в свободное время вел светскую жизнь. Он был частым гостем в доме драматурга, поэта и журналиста Н.В. Сушкова, где собиралось аристократическое общество Москвы, а квартиру Рачинского на Остоженке посещали братья Аксаковы, Тютчевы, граф Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский.

Рачинский воспитывался в традиционной патриархальной семье, в жизни которой вера в Бога занимала естественное место, поэтому тот период был насыщен не только светскими знакомствами, но и церковными. К примеру, 25 мая 1865 года он рассказывал матери в письме о встрече с епископом Смоленским Антонием (Амфитеатовым), который известен тем, что в 1861 году предложил отмечать в России память святых Кирилла и Мефодия и День славянской письменности:

«Милая мамаша. Я в субботу благополучно прибыл в Смоленск. В воскресенье был у обедни в соборе, затем на завтраке у архиерея и с визитом у директора... и вечером был опять у Антония. Вчера утром отправился к Свирской и нарисовал эту старую церковь. Обедал у Настасьи Ивановны и пил там чай с Антонием... Сегодня утром буду у отца Кирилла (инспектора семинарии, очень любезного молодого архимандрита), у Антония...

Антоний – прелесть владыка. Я в первый раз в жизни вижу монаха, производящего такое приятное впечатление, и притом естественная важность, несмотря на почти юношескую веселость и добродушие. Он чрезвычайно мал и худ, деятелен и быстр донельзя, даже служит быстро и отчетливо, совсем наоборот московских архиереев, но все делает с какою-то сосредоточенностью, серьезностью, придающей величавость его несколько резким движениям. Это особенно заметно во время облачения, которое так легко делается смешным, если архиерей во время этого обряда жеманится и медлит. Он страстный охотник до садоводства и превратил живописные овраги, окружающие архиерейский дом, в изящную прогулку. В доме у него все просто и хорошо, и дышит порядком и деятельностью.

Прощай милая мамаша, обнимаю вас всех. Твой С. Рачинский»⁵.

В 1868 году Рачинский подал в отставку и оставил университет. Ему исполнилось 35 лет. Некоторое время он продолжал жить в Москве, подрабатывая переводами для «Русского архива», однако сердце и разум все более тянули его в родное дворянское гнездо, в Татеве, куда он приезжал летом и зимой. Там он занимался строительством, много читал, проводил ботанические опыты и усовершенствовал приемы сельского хозяйства. Лишь осенью 1871 года Рачинский окончательно поселился в Татеве, став помещиком. Все его мысли теперь занимали сад и оранжереи. В заметках и письмах Сергея Александровича тех лет встречаются записи:

«1872. Прибытие [садовника] Андерсена. Постройки: цветочная, ананасная, маленькая оранжерея. Неслыханная весна...»⁶

«...У нас продолжается холодная погода и беспутница... В теплице царствует самая роскошная весна: соединение орхидей, рододендронов и роз придает ей вид огромного букета. Даже совестно, что все это цветет для нас одних...»⁷

«...Несмотря на холод, у нас в саду множество фиалок и гиацинтов. В комнате же цветут глоксинии красоты неописанной...»⁸

«...Погода стала хорошая, все зеленеет, балкон убранся цветами... Сегодня начали ломать оранжерею, и садовники бегают около нее, как муравьи около разрушенного муравейника, спасая, что можно из общего разгрома... Третьего дня мы с мамашей обратили в христианство юного Андерсена, причем было наречено ему имя Константин: неопит страшно барахтался, жара была страшная, ...но все кончилось благополучно...»⁹

Однажды Сергей Александрович зашел в школу для крестьянских детей, основанную в Татеве его сестрой Варварой, и был разочарован царившей там скукой. Он попытался объяснить ученикам тот же материал, но другим языком – более живо и доступно. Результат превзошел все ожидания: дети заинтересовались темой и быстро усвоили ее, а Рачинский получил удовлетворение. С тех

⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 477. Л. 242–243.

⁶ Там же. Д. 719. Л. 44.

⁷ ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 33. Оп. 2. Д. 415. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Л. 22.

пор Сергей Александрович постоянно ходил в школу и постепенно из помещика превратился в сельского учителя¹⁰. Тут ему пригодились и знания в разных областях науки, и увлеченность искусствами, и опыт университетского педагога, и высокая человеческая культура. Если раньше Сергей Александрович разводил и культивировал растения, то теперь он занялся возвращением детских душ, которые по своей чистоте могли быть сравнимы разве что с райскими цветами...

Рачинский стал главным в России идеологом церковно-приходской школы, начавшей развиваться и конкурировать со школой земской. «Заметки о сельских школах», публикуемые им в «Русском вестнике», «Руси», «Церковных ведомостях», способствовали развитию национальной педагогики¹¹. Как перед одним из первопроходцев народного образования, перед ним встал ряд сложнейших проблем, и, прежде всего, взаимоотношение общества и Церкви.

подавляющая часть российской элиты, от которой зависело принятие решений, была в тот период далека от Церкви и не поддерживала создание церковно-приходских школ. «Слово "религия", – писал Сергей Александрович, – в консервативных кругах получило право гражданства, но слово "церковь" подозрительно, слово "священник" возбуждает смех. Высшее общество, насколько оно еще заботится о религии, сплошь проникнуто пашковским духом и презрением к православию. В нем защитниками церкви и духовенства являются лютеране, например баронесса Раден...»¹²

Рачинский понимал, что в таком положении дел отчасти виновата и сама Церковь. Ее служители, среди которых было мало людей с хорошим образованием, не были готовы удовлетворять возросшие духовные потребности общества, стремительно накапливавшего знания в области естественных и технических наук.

В подобных условиях важнейшей проблемой для церковно-приходских школ становилась потребность в верующих учителях и образованных священниках.

¹⁰ См.: Переписка С.А. Рачинского с Л.Н. Толстым. М.; Л., 1928.

¹¹ См.: Рачинский С.А. Сельская школа: Сб. статей / Пред. И. Горбова. М., 1892; Его же. Сельская школа: Сб. статей / Сост., вступит. статья, коммент. Л.Ю. Стрелковой. М., 1991.

¹² РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 718. Л. 8.

Рачинский поставил перед Татевской школой задачу – подготовить учителей и церковнослужителей из крестьянской среды. Эту деятельность поддержал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, который в 1883 году писал Александру III: «Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на жительство в свое имение... и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной. Стал поистине благодетелем местности, основал и ведет с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени... Кроме школ он устроил у себя специальную больницу...»¹³

Когда Сергей Рачинский занялся педагогикой, то стал открывать в учениках таланты – математические, художественные, музыкальные. Он считал, что количество дремлющих творческих сил в народе – огромно, но о них может составить представление лишь внимательный сельский учитель.

Рачинский умел увлечь детей любым предметом. Он развил до совершенства математические навыки учеников, особенно полюбивших устный счет. В перерыве между занятиями они не желали отдыхать, а просили дать примеры для «умственного» счета и решали их с большим воодушевлением. Племянница Рачинского, Ксения Боратынская, вспоминала об уроках Сергея Александровича: «Дети не сидели за партами, а теснились вокруг него. Он импровизировал задачи и задавал по несколько задач зараз. Одни – легче, другие – труднее... и тут же сам решал их в уме... Первое время цифры записывались на доске, но потом и это облегчение отстранилось. Устный счет принимал вид азартной игры»¹⁴.

Уроки арифметики обретали настоящий творческий характер, когда, освоив правила, дети сами придумывали оригинальные ме-

¹³ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени: Письма к Александру III. М., 1993. С. 356–357.

¹⁴ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. М., 2007. С. 203.

тоды вычислений. Опыт своего преподавания Рачинский изложил в книге «1001 задача для умственных вычислений», вышедшей в 1891 году в Петербурге.

Рачинский ввел в программу своих школ геометрию, физику, основы географии и истории. Являясь профессиональным ботаником, он рассказывал о законах природы и мире растений. Одним словом, все свои научные знания Сергей Александрович использовал для развития учеников. Причем весь материал он преподносил с точки зрения практических потребностей крестьянской жизни, да и само устройство школы подчинил особенностям сельской России.

Холодные зимы, короткий световой день, большие расстояния между населенными пунктами способствовали тому, что дети отдаленных деревень приходили в школу на целый день, а то и на неделю, ночуя в классе или сторожке. Чтобы создать условия для учебы, Рачинский придал школе форму трудового интерната с общежитием и сам поселился в ней. Занятия здесь проходили до самой ночи, поэтому заданий «на дом» не давалось.

Между уроками воспитанники гуляли, играли, читали книги и занимались хозяйством. В распорядок дня были включены утренние и вечерние молитвы, воскресные и праздничные богослужения. Сергей Александрович устраивал паломничества по святым местам, в том числе в ближайшую с Татовом Нило-Столбенскую пустынь. (Именно с Рачинским связывают зарождение в России школьных паломничеств.)

Рачинский заметил, что его ученики с удовольствием занимаются с новичками и отстающими, являясь прирожденными педагогами. Это объяснялось особенностями жизни крестьянских семей, в которых мать была всегда занята домашним хозяйством и полевыми работами, а старшие дети нянчили младших, учили и заботились о них. Поэтому некоторые занятия Сергей Александрович поручал проводить способным мальчишкам. Так в детях поддерживались и развивались ответственность, взаимовыручка, терпение, уважение к товарищам, а также прививались первые практические навыки школьного учителя.

Большое значение в обучении Рачинский отводил чтению книг и, в первую очередь, книг религиозного содержания, без которых нельзя было представить жизнь крестьян. Церковносла-

вянский язык, преподававшийся в школе вместо иностранного, помогал освоению грамоты и литературы, давая ребенку возможность самому открывать и удивляться их тесной взаимосвязи.

Кроме книг церковного характера дети полюбили русскую литературу «догоголевского» периода, особенно поэзию Пушкина и Жуковского, а также прозу Аксакова, которые воспевали светлые, добрые начала. Любопытно, что ученики тянулись к Гомеру и Бруту – к их непреходящим темам и возвышенному слогу. Однако произведения Гоголя, Островского и Некрасова, отличавшиеся критическим характером, не вызывали у них душевного отклика. Причину подобного отношения следовало искать в национальном характере русского народа, для которого были чужды дисгармоничные представления о мире и осуждение, пронизывающие творения перечисленных авторов.

Важное место в школе было отведено искусству, развивающему образное мышление и воспитывающему чувства. Когда занятия по чтению, письму, арифметике и Закону Божьему чередовались с художественной деятельностью, то открывались редкие таланты. Так, ученики Тит Никонов, Иван Петерсон и Николай Богданов-Бельский, обладавшие способностями в рисовании, были устроены Рачинским в иконописную школу Троице-Сергиевой лавры. Сохранилось письмо Никонова к сестре Сергея Александровича, Варваре, в котором он рассказывает о приезде в монастырь Коли Богданова-Бельского:

«...Приехавши от Вас в Лавру, мы явились к о. Симеону. Он принял Николю ласково. Назавтра Николе дали рисовать для испытания на грифельной доске, он значительные сделал успехи. Видя, что Николя рисует уже порядочно, наставники начали давать ему рисовать на бумаге контуром, а теперь Николя тушует головки и хорошо преуспевает! К порядкам нашим Николя очень скоро привык. Так как пища наша не очень сытная и всегда постная, то я покупаю для нас с Николею молоко и иногда что-нибудь мясного. С Николею я устроился вместе в одной комнате. Он очень скоро нашел себе товарища из маленьких, живущих с нами учеников. Хотелось бы мне пристроить его к нашему хору, но едва ли это удастся, ибо певчий он не из порядочных; регент мой все-таки обещал испытать его голос.

Теперь относительно себя скажу вам, что я также понемногу в рисовании подвигаюсь вперед. Картину, мученика Севастияна, которую Вы видели у меня, я окончил, а теперь о. Симеон дал мне рисовать другую картину, которая изображает воскресение дочери Иаира. По вечерам Николая рисует маленькие пейзажики, и я до сих пор рисовал с небольших оригиналов, а с понедельника начну рисовать с гипсу. Часто мы бываем у нашего знакомого Ивана Ивановича Соколова. На днях я нашел в газете «Русь» две статьи, написанные Сергеем Александровичем [Рачинским]; прочтя их, я был в восторге, но не один я радуюсь этим прекрасным статьям, а почти каждый, кому попадались эти номера «Руси». Поражает еще всех подпись при статьях: «Сельский учитель С. Рачинский». В Татево мы с Николею пишем почти каждую неделю...»¹⁵

Николай Богданов-Бельский, который стал известным художником, с благодарностью отзывался о Рачинском, считая его своим учителем жизни.

Другой ученик Татевской школы, Иван Петерсон, по окончании учебы в Троице-Сергиевой лавре был определен Рачинским на работу в имение А.И. Новикова Козловского уезда Тамбовской губернии, где преподавал иконопись в народной школе.

Особое внимание Рачинский уделял «педагогической» ценности древних церковных «роспевов». В Татево приезжал С.В. Смоленский – руководитель Синодального хора, директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории. Он занимался с детьми хоровым пением. Сергей Александрович давал уроки сольфеджио, знакомя с нотной грамотой.

На долю учеников Рачинского выпала редкая удача. Они получали духовное воспитание и классическое образование, в котором точные дисциплины соседствовали с гуманитарными, занятиями искусством и трудовым воспитанием. Преподавание велось на самом высоком уровне, обусловленном уникальной личностью Рачинского, который соединял в себе душевную чистоту, глубокий ум, талант и блестящее образование.

¹⁵ Климкова М.А. «Край отеческий...» С. 407.

Сергей Рачинский объединил в своей деятельности две задачи – воцерковление школы и отрезвление народа¹⁶.

Однажды, в день праздника Святой Троицы, Сергей Александрович встретил бывшего воспитанника, который был пьян. Увиденная картина была столь безобразной, что Рачинский испытал чувство стыда и раскаяния. Он почувствовал, что упустил в воспитании то, без чего все прочее не имеет значения, – не закалил воли ученика против опаснейшего из искушений. Единственным средством против этой беды, которое Рачинский смог тогда придумать, было создание Общества трезвости.

5 июля 1882 года, в день именин Сергея Александровича, в татевской Троицкой церкви, после молебна преподобному Сергию Радонежскому, Рачинский вместе с учениками принял обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год. Через год срок обета был продлен, а к обществу стали присоединяться новые члены.

В 1889 году в «Церковных ведомостях» Рачинский опубликовал статью, в которой разъяснял необходимость создания обществ трезвости. Он считал, что трезвенная работа может быть плодотворной лишь в церковном приходе и что только в Церкви можно исцелить человеческую душу от пороков.

Вскоре общества трезвости, по образцу Татевского, стали учреждаться во всех епархиях. Таким образом, благодаря деятельности Рачинского в России начался новый этап православного образования, когда для воспитания в школах появился специальный предмет – «Наука трезвости» и учредились внешкольные учреждения дополнительного образования – общества трезвости.

Сегодня считается, что в России на рубеже XIX–XX веков было распространено пьянство. Население, якобы одержимое «национальной болезнью», спивалось, а общества трезвости не могли существенно повлиять на ситуацию. Действительно, пьянство, постоянно возрастая, превращалось в один из основных пороков народной жизни, но в то время оно не имело столь бедственной

¹⁶ См., напр.: Гусев Г.В. Социально-педагогическая деятельность С.А. Рачинского в контексте трезвенного движения Русской православной церкви // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара. Тамбов, 2005.

формы, как впоследствии, а главным виновником этого духовного рабства являлся не народ, а государство.

К тому времени винная продажа в европейских странах была изъята из рук частных лиц и передана городам или казне, причем значительный процент с прибыли шел на борьбу с алкоголизмом. В 1897 году этот опыт был перенят Россией, где тоже установили государственную монополию на продажу «питей». Закон был введен ради уменьшения потребления водки и расходов населения на ее приобретение, но вскоре цели реформ забыли, а государственная монополия начала использоваться для пополнения казны. Водка превратилась в фундамент бюджета. Кроме того, с введением данного закона потеряли силу «приговоры» сельских обществ, которым в 1885 году было дано право не разрешать винной торговли в своей местности.

Однако даже при возрастающем пьянстве душевое потребление алкоголя в России было гораздо ниже, чем в европейских странах. Если в период с 1885 по 1905 год на одного российского жителя в среднем приходилось 2,8 литра спирта, то во Франции – 19,04 литра, Италии – 12,5 литра, Англии – 10,63 литра, Германии – 9,13 литра. Причем крестьянство в России потребляло алкоголя втрое меньше городского населения¹⁷.

Творческое наследие Сергея Рачинского огромно: статьи, книги, рецензии на памятники искусства, рассказы, стихи, сказки, толкования евангельских текстов. Кроме того Рачинский был собирателем и хранителем святынь своего дворянского рода. Он обладал обширнейшим семейным архивом и в 1899 году издал «Татевский сборник», в котором опубликовал материалы своего дяди – поэта Е.А. Боратынского. Любопытно, что коллекции памятников искусства своей усадьбы Сергей Александрович использовал в качестве образовательного музея, в который водил учеников на занятия.

В 1895 году Рачинский писал о себе в автобиографии в третьем лице:

«Сергей Александрович Рачинский, надворный советник, доктор естеств. наук, 62 года. С 1859 по 1868 г. состоит экстраорди-

¹⁷ Степаненко Н. Заколдованный круг // Пробуждение, 1914 (1 июля). Вып. 13. С. 435.

нарным, затем ординарным профессором Московского университета по кафедре ботаники.

С осени 1875 г. занят исключительно делами начального образования. Все это время по зимам преподавал в Татевской начальной школе, летом же наиболее способных из своих воспитанников приготавливал к экзамену на звание учителя, а также к другим жизненным поприщам, сообразным с их личными способностями [...].

В то же время... был деятельно занят размножением школ в сев.-восточ. углу Бельского уезда. Таковых им постоянно содержанных на собственный счет 10–12. Было этих школ построено... на свой счет десять школьных зданий, по большей части обширных, не считая здания Шопотовской министерской школы, на которое министерством было отпущено 2000 р., издержано же 7000.

В настоящее время на его содержании остается лишь пять школ ведомства Мин. Нар. Просвещения и три школы грамотности, так как четыре из содержимым им школ с начала текущего года [признаны] ц.-приходскими, и получают субсидию от Св. Синода.

Эта сторона его деятельности была крайне неосторожна, ибо уменьшила приблизительно на треть (40 000 р.) его состояние и продолжение ее в настоящих размерах становится невозможным»¹⁸.

В Татеево приезжали люди со всей страны. Их влекло желание прикоснуться к живому, творческому делу Рачинского. Здесь побывали многие выдающиеся личности, в том числе историк князь С.Д. Шереметев, философ В.В. Розанов, автор «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардт, глава миссии Русской Церкви в Японии архиепископ Николай Японский, который родился в соседнем с Татеевом селе Егорье-на-Березе.

Владыка Николай писал из Японии:

«...Вы представить себе не можете, как, живя за границей, страдаешь за недостаток людей для общественной деятельности в России... Отчего это? А нет их оттого, что русский народ еще не развит. Наличия образованного класса едва хватает для службы

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 719. Л. 2.

в самой России... Иное дело будет, когда она будет образованна. И так, развитие массы – вот что насущнейшая потребность России...»¹⁹

«...Боже! Как подумаешь, что за необъятное значение имеет сельская школа! Велика и обширна Россия: шестую часть света занимает она, и на каждом клочке ее в трех-четыре квадратных верстах водятся вот такие бриллианты, какие открыты Татевской школой и отшлифованы в виде художников, священнослужителей, учителей и т.п. Будь Россия покрыта сетью школ, подобных Татевской, как заблестала бы она в мире!..»²⁰

В конце XIX века народные школы, подобные татевским, открылись по всей стране, в том числе в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Елизавета Антоновна Дельвиг, дочь поэта А.А. Дельвига, участвовавшая в устройстве школы села Софьинка, писала в 1880 году из усадьбы Мара к матери Сергея Рачинского: «Скажите Сергею, что все чудеса, виденные мною в его школе, не выходят у меня из головы»²¹. В то время уже действовало народное училище в селе Сергиевка, попечительницей которого была кузина Рачинского – Софья Сергеевна Чичерина, урожденная Боратынская. (Именно здесь получил начальное образование митрополит Вениамин (Федченков) – уроженец тех мест, выходец из крестьянской семьи.) Вскоре открылись школы в кирсановских поместьях Рачинских: в 1886 году – в селе Кобыки; в 1888 году – в Натальевке.

14 мая 1899 года император Николай II написал в Высочайшем рескрипте на имя Сергея Александровича Рачинского: «Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений. Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность»²².

¹⁹ Цит. по: *Хлопецкий А.* Всякому да откроется стезя своя: По рассказам Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Н.В. Мурашова // *Хлопецкий А.* «И вечный бой...» // <http://sp.voskres.ru/prose/hlop1.htm>

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: *Климкова М.А.* «Край отеческий...» С. 399.

²² Там же. С. 409.

В 1900 году Татевская школа приняла участие во Всемирной промышленной выставке в Париже. К тому времени опыт Рачинского изучали в Англии, где открылись школы подобного типа – Аббатсхолмская (1889) и Бидельская (1892).

За 20 лет из числа воспитанников Рачинского вышло около 60 учителей, 12 диаконов, 4 священника, 3 художника, академик-атомщик, министр нефтяной промышленности, доктор медицины. Один из учеников Рачинского, протоиерей Александр Васильев, расстрелянный в 1918 году, был последним духовником царской семьи.

РАЗДЕЛ III
Научные публикации

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Священник Дмитрий Смольянинов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

**Значение и роль епископата в жизни Церкви
(по творениям святых отцов и церковных писателей
II–IV веков)**

Ибо вы были, как овцы блуждающие
(не имея пастыря); но возвратились ныне
к Пастырю и Блюстителю душ ваших.

1 Петр. 2, 25.

Апостольское служение, столь существенное для всей «икономии спасения», не могло прекратиться со смертью апостолов: по своему характеру оно было таково, что, несомненно, предполагало наличие преемников. Так, апостол Павел, обращаясь к посвященному им Тимофею, призывал его к учению во имя более действенного назидания паствы: «Вникай в себя и в учение, занимайся им постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя»¹. Он же убеждал держаться образца здравого учения, проповедовать слово «во время и не во время... обличать, запрещать, увещевать»².

К преемникам обращены знаменательные слова святого апостола Павла: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителеми, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею»³.

Первые свидетельства о существовании в сознании Церкви идеи богоучрежденности священства и преемственной передачи иерархического служения встречаются в творениях мужей апостольских. Так, святой Климент Римский писал к коринфянам: «Проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из

¹ 1 Тим. 4, 16.

² 2 Тим. 11, 13; 4, 2.

³ Деян. 20: 28.

верующих, по духовном испытании, поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих»⁴.

В первые века христианства уже существовали антицерковные явления. К ним относятся: гностицизм, монтанизм и новацианство.

Гностицизм коснулся всех существенных сторон учения о Церкви, но в особенности он направлен был против представления о ней, как о божественном учреждении, что вело к отрицанию ее апостольского и вселенского значения. Монтанисты и новациане, уча о безусловной святости Церкви, не находили отражения своего идеала, поэтому задалась целью образовать новую церковь, которая бы вполне соответствовала их представлениям.

При таком положении вещей Церкви Христовой грозила опасность. Она послужила стимулом для лучших ее сынов – знаменитых отцов и учителей Церкви – выступить на борьбу с этими вредными антицерковными учениями.

«Таинство священства, – говорит протоиерей Владимир Малиновский, – имеет то отличительное от прочих таинств свойство, что, являясь источником и для самого себя, состоит из различных степеней, образующих собой церковную иерархию»⁵.

Церковь не признавала поставление в иерархические степени тождественным избранию достойных лиц на эти степени (первое всегда строго отличалось от последнего). Посвящение облакало избираемых лиц особыми благодатными полномочиями, они признавались членами церковной иерархии.

В древней Церкви, по свидетельству христианских писателей и святых отцов, церковная иерархия состояла из трех степеней: епископа, пресвитера, диакона. Первую и высшую степень священства составляли епископы (от греч. – наблюдатель), которые являлись носителями всей полноты благодати священства и совершителей всех семи таинств христианской Церкви. Вторую степень священства составляли пресвитеры (от греч. – старцы), третью – диаконы (от греч. – слуга).

Климент Александрийский, касаясь суждения об иерархическом служении, посвящает этому вопросу целую главу шестой кни-

⁴ Писание мужей апостольских. СПб., 1992.

⁵ Малиновский В., прот. Православное догматическое богословие. Сергиев-Посад, 1909. Т. IV. С. 308.

ги «Строматы». Обличая гностиков, приписывавших одним людям одну природу, другим – другую, Климент доказывал, что в Церкви действительно есть различные степени совершенства, равно как и степени иерархии. Однако бытие степеней того и другого рода обуславливается не природой или естественными свойствами известных личностей, а упражнением в благочестии для одних и божественным, благодатным избранием других. Климент говорит, что и апостолы были избраны «не по какому-либо превосходству природных своих свойств, так и Иуда был избран вместе с ними, но были избраны Тем, Который проводит конец для того, чтобы сделаться апостолами. Поэтому и Матфей, не избранный вместе с ними, но сделавший себя достойным, чтобы быть апостолом, поставляется на место Иуды... Поэтому и здесь в Церкви есть степени епископов, пресвитеров и диаконов, по подражанию, думаю, ангельской славе и ее домостроительству»⁶.

Святой Иринеи Лионский, видя в иерархии критерий истины и используя его в борьбе с еретиками, подробно и конкретно излагает учение о преемстве епископата, которое является почти господствующей в системе его эклезиялогических воззрений. При каждом удобном случае он повторяет свою мысль о том, что истина сохраняется в Церкви благодаря преемству епископов⁷.

О факте поставления апостолами епископов находим сведения и в трудах Климента Александрийского. Хотя специальной речи по этому поводу у него нет, но все же его учение об иерархии можно представить так: «Главное и основное начало, руководящее, правящее жизнью Церкви и направляющее ее к высшей цели есть воля и сила самого Иисуса Христа. Воля Божия, столь необходимая для руководства верующих на пути ко спасению, открывается здесь, в Церкви, через особенных лиц, поставленных в ней для того, чтобы быть наставниками и руководителями других в деле спасения. Такими лицами являются епископы, которых поставляли апостолы. Так святой отец, повествуя об апостоле Иоанне, говорит, что тот обходил ближайшие к Ефесу местности и поставлял там епископов»⁸.

⁶ Климент Александрийский. Строматы. Ярославль, 1892. Кн. 6. Гл. 13. С. 726–727.

⁷ Иринеи Лионский, св. Творения. Пять книг против ересей. М., 1868. Кн. VI. Гл. 13.

⁸ Троицкий В. Очерки из истории догмата о Церкви. Троице-Сергиева лавра, 1912. С. 252.

Наиболее подробно вопрос о преемственной передаче иерархического служения разработан святым Киприаном Карфагенским. Он говорит, что иерархия является божественным учреждением, «ведь Господь Иисус Христос сказал, что ничего, даже самое малое, не бывает без воли Божией, неужели же можно допустить, что священники поставляются в Церкви без Его ведома»⁹.

Достоинство епископа есть достоинство апостольское, преемственно сохраняющееся в Церкви. Господь наш, заповеди и увещания Которого мы должны хранить, определяя достоинство епископа и управление Своей Церковью, говорит апостолу Петру в Евангелии: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»¹⁰.

«Только одному епископу в местной церкви принадлежит полнота власти, и ему одному представлено начальствовать над Церковью»¹¹. «Ему, как преемнику апостолов, принадлежит и учительство. Он должен веру и истину католической Церкви не только сам крепко держать, но и научить ей других, доказывая всеми евангельскими и апостольскими правилами основательность Божественного строения единства»¹².

Отсюда у святого отца следует вывод о необходимости подчинения епископу. Ведь «Церковь составляет народ, объединенный священником, и стадо, приверженное своему пастырю. Епископ – в Церкви, и Церковь – в епископе, и кто не с епископом, тот и не в Церкви»¹³.

Вместе с тем святой Киприан не ставит епископа каким-то самостоятельным распорядителем всех дел церковных, так, чтобы его выражение «Церковь в епископе» можно было истолковать в смысле замены Церкви епископом. «Церковь, – говорит святой Киприан, – заключается в епископе, клире и всех стоящих в вере».

Святой Киприан указывает и на более действенное внешнее единение отдельных церквей. Каждый епископ не мыслил себя совер-

⁹ Киприан Карфагенский, св. Письмо 54 Пуниану // Творения. Письма. Киев, 1891. Кн. 1. Ч. 1. Изд. 2. С. 280.

¹⁰ Мф. 16, 18–19.

¹¹ Киприан Карфагенский, св. Указ. соч. С. 285.

¹² Там же. Письмо 60 (Юбаяну).

¹³ Там же. Письмо 54. С. 307.

шенно обособленной главой отдельной общины; он был не только центром единства внутри нее самой, но и органом ее внешнего единения с другими общинами. У святого Киприана впервые встречаем развитую теорию внешнего единства всей Церкви в лице епископов. Епископство – одно и нераздельно, каждый участвует в нем при общем согласии. Здесь проводится мысль, что епископ до тех пор имеет власть епископства, пока он согласуется со всеми другими епископами¹⁴.

Святой Ириней, епископ Лионский, со всею силой и выразительностью утверждает мысль о богоучрежденности и непрерывной преемственности церковной иерархии. Говоря о ее преемстве от апостолов, он пишет: «...Надлежит следовать пресвитерам, то есть епископам»¹⁵. Святой отец рассматривает священнослужителей как преемников апостолов, утверждает единство не только их дела, но и епископского поставления¹⁶.

У антигностических писателей учение о Церкви как хранительнице истины неразрывно связано с мыслью о ее иерархическом устройстве. Церкви основаны апостолами, которые поставили в них епископов. Дело епископов – охранять истинное учение от искажения (они даже имеют особую харизму истины). Все это вместе взятое обосновывает истину апостольства Церкви, неповрежденно сохраняющей переданное ей апостолами учение Христово. Преемственный епископат является признаком истинной Церкви, которой нет без иерархии¹⁷.

По святоотеческому учению, «епископ является главным судьей над верующими. Все члены частной церкви, как миряне, так и духовные лица, подлежали его власти, его судебным решениям»¹⁸.

Тертуллиан писал об отпущении смертных грехов, что было тесно связано с таким правом епископа и с тем, кому в Церкви принадлежит власть ключей. Тертуллиан ограничивает власть ключей епископа менее тяжкими грехами, которые могут быть прощены епископом (на смертные грехи епископская власть не простирает-

¹⁴ *Троицкий В.* Указ. соч. С. 391–393.

¹⁵ *Ириней Лионский, св.* Указ. соч. С. 391–393.

¹⁶ Там же. С. 275–276.

¹⁷ *Троицкий В.* Указ. соч. С. 186–187.

¹⁸ *Поликарп, св.* Послание к Филиппийцам. Гл. 7. С. 324.

ся; их может простить один Бог, и если апостолы их разрешали, то делали это по своей власти, а не по праву учительства)¹⁹.

По Оригену, целительное дело Церкви вверено пастырям. Самый высший Врач есть Сам Спаситель: в Ветхом Завете эту власть продолжают пророки, а в Новом – апостолы и все те, кому вверены церковные дисциплины для врачевания ран и кому Бог определил быть врачами в Церкви. Иереи, по образу великого Архиерея, научены божественному служению Духом Святым: о каких грехах можно приносить жертвы, а о каких нет и каким образом. Епископы, подобно Христу, учредившему священство в Церкви, должны брать на себя грехи народа и давать от них прощение. Прощение грехов людям дается Богом через людей же (епископов) и только в Церкви. Лицо иерархическое в силу своего церковного положения имеет власть ключей, которая, как и все человеческое, не абсолютна, ибо носитель ее может быть иногда несправедлив, так что от Церкви может быть отлучен тот, кто этого наказания не заслуживает, и в Церкви окажутся люди, которые будут осуждены самим Богом²⁰. Из этих слов видно, что Ориген предъявляет нравственные требования к епископу, который должен отличаться от всего народа и быть блюстителем правды.

В посланиях наиболее известных отцов IV века встречаемся с подобным же взглядом на священнослужение в Церкви как на продолжение в ней служения Христова, причем священнослужители рассматриваются святыми отцами как преемники апостолов и Самого Христа. Об этом выразительно говорит святитель Григорий Богослов. Сравнивая искусство телесного и духовного врачевания и говоря о высоте и трудности последнего, святой отец обращается мыслью ко Христу, истинному Врачу душ и телес. «Цель (духовного) врачевания, – говорит святитель Григорий, – окрылить душу, исхитить из мира и передать Богу... Сего врачевания служители и сотрудники все мы, предстоятельствующие перед другими, для которых важно знать и врачевать собственные немощи и недуги, гораздо же важнее – быть в состоянии врачевать и искусно очищать других»²¹.

¹⁹ Троицкий В. Указ. соч. С. 319–327.

²⁰ Там же. С. 351.

²¹ Григорий Богослов, свт. Слово 3 // Творения. М., 1843. Т. 1. С. 24–25.

У двух других великих капподокийцев также встречаем мысль о епископах как о преемниках апостолов. Один из них, святой Василий Великий, называет святого Амвросия Медиоланского возведенным «на кафедру апостолов»²², что относится, скорее, к его епископскому достоинству, а не к Медиолану, который не занимал кто-либо из апостолов Христовых в качестве постоянного епископа. Святой же Григорий Нисский выражается более обобщенно, говоря, что Христос «через Петра дал епископам ключи небесных почестей»²³.

В своих творениях святые отцы и церковные писатели излагают учение о высоком значении богоучрежденности иерархии. Они признают единство веры и единения членов Церкви Христовой, безусловно и исключительно зависящими от подчинения иерархии. По их учению, епископ есть Божий представитель, и только в общении с ним и вообще с иерархией можно исполнять обязанности христианина. Церковь существует только там, где есть богоучрежденная иерархия. Значит, церковная иерархия необходима; без нее нет и быть не может Церкви. Только при условии существования церковной иерархии возможно и существование в ней Таинств, через которые верующие христиане – чада Церкви – получают освящение и спасение.

²² *Василий Великий, св.* Письма к разным лицам в русском переводе. М., 1859. С. 36.

²³ *Григорий Нисский, св.* Творения в русском переводе. М., 1865. С. 479.

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В.Д. Орлова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент

**Отражение событий Тамбовской епархии XVIII века
в газете «Тамбовские известия»,
изданной Г.Р. Державиным**

Периодическая печать представляет собой особый вид исторических источников. Периодическое издание – это регулярно издающаяся типографским способом подборка текстов, предназначенных для оповещения читателей об определенных событиях и формирования на основе предложенного материала общественного мнения.

Различия газет и журналов складывались в России постепенно. Газета и журнал в XVIII веке имели тогда один прообраз – печатную книгу. Структура изданий и жанры печатавшихся материалов были общими. В названиях слово «газета» не употреблялось. Это был век становления отечественной периодики. Шли поиски в оформлении изданий в соответствии с их информационной спецификой, выявлялось общественное значение повременных изданий. За период с 1703 по 1800 год в России вышло всего 119 наименований периодических изданий¹. Их особенностью является то, что они, за исключением официальных, существовали короткое время.

Далеко не во всех губернских городах Российской империи выходила местная газета в 1880-е годы. «Тамбовские известия» – первая русская провинциальная газета. Ее репринтное издание в этом году стало доступно специалистам и любителям истории². Она выходила только в 1788 году. Издание было прекращено из-за низкого интереса тамбовской читающей публики к новому для нее типу печатной продукции. Даже некоторые из тех, кто в начале

¹ Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. – М.: Академия, 2007. С.193.

² Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 288 с.

года оплатил подписку, в конце года перестали приходить в типографию за своим экземпляром.

Всего вышло 52 номера. Большинство из них состояло из четырех страниц. Каждый номер освещал события примерно одной недели. Такая оперативность для того времени была вполне достаточной.

Для современных исследователей эта газета служит уникальным источником о различных сторонах жизни губернии. В том числе, в ней предстает и информация по истории Тамбовской епархии. Нет номера, в котором бы не встречалась информация о богослужениях по торжественным поводам, назначениях духовенства на должности, жизни монастырей и духовной семинарии. Степень подробности в изложении событий разная. Чаще эти заметки помещены на первой-второй страницах. Обычно описываются службы в кафедральном и Казанском соборах. Совершенно очевидна значимость присутствия архиерея в губернском городе. Научный анализ взаимоотношений епископа Феофила с Г.Р. Державиным проведен составителями репринтного издания во вступительной статье³.

Газета информировала читателя о том, кто из духовенства служил праздничное богослужение, иногда называла тему проповеди. В кафедральном соборе праздничные службы совершал не только его настоятель протоиерей Семен Кириллов, но и архимандрит Нижнеломовского монастыря и ректор Тамбовской семинарии Иоаникий, игумен Козловского Троицкого монастыря Варлаам. Очень многие торжества с присутствием высших чиновников проходили в Казанском монастыре. Он явно был центром духовной жизни Тамбова.

В «Тамбовских известиях» печатались указы Сената, касавшиеся изменений границ епархий, и назначений высшего духовенства на новые должности. В том числе, в номере от 9 июня сообщается о назначении в Тамбовскую епархию викария епископа Старорусского Феофила на должность епископа Тамбовского и Пензенского⁴. Во время торжеств по случаю приезда епископа Феофила в Тамбов, он после Литургии говорил приветственное и по-

³ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 11.

⁴ Там же. № 24. С. 95.

учительное слово, содержание которого было: «Мир вам»⁵. При его въезде в архиерейский дом в Казанском мужском монастыре его поздравляли с приездом правитель губернии Г.Р. Державин, чиновники и купечество. Несколько тамбовских семинаристов говорили Его Преосвященству поздравительные речи на греческом, латинском и русском языках. Тем самым семинаристы демонстрировали качество преподавания в их учебном заведении.

Есть в «Тамбовских известиях» и упоминание о переезде философского класса Тамбовской семинарии из Нижнеломовского Казанского Богородицкого монастыря в Тамбовский архиерейский дом⁶. Семинаристы принимали активное участие в жизни епархии. В октябре 1788 года русские войска в русско-турецкой войне овладели крепостью Хотин. В честь этой воинской победы епископ Тамбовский Феофил служил всенощное бдение и Божественную литургию. А поучительное слово было доверено говорить семинаристу Гавриилу Герасимову⁷. Практика произнесения поучительного слова на Архиерейских богослужениях кем-то из особо отмеченных представителей духовенства встречалась неоднократно. Например, на храмовом празднике Казанского мужского монастыря поучительное слово говорил иеродьякон Ювеналий⁸. Текст поучительного слова, сказанного самим епископом Феофилом 22 сентября 1788 года на тему «Воздадите Кесарева Кесареви» был напечатан полностью⁹ и занял целый номер газеты. Это редкий для современного исследователя документ.

Имеются сообщения и о визитах в Тамбовскую епархию духовенства соседних епархий. Например, в мае 1788 года епископ Воронежский и Елецкий Тихон проезжал Усманский уезд Тамбовской губернии. Он отслужил Литургию в Усманской соборной церкви в день тезоименитств великого князя Константина Павловича и великой княгини Елены Павловны, а также освятил церковь в имени полковника Марина Бреславке¹⁰.

Церковь внесла свой вклад в становление музыкального образования на Тамбовщине. Именно в 1788 году был открыт певческий класс,

⁵ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 37. С.147.

⁶ Там же. № 3. С. 9.

⁷ Там же. № 44. С. 174.

⁸ Там же. № 43. С. 169.

⁹ Там же. № 39. С. 157.

¹⁰ Там же. № 22. С. 86.

целью создания которого стало увеличение благолепия церквей. «Сего февраля 1 дня, на основании Высочайшего Устава Народных Училищ... повелевающего иметь певческий класс для благолепия церквей и большего прикрепления учеников к молитве и благоговению, открыть сей класс при здешнем Главном Народном Училище..»¹¹.

Перед нами предстает праздничный календарь с описанием торжественных богослужений. Мы читаем о службах в кафедральном соборе в день новолетия, праздниках Богоявления, Въезда Господня в Иерусалим, Пасхи, Преполовения Господня, Вознесения, Пятидесятницы, Петра и Павла, Крестовоздвижения, Преображения Господня, Успения Богородицы, Усекновения главы Иоанна Предтечи, Рождества. Особыми богослужениями были отмечены кавалерственные праздники Великого князя Владимира и Андрея Первозванного. Каждый из этих праздников был явно любим горожанами.

Торжественные богослужения совершались в дни именин (тезоименитств) и дни рождений членов императорской семьи, выздоровления кого-то из них от тяжелой болезни.

В «Тамбовских известиях» описывается проведение Крестных ходов. Например, в праздник Вознесения Господня шел Крестный ход из Казанского монастыря в Вознесенский девичий монастырь. После него епископ и высокопоставленные светские чиновники посещали игуменью и стариц монастыря¹². Крестный ход был многолюдным, поэтому для соблюдения порядка назначались от присутственных мест палатские ассесоры. На Вербное воскресенье и Пасху крестный ход шел вокруг стен Казанского монастыря. В нем участвовало духовенство всех церквей Тамбова¹³. В день Крестовоздвижения крестный ход совершался в Нижнеломовском монастыре. Он шел до реки Цны, где совершалось водоосвещение¹⁴.

В отличии от делопроизводственных документов, газета показывает, насколько тесно были связаны в городской повседневности будничные заботы и духовная жизнь. Как порой причудливо переплетались праздничные богослужения утром и светские увеселения вечером праздничного дня. Хотя заметки довольно

¹¹ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 6. С. 21.

¹² Там же. № 21. С. 82.

¹³ Там же. № 15. С. 57.

¹⁴ Там же. № 32. С. 125.

скупы на эмоции, все же в них предстают живые картины жизни Тамбова.

Первый номер от 2 января 1788 года начинается сообщением: «Первый день наступившего нового года, торжествован был здесь следующим образом: По собрании всех чинов в соборную церковь, слушана была божественная литургия, по окончании которой, того собора протоиерей Семен Кириллов, говорил приличное дню сему слово: о употреблении времени во благо. Наконец совершено молебное пение подателю всех благ Господу Богу, за высочайшее здравие ея Императорского величества и всего августейшего Императорского дома. В вечеру город был иллюминирован, а в доме Его Превосходительства Господина Правителя Губернии собрание и благородное театральное представление, по случаю военного времени Драма: Взятие острова Святыя Луки, опера Лорета и комический балет: потом маскарад, состоящий более нежели из 200 масок и ужин...»¹⁵ На торжественные обеды и ужины в дом правителя губернии Г.Р. Державина приглашалось и высшее духовенство епархии.

На Сырной неделе дворянство развлекалось театральными спектаклями. «В последние дни сырной недели было в доме Его Превосходительства Господина Правителя Губернии собрание, и представлены благородным обществом, в субботу трагедия "Беверлей" и малолетними детьми детская комедия "Невинная ворожба", а в воскресенье опера "Мельник" и комический балет "Собирание плодов"; потом был маскарад и ужин»¹⁶. Уроки танцев в частных домах прекращались только на первой неделе Великого Поста¹⁷.

Очевидно большое внимание церкви к патриотическим чувствам тамбовчан. В день Богоявления Господня после Божественной литургии было водоосвещение и окропление знамен воинских частей. К военным знаменам тогда относились как к святыням. Их нередко вносили в храмы для придания особой торжественности, а также в память павших под этими знаменами воинах. Иногда наиболее прославленные знамена отдавались на хранение в полковую или городскую церковь.

Победы русского оружия тоже отмечались молебнами. Так, в «Тамбовских известиях» упомянуты дни Воспоминования Побед

¹⁵ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. №. 1. С. 1.

¹⁶ Там же. № 9. С. 33.

¹⁷ Там же. № 9. С. 34.

под Полтавой, Очаковым, Нарвой, победы над турками и вечно-го мира при Кючук Кайнарджи. Это напоминает современные дни воинской славы России. Служился молебен и в честь новых побед. Например, 25 июля 1788 года в Казанском монастыре отслужили благодарственный молебен в честь победы русского флота над шведским и взятием в плен одного шведского корабля «Принц Густав»¹⁸. В храмах читались манифесты о начале войны и ходе боевых действий. В них прихожан призывали «пролить теплые молитвы с коленопреклонением о милостивом ниспослании успеха в победе врага нагло восставшего»¹⁹.

В храмах приводились к присяге и гражданские лица. Например, при открытии Городской думы ее гласные присягали в Успенской церкви²⁰. С богослужения началось заседание дворянского собрания, посвященное началу работы над составлением родословной книги о дворянских родах Тамбовской губернии²¹.

Одним из тяжелых наказаний, которому можно было подвергнуть представителей духовного сословия, была отдача в солдаты. О существовании этой практики напоминает заметка о прохождении через Тамбов в Астрахань «набранной из церковников рекрутской в числе 279 человек партии, под командою здешней губернии роты подпоручика Тарасова»²². Но по сравнению с делопроизводственными документами духовной консистории, негативная информация о духовенстве в газете не встречается.

Косвенную информацию о материальном благосостоянии духовенства можно почерпнуть из объявлений о продаже недвижимости. У некоторых настоятелей храмов были в городе собственные дома.

Таким образом, первая тамбовская газета как бы была предвестником не только будущих светских газет, но и «Тамбовских епархиальных ведомостей». Она передает отношение издателей к жизни церкви и роли православия для общества конца XVIII века. Этот источник может восполнить некоторые лакуны, которые существуют в комплексе источников по истории Тамбовской епархии того времени, хранящихся в ГАТО.

¹⁸ Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст, коммент.: В.В. Канищев, Ю.В. Мещеряков, Ю.А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. № 30. С. 118.

¹⁹ Там же. № 29. С. 114.

²⁰ Там же. № 7. С. 25.

²¹ Там же. № 36. С. 141.

²² Там же. № 43. С. 169.

Протоиерей Петр Лукин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Игуменья Дорофея (Кудрявцева) – первая настоятельница Сухотинского Знаменского женского монастыря

В истории духовного окормления женских монастырей в России особое место принадлежит преподобному старцу Серафиму Саровскому (†1833). Основанные им женские общежительные монастыри были известны строгостью устава и аскетическим деланием.

В кругу подвижниц, сложившемся под влиянием преподобного Серафима, самой характерной чертой была совершенная преданность Богу. Преподобный Серафим особое значение придавал молитве и духовной любви к ближнему. Он, может быть, больше, чем другие старцы, занимавшиеся духовным окормлением женщин, требовал от своих духовных дочерей аскетического делания.

Со страниц «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия» пред нами встают образы многих подвижниц: игуменья Дорофеи из Знаменского монастыря Тамбовской епархии, Антонии из Сретенского монастыря Тульской епархии и Дорофеи из Иоанновского монастыря в Москве; схимонахини Марфы из Арзамасского монастыря Нижегородской епархии, схиигуменья Олимпиады Алексеевского монастыря города Арзамаса Нижегородской епархии; двух затворниц – Марфы и Евдокии из Харькова и многих других. Это свидетельство сохранившейся живой аскетической традиции. В Нижегородской губернии, где была расположена Серафимо-Дивеевская обитель, наблюдался особый расцвет иноческого аскетизма. Возможно, это и был отсвет духовного подвига преподобного Серафима, который стал вершиной русского благочестия XIX века.

Будущая настоятельница Сухотинского Знаменского монастыря Вера Егоровна Кудрявцева и ее старшая сестра София остались сиротами в детстве. Девочки росли и воспитывались в семье генерала как родные дети, окруженные любовью и заботой. Имея от природы способности к пению, они собирали много слушателей,

очаровывая их красотой пения и скромностью, но светская жизнь их не привлекала. Забота о спасении души влекла их к уединению в каком-либо монастыре. И они, еще совсем юными, решили, оставив дом своего благодетеля, искать тихую пристань в бурном и страшном своими соблазнами житейском море. Желая каждому спасения, Господь не без испытания вел их к заветной мечте. Тайно оставив дом, они устремились в неизвестный, но желанный, а оттого радостный для себя путь. Пережив испуг от погони за ними их благодетеля и утомление от необычного пути, они направились к преподобному старцу Серафиму Саровскому, чтобы испросить у него благословения на последующую, уже иноческую жизнь. Старец «благословил их намерение» служить Господу и направил к начальнице Нижегородского монастыря – игуменье Дорофее (Михайловой), которая, как говорил преподобный, «устроит вашу участь».

Как только заботами московской графини Орловой были получены необходимые документы от генерала, юные Вера и София были приняты в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь. Лишь спустя пять лет, убедившись в преданности избранному пути, совершенном в удалении от мира, игуменья Дорофея решила оставить их в монастырской обители. Вере было определено послушание на клиросе, а Софии – в больнице.

Вскоре Господь призвал Софию к себе, а Вера продолжала тихую и спокойную жизнь, усердно исполняя послушание, вознося к Богу свою любовь и мысли. 17 июня 1834 года она была пострижена в монашество с именем Дорофея. Незадолго до того, вероятно, уже перед кончиной старца, послушница Вера еще раз посетила преподобного Серафима, наставления которого сохранила в своей памяти на всю жизнь. Особенно ей запомнились слова: «Иди и послужи барыне, да берег-то укрепи, берег». Под барыней она понимала Царицу Небесную и старалась служить Ей в меру своих сил и разумения. Провидя аскетическую жизнь будущей устроительницы, старец благословил ей носить железные вериги, которые, по свидетельству матушек, хранились в деревянном сундучке и передавались следующим настоятельницам монастыря, и власяницу, которая при погребении матушки Дорофеей положена была, согласно ее словесному завещанию, вместе с ней в гроб. Они также часто видели, что вериги и власяницу по распоряжению игуменьи

Дорофеи «возлагали по временам» на больных сестер или на впавших в какое-либо искушение, и те чувствовали после этого заметное облегчение.

Подлинный смысл слов старца открылся лишь десятилетия спустя. Пока же по соседству, в Тамбовском уезде, на берегу реки Нару-Тамбов, готовилось место молитвенных подвигов и предстоящих трудов по устройению славного Знаменского Сухотинского женского монастыря.

Место для будущего монастыря было избрано самой Царицей Небесной и находилось под молитвенным покровом преподобного старца Серафима. Это было имение отставного майора Петра Гавриловича и его жены Варвары Александровны Сухотиных, расположенное в 30 км к югу от Тамбова. Место это прекрасно. Небольшая река Нару-Тамбов, пробиваясь из-за невысоких, покрытых лесом холмов, медленно выходит на равнину, охватывая место будущего монастыря с юга и запада. С северной и восточной стороны монастырская обитель окружена густым лесом.

Случилось так, что Петр Гаврилович и Варвара Александровна заболели почти одновременно. Варвара страдала всеобщим расслаблением, особенно головной болезнью. В течение пяти лет она не только не могла посещать храм, но и не вставала с постели. Единственным утешением для нее оставались сердечные молитвы к Богу и частое причащение Святых Таинств. Петр Гаврилович, обращаясь за помощью к врачам, не только не получал ее, но, казалось, ему становилось еще хуже. Утомленный болезненными припадками, однажды он заснул особенно крепко. Во сне ему явился старец, подал икону Знамения Пресвятой Богородицы и сказал: «Купи себе эту икону, отслужи молебен, и ты будешь здоров». Кто был этот старец, больной не знал и совета его не исполнил. После этого болезнь лишь усилилась, а страдания стали невыносимы. В этом состоянии он просил помощи и облегчения своих страданий у Господа. Тогда во сне ему повторилось явление старца. Не узнал Петр Гаврилович его и в тот раз, но рассказал о сне супруге. Оба они были радостно удивлены тому, что и Варваре было точно такое же явление и такое же обещание.

В Тамбове немедленно была куплена икона Знамения Божией Матери, отслужен пред ней молебен и совершена усердная молитва, после чего супруги получили благодатное исцеление от недугов.

Обрадованные этим, они, будучи бездетными, дали Богу обет – устроить в своем имении иноческую обитель. Произошло это за год до смерти Петра Гавриловича, в 1817 году.

Осталось тайной имя старца, изменившего жизнь супругов и приведшего их к исцелению, которое было явлено им Царицей Небесной через Свою икону «Знамение».

Примерно за 48 лет до того события в недалеком от Тамбовщины Курске Мать Божия через подобную икону Знамения исцелила десятилетнего отрока Прохора, будущего подвижника и духовного руководителя первой устроительницы Сухотинской женской обители – матушки Дорофеи. Вероятнее всего, преподобный Серафим, возлюбив образ Пресвятой Богородицы «Знамение», от которого получил исцеление сам, и предложил приобрести подобную икону супругам Сухотиным, усердно просящим облегчения и помощи в своих страданиях. Будучи любимцем Матери Божией и сам имея искреннюю любовь к Ней, он и положил начало Богородице-Знаменской обители в Сухотинке.

Утешенные исцелением, Сухотины решили начать строительство монастыря с возведения церкви в честь Знамения Пресвятой Богородицы с приделами во имя преподобных Петра Афонского и великомученицы Варвары – своих небесных покровителей. В январе 1818 года в ответ на свою просьбу Петр Гаврилович получил от митрополита Ионы разрешение и благословение на строительство храма. В том же году, 3 октября, на 72-м году жизни, Сухотин скончался, не увидев благолепия создававшейся церкви. Похоронен он был в построенном им храме в каменном склепе, устроенном им самим.

Похоронив супруга, Варвара Александровна, глубоко скорбя о потере, нашла утешение в благотворительности бедным и страждущим и завершила строительство церковного здания. В 1822 году храм был отделан, снабжен прекрасной утварью и торжественно освящен.

Завершив строительство церкви, Варвара Александровна начала возводить помещение для инокинь – несколько полукаменных двухэтажных и одноэтажных корпусов. В 1825 году она попросила Святейший Синод «дозволить ей открыть на своей господской усадьбе женский монастырь и саму приходскую церковь (вновь выстроенную Знаменскую) обратить в монастырскую». Святей-

ший Синод передал ее прошение епископу Тамбовскому Афанасию для «сбора сведений и справок, необходимых по сему делу». Намерение Варвары Александровны вызвало негодование у жителей Сухотинки, выступивших против обращения храма в монастырский, о чем ими было заявлено земскому суду и епархиальному начальству. Эта тяжба длилась 24 года. Для Варвары Александровны она принесла много огорчений, неприятностей и слез. Чтобы прийти к согласию, Варвара Александровна построила в 1833 году для жителей деревянную Архангельскую церковь на кладбище, снабдила церковной утварью и освятила.

После долгих лет споров и противостояний здоровье Варвары Александровны резко ухудшилось, усилились головные боли. Она обратилась с просьбой в Тамбовский Приказ Общественного Призрения «дозволить ей учредить в собственном ее доме богадельню». В том же 1833 году указом министра внутренних дел было разрешено открыть богадельню на 30 женщин. Получив указ, Варвара Александровна стала готовить все необходимое: корпуса, кровати, одежду. В пользу богадельни Варвара Александровна передала господскую усадьбу со всеми постройками и каменной оградой, сад, огород, 170 десятин луговой, лесной и пахотной земли.

Открытие богадельни состоялось 14 сентября 1833 года. Была отслужена Божественная литургия, совершено молебное пение с водоосвящением и все здания окроплены святой водой.

Варвара Александровна просила епархиальное управление придать кладбищенской деревянной Архангельской церкви статус приходской, а каменную Знаменскую церковь и богадельню переименовать в женскую обитель. Епископ Тамбовский Арсений был согласен с Варварой Александровной и лично в письме убеждал прихожан села Сухотинка принять предложение помещицы, иначе они «будут приписаны к церкви ближайшего селения». Святейший Синод, осведомленный о непрекращающемся споре между Варварой Александровной и сельскими жителями, поручил обер-прокурору Синода «рассмотреть спор в судебной инстанции с утверждением прав Сухотиной судебным приговором».

Постановление Синода огорчило Варвару Александровну. Утешаемая Преосвященным Арсением, свои горечи она старалась забыть «в заботливости о призрении и успокоении в своем заведении бесприютных стариц и больных женщин». В свободное от молитв

время она вышивала в дар епископу Саратовскому Иакову омофор, а некоторое время спустя – золотой пояс и покрывало на аналой. В ответном письме Владыка поблагодарил Варвару Александровну за «гостинец» и сообщил, что уже служил Божественную литургию под тамбовским омофором.

Главным занятием для Варвары Александровны было устройство быта сирот и совместная молитва с собранными ею старицами.

К «бесприютным» старицам и больным женщинам стали присоединяться здоровые вдовы и девицы. Вскоре число жителей богадельни дошло до 50-ти. Здоровые женщины и девушки с усердием соглашались служить слабым и больным, помогать по хозяйству, готовясь в будущем поступить в число сестер обители. Но уже здесь, в богадельне, все были непременно обязаны совершать утренние и вечерние молитвы, поочередно читать псалтирь и заупокойные молитвы. В праздничные и воскресные дни все находились в Церкви на богослужении: одни пели на клиросе, другие читали, третьи продавал свечи или несли другие послушания.

Вскоре на основе судебных разбирательств Святейший Синод определил «Сухотинскую обитель преобразовать в женский монастырь». 28 сентября 1849 года она стала женским общежительным монастырем «с призрением в ней пребывающих там штатных богаделенных лиц», который стал именоваться Богородице-Знаменским Сухотинским женским монастырем 3-го класса. В него определили начальницу в сане игуменьи, казначею, 15 монахинь и 15 послушниц. Устав был общий общежительных монастырей.

Чтобы жившие в монастыре могли ежедневно присутствовать при богослужении и выполнять монашеские правила, Святейший Синод предложил Варваре Александровне устроить в главном корпусе трапезную церковь. Монастырская обитель должна была содержаться на средства учредительницы и благотворителей, а также от своих трудов.

Варварой Александровной было пожертвовано монастырю еще около 13 000 рублей и 250 десятин земли. Обращаясь в консисторию, она писала, что для обители необходимы два священника с назначением им по 500 рублей и два причетника с жалованьем 250 рублей.

В 1854 году, после завершения отделочных работ, Гавриило-Архангельская церковь получила статус приходской церкви, а Знаменская стала монастырской.

Владыка Николай, не подобрав начальницу для монастыря в Тамбовской епархии, обратился к Нижегородскому архиепископу Иакову с просьбой «избрать из числа сестер женских монастырей вверенной ему епархии монахиню, способную и достойную занять должность начальницы Богородице-Знаменского Сухотинского монастыря». Жребий пал на монахиню Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Дорофею (Кудрявцеву). После долгих колебаний и усердных молитв Матери Божией «внушить ей решительность дать или не дать своего согласия на принятие ею столь высокой должности», она, вспомнив слова Саровского подвижника старца Серафима («иди, послужи барыне»), решилась принять на себя должность. Владыка Иаков, переводя монахиню из Нижегородской в Тамбовскую епархию, писал, «что она послушания исправляет усердно и качеств очень хороших».

В начале февраля 1850 года матушка Дорофея простилась с начальницей и сестрами Крестовоздвиженского монастыря, а с 14 февраля того же года приступила к исполнению новых обязанностей по благоустройству Сухотинской обители. В этом звании матушка Дорофея, созидая и улучшая монастырь, все свое внимание и усердие сосредоточила на устройении внутренней духовной жизни монашествующих и на «упрочении добрых порядков обители». Всем сестрам назначила послушания, соразмерные их силам и способностям. Наблюдая за их исполнением, она «неисправным» делала кроткие вразумления и наставления. Особо строго она следила за исполнением послушаний в церкви. Как опытная в пении и ранее несшая послушание на клиросе, матушка Дорофея выбрала из сестер наиболее способных в этом деле, обучая уставу и нотной грамоте.

После смерти Варвары Александровны забот у матушки Дорофеи прибавилось. 13 сентября 1851 года после Литургии и панихиды тело основательницы монастыря было положено в склепе под приделом Знаменской церкви во имя святой великомученицы Варвары, освященном накануне. Все заботы об обители теперь полностью легли на матушку. Это время стало началом ее тяжелых трудов и многих огорчений.

Поскольку ожидание открытия монастыря продолжалось около 25 лет, то строения, передаваемые ему, были в основном ветхие. К обители отошел огромный деревянный господский

дом, два полукаменных двухэтажных и три одноэтажных каменных флигеля, четыре одноэтажных деревянных домика, десять деревянных изб, деревянная баня, несколько сараев, да каменная высокая ограда вокруг господского двора (все ветхое). В пользование монастырю перешло два комода, три шкафа, три дивана, 13 простых столов, 47 стульев, лошадь с упряжью и корова с двумя телками.

Надежда на милосердие Божие, покровительство Царицы Небесной и молитвы преподобного Серафима подавали начальнице духовные силы и бодрость. Помнились матушке и слова старца, когда во время своего посещения она была в его келье. Преподобный тогда насыпал в мешок картофель и велел нести его. Когда матушка исполнила просьбу, старец сказал: «Ты можешь понести, устрой у себя богадельню, пусть там вяжут и прядут, а если не смогут, то пусть в церковь ходят, барыню-то уважай, да берег-то, укрепи берег». Вспоминала о беседе своей со старцем матушка «с необыкновенным восторгом и слезами глубокого умиления».

Все труды настоятельницы не остались незамеченными. Неутомимая ревность, кротость и смирение матушки Дорофее были отмечены владыкой Николаем, который в январе 1852 года возвел ее в сан игуменьи.

В качестве игуменьи с благословения владыки Николая матушка Дорофее занялась расширением Знаменской церкви, исправлением ветхих зданий и постройкой новых. Она приобрела колокол весом 101 пуд (1,6 т) и церковную утварь.

В 1858 году матушка смогла укрепить берег реки Нару-Тамбов по совету старца Серафима, считая это дело для себя особой обязанностью. «Чрезвычайно была рада» она, радовались и все сестры, когда устроена была плотина у подошвы берега вдоль всей монастырской усадьбы. Засаженный деревьями, береговой склон перестал обваливаться, угрожая стене и главному корпусу монастыря.

По просьбе игуменьи, княгиня Екатерина Мамаева приобрела дом в Тамбове для монастырского подворья.

Бывали и скудные дни, когда сама матушка Дорофее выезжала собирать средства для монастыря, посещая Москву и Петербург. Однако всегда Богородице-Знаменская обитель делилась своими

средствами с нуждающимися людьми. Матушка дважды получала «высочайшие благодарности» за пожертвования раненым воинам Крымской кампании и в первую роту Тамбовской дружины ополчения Казанской иконы Божией Матери. В 1861 году она была награждена наперсным крестом за усердие «в пользу монастыря».

Трудами и молитвами помогали матушке-игуменье сестры монастыря. Среди них – казначея, монахиня Дорофея (Кириковская), девица из тамбовских дворян, в 1861 году постриженная в монашество. Монахиня Евфалия (Осипова) несла послушание ризничной, жила в монастыре с 1850 года, а в монашество пострижена в 1854 году. Самой активной и усердной помощницей игуменьи Дорофеи по благоустроению и украшению монастыря была бывшая казначея, вдова из дворян, монахиня Асенефа (Матюнина). Монахиня Агния (Петрова), дочь священника Нижегородской епархии, которая перешла в Сухотинский монастырь вместе с матушкой Дорофеей, была благочинной и возглавляла отделение «рукоделенных», занималась письмоводством.

Особая роль в формировании аскетической жизни монастыря принадлежит схимонахине Митрофании (Максимовой), девице из мещан города Темникова. В Сухотинский монастырь она перевелась из Нижегородского монастыря вместе с матушкой Дорофеей. Для сестер она была примером детской простоты и откровенности, кротости и незлобия, любви и ласковости ко всем. Саровский старец Назарий, посетивший Арзамасскую женскую обитель, где Евдокия до своего перевода в Нижегородский монастырь пребывала еще послушницей, называл будущую подвижницу «юной старицей». Ей было в то время 12 лет. Отец Назарий наставлял девочку: «Дал тебе Бог разум и волю – говори всегда правду. Люби Бога всем сердцем и имей страх Божий – и узришь вечное блаженство. Посвяти от юности все труды твои Христу благоохотно – и возвеселишься в старости о богатстве твоём. Со тщанием собираемое в юности питает и утешает во днях старческих. Будут тебя гнать – терпи, будут хулить – молись. Помни смертный час и спасешься. Не ищи славы земной, ищи славы небесной». Этими наставлениями матушка руководствовалась всю свою жизнь, являясь образцом для подражания, а благоразумными и мудрыми советами – «руководительницею в подвигах духовных».

О Сухотинском монастыре говорилось: «Строго выполняя устав общежития, по примеру Крестовоздвиженского монастыря, сестры имеют общее содержание и общую трапезу. В этом отношении игуменья для всех одинакова; нет никому отличия; а если бы она, по какому-нибудь случаю, дала или сделала кому что лишнее противу других, то сестры, умертвившия в себе плотское мудрование, удерживаются от всякого ей прекословия и ропота такими успокоительными мыслями: "Так Бог положил на сердце Матушке, сердцем владеет и действиями ея руководит Он" – и с охотою и с усердием каждая занимается своим делом. От этого-то в монастыре и тихо и покойно!»

Жизнь Сухотинской женской обители трудами игуменьи Дорофееи с сестрами была примером и образцом для мирян, которые стремились идти дорогой спасения своей души и постижения глубины духовной жизни¹.

¹ Цит. приводятся по кн.: Кадомский М. Историко-статистическое описание Сухотинского Знаменского женского монастыря. Тамбов, 1864.

В.Б. Безгин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор исторических наук, профессор.
О.А. Самойлова

Сельские приходы Тамбовской епархии (конец XIX – начало XX века)

Своеобразным белым пятном в истории православия остается проблема низовой структуры церкви – православного прихода, к которому относилось крестьянское население. Изучение истории крестьянских приходов позволяет выяснить действительные потребности населения в церквях и отправлении богослужений, особенности отношений прихожан и священников (внутри приходской общины). Прихожанин и священник – знаковые фигуры, олицетворяющие собой уклад крестьянской православной жизни. Деятельность священников, являвшихся носителями духовной и социальной активности, проводниками православной идеологии, представляется необходимым и оправданным явлением на протяжении всей истории христианства, а ее научное осмысление весьма актуальным.

К 1881 году, т. е. времени воцарения на престол Александра III, стало понятно, что приходская реформа, начавшаяся в 1869 году с целью улучшения быта и материального положения духовенства, не увенчалась успехом. Как справедливо отмечала в своем исследовании Е.Н. Шабельникова, в Тамбовской епархии в ходе реформы количество приходов не только не уменьшалось, но и увеличивалось¹. Динамика численности сельского приходского духовенства 1861–1914 годов показывает, что сокращение произошло за счет исключения из духовного ведомства по закону 1871 года церковнослужителей – причетников: певчих, звонарей, церковных сторожей, сверхштатных псаломщиков и всех взрослых детей клириков. Если в 1861 году численность священно- и

¹ Шабельникова Е.Н. Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбовской губернии): дисс. канд. ист. наук. Тамбов, 2006. С. 45.

церковнослужителей составляла 3512 человек: в т.ч. священников – 1034, диаконов – 614, причетников – 1864, то в 1914 году – 3214, и соответственно священников – 1264, диаконов – 641, причетников – 1309².

В конце XIX – начале XX века численность духовенства в сельских приходах Тамбовской епархии стабильно увеличивалось по мере их численного роста. Увеличение количества сельских приходов, а следовательно и численности приходского духовенства, в условиях аграрного перенаселения, когда особенно остро стоял земельный вопрос, по нашему мнению, показывает степень религиозности сельского населения Тамбовской епархии. Дело в том, что в конце XIX века приходы не могли образовываться, если не было средств на возведение приходского храма и содержание при нем причта. Возбуждаемые сельскими обществами ходатайства об организации приходов и принимаемое ими на себя бремя материальной ответственности за содержание причта и приходского храма, за обеспечение причта жильем и землей, являлось выражением потребности сельчан в удовлетворении религиозных нужд. Еще в 1881 году в Синоде начали разрабатываться новые правила об организации приходов. Дату утверждения нового порядка (16.02.1885) историк церкви И.К. Смолич назвал рубежной в истории приходской церкви, т. к. с тех пор новых норм относительно количественного состава приходского духовенства не устанавливалось, и епархиальные архиереи действовали по собственному разумению³. Согласно закону от 16.02.1885 года, для всех епархий, кроме западных и закавказских, устанавливались следующие нормы:

- в приходы с количеством прихожан менее 700 полагался один священник и один псаломщик,
- более 700 – 1 священник, 1 диакон и 1 псаломщик,
- в еще более крупных приходах должны были трудиться 2 священника, 1–2 диакона и 2 псаломщика⁴.

В густонаселенной сельской местности Тамбовской епархии нередко в приходском храме действовало несколько штатов священно- и церковнослужителей. Т. е. один и тот же приходской храм

² Подсчитано по: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1434, 1808, 2209.

³ *Смолич И.К.* История русской церкви 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 336.

⁴ Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 267.

мог быть и «одноприходным» и «двухприходным» и даже «трехприходным». Если в селе было несколько приходских церквей, то жители также оказывались прихожанами разных приходов (как правило, приписывались к близлежащему храму). Например, в селе Ростоши Борисоглебского уезда при Рождество-Богородицкой церкви в 1884 году было два нормальных штата из двух священников, одного диакона и двух псаломщиков на 5302 человек. В начале 1892 года открылся третий штат. В связи с отказом причта Рождество-Богородицкой церкви перейти во вновь построенный в 1900 г. Троицкий храм, там был открыт самостоятельный штат из священника и псаломщика, четвертый по счету. В новом приходе оказалась $\frac{1}{4}$ часть населения Ростошей⁵. В 1902 году из 6377 жителей села 4822 были прихожанами трехштатной Рождество-Богородицкой церкви, остальные – Троицкой⁶.

Географические рамки сельского прихода могли охватывать не только одно село, но и несколько населенных пунктов, расположенных в относительной близости к приходскому храму. Так, деревня Коровино, и деревня Крюша (Бегичевка) состояли в приходе Покровской церкви села Березовки (Малышкино) Тамбовского уезда, построенной в 1905 году на средства прихожан. Деревни находились соответственно в двух и трех верстах от приходского храма⁷. А в Лавровском сельском приходе того же уезда находилось восемь деревень и два хутора, расположенных от храма от четырех до восьми верст⁸.

Процесс организации сельских приходов конца XIX – начала XX века наилучшим образом описывал современник событий А. Андриевский: «Устройство настоящих сельских приходов весьма просто. Увеличивается старый приход и для исправления церковных нужд становится недостаточным одного причта, или возникает новый – с разрешения высшей церковной власти строится церковь и тою же властью, большей частью помимо всякого участия прихожан, назначаются к ней священно- церковнослужители»⁹.

⁵ Рazuмов В.А. Село Ростоши Борисоглебского уезда. Его храмы, священно- церковнослужители и прихожане. Тамбов, 1907. С. 65.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Под ред. А. Андриевского. Тамбов, 1911. Ч. I. С. 96.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Андриевский А. Древнерусский приход: Очерк. Тамбов, 1918. С. 5.

В конце XIX – начале XX века сельские приходы в Тамбовской епархии, как и в целом по стране, организовывались вокруг приходских храмов и представляли собой с точки зрения светского законодательства административно-территориальную единицу; церковного – сообщество православных прихожан и причта, объединенных под руководством приходского священника. Состав причтов определялся на основании правил, утвержденных в 1885 году. Согласно им правящий архиерей, в зависимости от численности населения, назначал состав причта в приход. Права и распределение обязанностей членов причтов регулировались на основании правил, разработанных Тамбовской Духовной Консistorией. Не смотря на это, в повседневной практике случались конфликты, связанные с разделением должностных обязанностей, о чем и сообщали благочинные в отчетах епархиальному начальству¹⁰.

Причины большинства конфликтов между членами причта лежали в сфере материальных интересов. Документы свидетельствуют, что почти каждая ссора была вызвана неудовлетворенностью разделом доходов или приходской земли, утаиванием членами причта части доходов. Так, священники села Вышенки Кирсановского уезда одновременно находились под церковным судом, обвиняя друг друга в утайке братских доходов, вторжении в чужой приход, подрыве авторитета среди прихожан и т. д.¹¹.

Хотя древняя русская традиция выборности батюшек прихожанами ушла в прошлое, у прихожан осталось право влиять на состав причта путем подачи ходатайств о назначении или удалении священников из их прихода¹². Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что прихожане сельских храмов Тамбовской епархии активно применяли это право и не только в отношении к священникам, но и к церковнослужителям. Так, приходской священник села Терново Козловского уезда докладывал о намеренном подрыве авторитета причта в глазах епархиального начальства. По его мнению, прихожане пытались «скоптить» священника и диакона, чтобы вернуть в причт уволенного ранее псаломщика¹³. Чле-

¹⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 161.

¹¹ Там же. Д. 1999. Л. 10.

¹² Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии: Общее положение о крестьянах. СПб., 1914. С. 175.

¹³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1997. Л. 60.

ны приходского попечительства села Сабурово ходатайствовали об удалении из их прихода псаломщика¹⁴, а в селе Подгорное Елатомского уезда прихожане, по выражению о. благочинного, сделав проживание священника «не мыслимым», добились его перевода в Темниковский уезд¹⁵. Таким образом, позиция прихожан сельских приходов Тамбовской епархии по отношению к причтовому составу не была пассивной: они активно использовали свое право ходатайствовать «за» или «против» определенных кандидатур, нередко добиваясь желаемых результатов.

Традиционно в повседневной жизни деревни сельский батюшка, пользующийся авторитетом прихожан, не только исполнял прямые обязанности по организации церковно-приходской жизни, но выступал как арбитр в разнообразных житейских ситуациях. Так, священник села Калугино Кирсановского уезда Тамбовской губернии Д. Родников отстаивал перед волостным старшиной имущественные права своих крестьян при взыскании с них окладных сборов. К священнику Рождество-Богородицкой церкви села Ростоши Борисоглебского уезда той же губернии А. Разумову прихожане «шли на суд при семейных неладах, ссорах и драках, просили совета при заключении браков и приходили за благословением при семейных разладах»¹⁶.

Любовь крестьян священник заслуживал, если: «к нему идешь без доклада, он сам обо всем расспрашивает, и тут же идет и крестить и причащать, служб не пропускает». «Бедноту жалеет, хлеба не берет в праздники, хоронит кого за рубль, кого за меньшую цену. За венчание скащивает, с нуждающихся вместо 10 рублей берет и 5». «Цены за требы не настаивает: бывает доволен – кто сколько ни заплатит»¹⁷. Свое уважение к приходскому священнику крестьяне выражали не только словами благодарности, но и делами. При стихийных бедствиях, когда уничтожалось имущество причта, они помогали восстановить его; при кражах церковных денег восполняли их, внося из собственных средств¹⁸; вставали на защиту пастырей перед епархиальным начальством¹⁹.

¹⁴ ГАТО. Ф 181. Оп. 1. Д. 1996. Л. 10.

¹⁵ Там же. Д. 1756. Л. 87.

¹⁶ Там же. Д. 2006. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 28–30.

¹⁸ ТЕВ, 1890. № 1.

¹⁹ ГАТО. Ф 181. Оп. 1. Д. 2126. Л. 30, 32.

Таким образом, идеальным батюшкой для крестьян являлся добросовестный, отзывчивый, простой в обращении, но, главное, непритязательный в материальном плане священник. Это дает основания полагать, что своевременное решение государством проблемы достаточного содержания духовенства за счет казны позволило бы исчерпать основной источник конфликтов между причтами и прихожанами – плату за требы, и вывело бы отношения клира и прихожан на качественно новый уровень.

Плата за требы традиционно являлась источником конфликта между пастырем и паствой. Алчность некоторых сельских служителей культа порой приводила к острому противостоянию клира и крестьян. Так, в 1890 году прихожане села Юрловая Сурены заявили, что не желают иметь Кирилловского своим приходским священником. Из рапорта епископа Тамбовского и Шацкого Иеронима следовало, что «священник вымогал с прихожан деньги за соборование, отказался хоронить младенца за одну курицу и требовал две, за погребение крестьянки Гуняевой требовал с ее сына 4 рубля»²⁰.

Основным источником обеспечения приходского духовенства были доходы, получаемые от прихожан: денежные и вещественные. Денежные доходы представляли собой плату за «священные действия», совершаемые причтом, – крещение, венчание, погребение, молебны. Количество доходов зависело от размера прихода, благосостояния прихожан и местных традиций. Вещественные сборы можно поделить на регулярные и нерегулярные, которые учету не поддаются. Регулярные сборы имели общий способ проведения – обход домов и сезонную приуроченность. Количество обходов и сборов различалось даже в пределах одного уезда и зависело от местных традиций.

Несмотря на попытки правительства обеспечить духовенство стабильным доходом, даже к концу рассматриваемого периода средства, получаемые от прихожан, составляли значительную часть бюджета клириков. Кроме того, община должна была выделить причту своего храма землю. Законы предписывали наделять клириков землей надлежащего качества в одном месте, но на практике это выполнялось не всегда. Часто церковная земля находи-

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 2297. Л. 9, 12, 17.

лась в разных местах, что создавало трудности для хозяйства. На протяжении всего рассматриваемого периода фиксируются случаи самовольного захвата прихожанами церковной земли.

Возросшая ценность земли породила серьезные конфликты из-за храмовых и причтовых участков. В 1908 году в третьем Тамбовском округе, при конфликте из-за земли «богатых, самолюбивых и дерзких» прихожан со священником, батюшку чуть не убили. «Этот случай, характерный для нашего времени, свидетельствует несомненно, что современное безумие стало проникать в села и стало заражать простого русского крестьянина, вызывая наружу зверские инстинкты»²¹.

Начало субсидирования государством денежными средствами православного духовенства имело двойные последствия. Произошло некоторое улучшение материального положения беднейших причтов, но выделяемых средств явно было недостаточно для полноценного уровня жизни духовенства. Духовенство продолжало оставаться зависимым от добродетельных даяний прихожан. Крестьяне же стали еще более болезненно воспринимать плату за требы. По этому поводу моршанский священник отец Иоанн в своем отчете писал: «...я узнал, сколько зависти (это главное), недоброжелательства, порою озлобления скопилось в среде простого народа против духовенства. И это явление повсеместное. Причины такого печального явления различны. Главнейшее – это способ содержания духовенства»²². Крестьяне были уверены, что казенное жалование клиру освобождает их от обязанности содержания причта, и приговорами сельских обществ устанавливали минимальные или вовсе бесплатные расценки за требы²³. Так, в отчете о состоянии Тамбовской епархии за 1906 году сообщалось, что «добродетельные даяния деньгами и ругою от прихожан сократились и уменьшились против обычного почти наполовину, а в некоторых местах и более»²⁴. В газетной статье сельский священник И. Анастасиев сетовал, что «крестьяне убавляют иереям их доходы, отнимают руги, землю,

²¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2080. Л. 115 об.

²² Там же. Д. 2065. Л. 198–198 об.

²³ Там же. Д. 2004. Л. 5; Д. 2005. Л. 21.

²⁴ *Емелях Л.И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.–Л., 1965. С. 135.

убавляют плату за требы, мотивирую свои действия тем, что «попы больно богато жить стали»²⁵.

В последние предреволюционные годы, особенно в военное время, поступление средств от требоисполнений резко снизилось. В годы Первой мировой войны все чаще в донесениях епархиальных начальств и в печати отмечались случаи, когда семьи призванных на войну солдат почти повсеместно отказывались платить духовенству не только за обязательные требы, но и по остальным обрядам. Миряне не без основания требовали, чтобы семьям, чьи кормильцы были мобилизованы на защиту отечества, разрешили заказывать церковные требы бесплатно.

Представители просвещенных слоев общества также были обеспокоены проблемой материального положения приходского священства. Публицист Н.Л. Петерсон пришел к выводу, что решение вопроса возможно только посредством увеличения государственного финансирования. Он утверждал, «чтобы создать для деревни истинного пастыря, способного и достойного насаждать добрые начала, необходимо обеспечить духовенству возможность честного и мирного труда на его служебном поприще, без заботы о насущном хлебе, а для этого следует принять материальное обеспечение его всецело на средства государства, с устранением доходов непосредственно от прихожан»²⁶.

Таким образом, отношение крестьянства к приходскому священству определяли два начала. Первое – личное, связанное с типом материальных взаимоотношений крестьян и причта. Действительно, общее отношение крестьян к причту осуществлялось с обязательным учетом личных, человеческих качеств священника. И здесь, на личном уровне, преобладало, скорее всего, негативное отношение, хотя оно могло быть достаточно легко изменено. Решающее значение имело второе начало – мировоззренческое, представление о том, насколько политика власти и ее проповедь в храме отвечали мироощущению крестьянского населения, его представлениям о справедливости. Именно «дело» и «проповедь», поскольку, по глубокому крестьянскому убеждению, христианские евангель-

²⁵ Карнишин В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX начале века. Пенза, 1996. С. 96.

²⁶ Петерсон Н.Л. Просвещение. Особое Совец. о нуждах с.-х. пром-сти. СПб., 1904. С. 36.

ские истины («слово Божие») в полной мере отвечали народному пониманию справедливости²⁷.

Состояние православных традиций в изучаемый период не оставалось неизменным. Заметное влияние на общественные традиции села оказывали отхожие промыслы. Длительный отрыв от церковной жизни прихода вел к охлаждению религиозных чувств крестьян-отходников. Пребывание в городе способствовало нравственному разложению сельских жителей. Закономерно, что пагубные последствия этого явления были замечены духовными пастырями. «Вредное влияние фабрик, торговых занятий, отхожих промыслов и вообще всего, что отвлекает крестьян от занятия земледелием и от смягчающего влияния родной семьи, а вместе с этим от слушания богослужений, проповедей. Эти условия особенно губительно действуют на молодое поколение, которое, живя долгое время на стороне, в разлуке со своими семействами привыкает к нетрезвости, распутству, легкой наживе, воровству и неуважению к старшим в семье. От этого увеличиваются неурядицы в семье, семейные разделы и бедность крестьян»²⁸.

В первую очередь «язве» религиозного нигилизма была подвержена сельская молодежь, т. е. та часть русской деревни, которая оказалась более восприимчива к растлевающему влиянию боготоржеской пропаганды. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий сообщал в своем отчете о том, что «молодежь не связывает себя никакими обрядами... нерадива к главным христианским обязанностям... На вечерних и ночных собраниях молодежи появляются революционные песни, осуждаются и осмеиваются все гражданские и религиозные установления, проповедуется к власти гражданской и духовной пренебрежение»²⁹.

Просматривая рапорты благочинных Тамбовской епархии начала XX века, замечаем, как возрастала тревога и озабоченность сельского духовенства падением уровня религиозности среди жителей села и в первую очередь среди крестьян-отходников. Приведем несколько таких свидетельств: «Отходники, возвращающи-

²⁷ Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости БелГУ. 2008. Вып. 5. № 1(41). С. 79.

²⁸ Орлова В.Д. Мнение отцов благочинных о нравственности прихожан в Тамбовской епархии на рубеже XIX и XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://seminaria.eparhia-tmb.ru> (дата обращения 25.12.2011).

²⁹ Цит. по: Емелях Л.И. Указ. соч. С. 165

еся с заработков из Сибири, отличаются охлаждением к церкви, вольномыслием, непочитанием икон и церковных установлений». «Духовенство презирают. Не кланяются священнику, не обнажают голову, не принимают благословение»; «постов не признают, над духовенством смеются». «Молодое поколение возвращается на родину уже с другими нравственными и религиозными убеждениями. Подобные личности не считают своей обязанностью соблюдать посты, присутствовать при богослужении»³⁰. Духовенство епархии почти единогласно утверждало, что крестьяне, побывавшие на заработках, заметно охладели к святой Церкви, свободно нарушали уставы ее и христианские обычаи³¹. Все указывало на возникшую тенденцию, которая если не разрушала, то существенно подтачивала духовные основы народной жизни. В религиозном сообществе слабели внутренние связи, исчезал страх перед тем, что о дурном поступке «поп узнает»³².

Утрата благочестия отходниками сопровождалась распространением в их среде порочного поведения. В «Отзывах епархиальных архиереев» за 1905 год, по единодушному утверждению корреспондентов, основным каналом распространения религиозного индифферентизма среди крестьянской молодежи были отходы на фабрики и промыслы в столичных и больших городах³³. Стоит согласиться с выводом современного исследователя Т. Г. Леонтьевой, что «секуляризация сознания» носила не столько эволюционный характер, сколько приобретала черты «раскола поколений». Приходская проповедническая деятельность, как правило, оставалась слабым оружием против тех, кто стремился разорвать пути традиционализма»³⁴.

Еще в пореформенное время возник вопрос об изменении роли священника в его взаимоотношениях с сельским обществом. Однако перемены в этом направлении были минимальны, ведь в начале XX века требовались не только реформа прихода, но и существенные изменения в правительственной политике, особенно

³⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2 об., 30 об., 44 об., 66 об., 67 об., 69–69 об., 75.

³¹ Там же. Д. 2169. Л. 19.

³² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 159.

³³ Там же. С. 93.

³⁴ Там же. С. 162.

учет распространенного среди многих церковных служителей представления о необходимости восстановления патриаршества³⁵.

Безусловно, мощнейшим водоразделом в отношениях между миром и церковью явилась первая русская революция. Период с 1905 по 1907 год исследователи называют начальным в процессе массового упадка религиозности в народе. На фоне общей секуляризации сознания крестьянского социума, ускоренной в начале XX века процессом роста числа отходников и сельских пауперов, необходимым элементом оппозиционных настроений становилось обвинение клира в угодничестве властям, добавлявшее крестьянским выступлениям нередко антицерковную направленность.

³⁵ Земцов Л.И. Указ. соч. С. 74–75.

М.К. Акользина,
кандидат исторических наук

Тамбовские благотворители. Взаимоотношения купечества и Церкви в XIX веке

Участие горожан в конфессиональной жизни русского уездного города и взаимоотношения купечества и Православной Церкви постоянно привлекает внимание отечественных ученых-историков. Этой проблеме посвящено достаточное количество научной литературы¹.

Наиболее интересным для рассмотрения темы является город Моршанск, который в XIX веке был многофункциональным, экономически высокоразвитым по условиям своего времени административным центром одного из многолюдных уездов Тамбовской губернии. Наблюдалось нарастание городских функций, но с колебаниями и противоречиями.

В 1781 году в Моршанске было учреждено Духовное правление, в состав которого вошли 7 чиновников, 3-е – из местного почетного духовенства, и столоначальник. В первой половине XIX века в городе было 7 храмов. Самым старым был каменный Софийский собор, возведенный в 1753 году моршанскими купцами Петром и Федором Копейкиными. На торговой площади располагалась 4-престольная каменная двухприходная Вознесенская церковь, построенная на средства моршанского купца Алексея Тюлюкина в 1799 году по плану епископа Феофила. Две церкви, относившиеся к моршанскому городскому благочинию, находились в пригородных слободах. Николаевская (Барашевская) каменная, с двумя

¹ Акользина М.К., Морозова Э.А., Орлова В.Д. Взаимоотношения зажиточного крестьянства с православной церковью в XIX – начале XX в. (По материалам Тамбовской епархии) / Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 139–141; Участие населения в религиозной жизни русского уездного города в первой половине XIX века (по материалам г. Моршанска Тамбовской губернии) / Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. 22–23 марта 2006 г. / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 55–61.

приделами церковь была построена в 1840 году купцом Георгием Платицыным вместо старой деревянной, открытой в 1804 году. Николаевская церковь пригородной Базиевской слободы, основанная в 1782 году, была перестроена после пожара в 1848 году. В 1840-м была возведена еще одна пригородная церковь, Федоровская. Две бесприходных церкви находились при кладбищах города: Рождества Богородицы (Николаевская), действовавшая с 1797 года, и каменная Федоровская, построенная в 1831-м. 24 ноября 1857 года был освящен новый Троицкий собор. В 1861 году было 3 протоиерея, 7 священников, 6 дьяконов и 20 причетников.

В 1840 году в Моршанске на одну церковь приходилось 1999 человек, или по 1249 человек на приход. В то же время на одну церковь приходилось: в Омске – 2228 горожан, в Томске – 1170, в Тобольске – 861, в городах Тверской губернии – 558, и в городах Тульской губернии – 1003 человека на церковь².

Самым значительным культурным событием в городе был ежегодный крестный ход, совершавшийся моршанским благочинным, из собора на берег Цны перед отправлением судов с грузами вверх по реке. «Здесь при церковных иконах и хоругвях служился молебен с водоосвящением по окроплении готовых к отплытию судов, возглашалось многолетие императорскому дому, покровителю полезной торговли, властям города и торговой навигации»³.

Данные источников свидетельствуют о преобладании православного населения в Моршанске в XIX веке (хотя эти данные можно считать завышенными), с увеличением его после присоединения слобод в 1864-м. Доля раскольников была невелика, и, судя по ее резкому сокращению после слияния горожан и жителей слобод, в основном приходилась на городское население. Это же относится к лицам других христианских вероисповеданий. Во второй половине 50-х и 60-е годы XIX века увеличилась доля и численность иудеев в городе. Самым неустойчивым по численности и доле в городском населении Моршанска в разные годы было мусульманское население.

Анализ данных изученных источников свидетельствует о преобладании и росте среди раскольников Моршанска старообрядцев,

² *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века. М., 1995. С. 39.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1730. Ч. 3. Л. 499.

«принимающих священство», и снижении доли беспоповщинских сект. Число молокан оставалось практически неизменным, с небольшими колебаниями. Совершенно неправдоподобными являлись данные о скопцах, численность и доля которых, судя по административным данным, постоянно снижались и были совершенно незначительными. Кроме того, материалы официальных источников свидетельствуют об отсутствии в городе раскольничьих молелен и фактов обращения сектантов в православную веру, что противоречит данным метрических книг.

Более реальные данные о числе сектантов предоставляют исповедные ведомости, в которых священниками фиксировались причины отсутствия на исповеди, и Ведомости о состоянии церквей, учитывавшие в составе прихожан и раскольников.

По данным официальной статистики, сектанты в 1854 году составляли 2 % населения города, в 1861-м – 3%. По данным церковной статистики, сектанты в 1850 году составляли 4% прихожан самого крупного храма Моршанска. Практически все раскольники были представителями городских сословий. Так, среди зарегистрированных старообрядцев было 77 (81%) купцов, 13 (14%) мещан и всего 5 (5%) вольноотпущенных. Все молокане и скопцы принадлежали к разряду мещан.

Исповедные ведомости позволяют составить представление о религиозной принадлежности купеческого сословия. Нами использованы исповедные ведомости Софийской соборной церкви Моршанска за 1850 год, единственные из сохранившихся по городу⁴. В них зарегистрированы все жители – члены данного прихода, пришедшие (или не пришедшие по каким-либо причинам) на исповедь и причастие, обязательные для каждого православного. Купечество составляло 18% всех прихожан центрального собора города. Среди купечества, не пришедших на исповедь и причастие «за нерачением» и даже «за отсутствием», не выявлено. Ценность исповедных ведомостей городов заключается в том, что в них, в отличие от ревизских сказок, представлены реальные купеческие семьи, а не домохозяйства, а также зафиксированы представители «старообрядческой секты».

По мнению современных исследователей, российскому купечеству всегда была присуща глубокая религиозность. Купеческая

⁴ ГАТО. Ф. 890. Оп. 1. Д. 50.

среда, наряду с крестьянской, являлась хранителем русской духовности и традиционной национальной культуры. Церковь истари являлась объектом вложения купеческих капиталов. Церкви возводились прижизненно или завещались вклады на их построение⁵. Купечество городов Тамбовской губернии активно участвовало в строительстве храмов. Так, в Козлове из четырнадцати городских церквей пять были построены местными купцами: в 1773 году каменная двухэтажная пятипрестольная Троицкая (Пятницкая) церковь и в 1801 году Крестовоздвиженская кладбищенская бесприходная каменная теплая (отапливаемая) церковь на средства купца Ивана Силантьева; в 1808 году каменная двухэтажная трехпрестольная Ильинская церковь – на средства купца Ивана Воронова; в 1858 году тюремная бесприходная церковь – на средства купеческого сына Николая Попова; в 1869 году каменная теплая домовая церковь Боголюбского женского монастыря – на средства купца Федора Воронова⁶. «Обязанная во время пожара 1848 года сохранением своему ктитору купцу Петру Седых, церковь Ильинская одолжена ему и многими украшениями в своих иконостасах, благолепием которых всегда дорожили и для которого никогда и прежде не были скупы Ильинские прихожане»⁷.

В Моршанске на средства местного купца Алексея Тюлюкина были построены в 1799 году каменная Вознесенская церковь и в 1831-м каменная теплая Федоровская кладбищенская церковь; на средства потомственного почетного гражданина города Моршанска Емельяна Платицына – Александро-Невская приютская церковь в 1883 году; на средства потомственной почетной гражданки Анны Платицыной – Магдалининская приютская церковь в 1884 году; на средства купца 2-й гильдии Георгия Платицына – каменная теплая Федоровская пригородная церковь в 1840 году вместо сгоревшей деревянной⁸. На постройку и оснащение (внутреннее убранство) Троицкого собора (который строился с 1836 по 1857 год) пожертвовали: в 1836 году купец второй гильдии Егор Иванович

⁵ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 74.

⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 138, 140, 141; 5; с. 127, 138, 150–152.

⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 283.

⁸ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 229, 231, 232; 5; с. 152–155.

Платицын – 200 тыс. руб. (основная сумма); его племянник Максим Кузьмич Платицын – пятиярусный иконостас в главном алтаре; купец Николай Гасанович (Яссонович, Евсеевич) Синев – икону Иверской Божией Матери, написанную на Афонской горе, ее серебряная с позолотой риза весила 15 кг; почетный гражданин Гавриил Иванович Котельников – икону Казанской Божией Матери, ее серебряная с позолотой риза весила 17,5 кг, дарохранительницу весом в 1,3 кг и трехъярусный иконостас в правом Казанском приделе; староста собора купец Николай Афанасьевич Юсов – икону святителя Николая Мирликийского Чудотворца с позолоченной серебряной ризой в 8 кг; Иван Афанасьевич Юсов – потир из позолоченного серебра с чеканными изображениями; купец Василий Гундобин – дорогую дарохранительницу весом в 4 кг; почетный гражданин Александр Михайлович Серебряков – дарохранительницу весом в 1,2 кг и трехъярусный иконостас в левом Александра Невского приделе⁹.

В Борисоглебске Покровская тюремная домовая церковь была построена в 1859 году на средства потомственного почетного гражданина Петра Кожевникова¹⁰.

В Усмани тюремная Федоровская домовая церковь в здании тюрьмы была построена в 1861 году на средства местного купца Федора Огаркова¹¹, а кладбищенская Покровская церковь была «складена» в 1814 году купцом Венедиктом Кузнецовым¹².

В Липецке в 1836 году на средства почетного гражданина Алексея Хренникова «с помощью прихожан» завершилось строительство каменной Троицкой церкви, а в 1839-м купцом Богдановым была построена каменная Успенская кладбищенская церковь¹³. В 1818 году церковным старостой соборной Христорождественской церкви был купец Василий Степанович Распопов¹⁴.

В Кирсанове каменная теплая Ильинская церковь была построена в 1851 году на средства потомственного почетного гражданина В.С. Сосульникова¹⁵.

⁹ Чуженькова Н. Храм, построенный на века // Согласие. 24 мая 2007 г. № 21.

¹⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 310.

¹¹ Там же. С. 370.

¹² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 58.

¹³ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 434, 437.

¹⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 777. Л. 19.

¹⁵ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 526; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 143.

В Спасске каменная соборная Преображенская церковь была возведена в 1810 году «иждивением и усердием» местного купца Тимофея Самгина «наместо деревянного пришедшего в ветхость Спасского храма»; каменная Вознесенская церковь в 1859 году на средства местных купцов Василия Бундикова и Николая Макова; каменная тюремная церковь в 1860 году и приписная Успенская кладбищенская церковь в 1867 году купцом Евфимием Щегловым «с пособием от прихожан»¹⁶. «Соорудив храм, купец Самгин не переставал до конца своей жизни содействовать его внутреннему благолепию своими приношениями. Серебряные ризы на местных иконах – его вклад, который сделан им в 1825 и 1827 годах»¹⁷.

В Шацке каменная теплая, построенная в 1773 году московским купцом Леонидом Миловановым, Троицкая церковь в 1841 году была «распространена на средства прихожан шацким купцом Николаем Осиным»¹⁸.

Соборная (Спасо-Преображенская) церковь в Елатье была построена в 1748 году купцом Пышкиным, каменная Ильинская церковь в 1751-м купцами Иваном Пышкиным и Василием Каржевиным, каменная Введенская (Никольская) в 1760 году – купцом Василием Каржевиным, каменная Вознесенская церковь в 1797-м – купчихами Акилиной и Елизаветой Виноходовыми, каменная тюремная церковь в 1884 году – купцом Дунаевым¹⁹. «Внутреннему украшению» Спасо-Преображенского собора «в особенности содействовал елатомский почетный гражданин Яков Сорокин с сыном своим Александром, который был ктиторм собора. Ими устроены, между прочим, серебряные в позолоте массивные ризы на местные иконы, писанные в Москве по их же заказу за дорогую цену; вклад их сделан в 1837 и 1838 годах»²⁰. В церкви Рождества Богородицы в Елатье в середине XIX века хранилось «напрестольное евангелие в малиновом бархате с серебряными в позолоте чеканами Спасителя и Евангелистов. На нем надпись: «1689 года

¹⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 526; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 601–602.

¹⁷ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 281.

¹⁸ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 643.

¹⁹ Там же. С. 748, 749, 750, 751.

²⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 278.

в елатомский монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы приложил евангелие и Евангелистов елатомский посадский человек Савва Степанов Самгин со своими детьми»²¹.

Но представители купеческого сословия не ограничивались строительством храмов в городах, на их средства возводились и сельские церкви. В Козловском уезде были построены освященная в 1802 году каменная церковь (по размерам она была больше соборной церкви в Козлове) в селе Громушка купцом Иваном Силантьевым; в 1821 году каменная теплая церковь в Заворонежской слободе козловской купеческой женой Анной Силантьевой; в 1823 году – каменная теплая церковь в селе Глазок «на средства прихожан с помощью Козловского купца Силантьева»; в 1865-м – каменная теплая церковь в селе Старое Торбеево купцом Николаем Родионовым; в 1874 году – церковь деревянная холодная двухпрестольная в селе Малый Избердей купцом Мироновым; церковь каменная холодная в селе Боголюбское на средства купеческого сына Гаврилы Киселева²². В Моршанском уезде были возведены церкви: каменная Архангельская в селе Сокольники в 1802 году на средства моршанского купца Петра Петракова «с участием прихожан»; каменная теплая Казанская церковь в селе Таракса на средства купца Тюлюкина «при помощи Дмитрия Нарышкина и прихожан»; деревянная Покровская церковь в селе Волково (Архангельское, Малое Шереметьево) в 1895 году «на средства потомственного почетного гражданина В.Е. Платицына и прихожан»²³. В селе Пластицы (Евграфово) Липецкого уезда купцом 2-й гильдии Окорокова была возведена каменная теплая церковь в 1864 году²⁴. В Кирсановском уезде на средства купца Куприянова была построена деревянная холодная церковь в селе Куровщина (Сергиевское) в 1879 году; на средства купца и потомственного почетного гражданина Сергея Ивановича Москалева были построены церкви в селе Покровская Ира в 1896 и в селе Сулак в 1897 годах.²⁵

В 1834 году однодворцы села Шехмани Липецкого уезда заключили контракт с моршанским купцом Никитой Куприяновым на

²¹ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 280.

²² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 163, 166, 181, 191, 195, 211; Кученкова В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 143–146.

²³ Там же. С. 235, 294, 303.

²⁴ Там же. С. 470.

²⁵ Там же. С. 538, 539, 552.

постройку в том селе вместо ветхой деревянной новой каменной церкви с колокольной «наемными от него рабочими людьми со всеми его материалами, и покрыть железною крышею; причем одnodворцы для делания кирпича должны отвести ему Купреянову место и доставлять лес на подмостья». Всего предполагалось истратить на постройку церкви 25 тысяч рублей. За строительство церкви одnodворцы отдавали купцу в оброчное содержание 545 десятин удобной и 786 десятин неудобной земли сроком на 10 лет²⁶.

Отношение купечества к Православной Церкви выражалось и в благотворительной деятельности. В 1831 году моршанский купец 3-й гильдии Захар Иванов обратился с просьбой в МВД, «желая учредить из собственного своего капитала с помощью добротных пожертвований богадельню или убогий дом для призрения до 30-ти человек бедных и отставных нижних чинов, неимеющих средств соискывать себе пропитание, просит местное начальство об отводе ему на сей предмет из городского выгона земли». Городской думой ему было отведено место на выгоне, но вместо строительства богадельни «он насадил уже несколько плодовых деревьев и выстроил избу для караула приготовленных к постройке богадельни материалов», но «по последствию времени в даче ему сего места Городскую Думою отказано вследствие приговора Градского общества»²⁷.

Меры благотворительности ограничивались частными сборами с купцов и мещан для раздачи бедным. В 1869 году в Моршанске начало действовать благотворительное общество попечения о бедных «с целью облегчить участь беднейших жителей». В состав учредителей вошли: княгиня Варвара Гагарина, Екатерина Горлова, дворянин А. Салов, почетные граждане Нестор Попов, Николай Шелепужников, Дмитрий Михайлов, купцы Кирилл Фомин, Семен Степанов и Савелий Фомин.

В Елатье богадельня была построена на «счет пожертвованной купчихою Стрижевою суммы», в ней содержалось десять человек. На содержание призреваемых в городской богадельне «издержано согласно завещания Стридовой из процентов с капитала ея, обращенного в 4% непрерывно доходные билеты 258 руб. 76 ³/₄ коп.»²⁸.

²⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 946. Лл. 790–791 с об.

²⁷ ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 746. Л. 9.

²⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1639. Ч. 1. Л. 88 об.

С.В. Радецкий,
студент Тамбовской духовной семинарии.

П.П. Щербинин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
профессор ТГУ им. Г.Р. Державина,
доктор исторических наук

Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды Российской армии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов

Русско-японская война 1904–1905 годов явилась серьезным испытанием как для российской государственности в целом, так и для жизни отдельных людей. Военное лихолетье обострило проблемы российского общества, вызвав недовольство и ропот населения страны, что явилось важной предпосылкой последующих смут и революционных потрясений. В эти тяжелые годы выдающуюся роль в смягчении последствий военной повседневности, утешении и поддержке страждущих сыграла Православная Церковь. Особое значение имела подвижническая деятельность провинциального православного духовенства, которое всегда в минуты радости и скорби было со своей паствой, активно несло утешение и сострадание, информировало население о ходе военных действий и решениях царского правительства.

В статье рассмотрены отдельные аспекты патриотической деятельности духовенства Тамбовской епархии в военные годы периода Русско-японской войны 1904–1905 годов. Заметим, что в российской и советской исторической науке события войны начала XX века изучались, главным образом, только как военно-политическое явление. Их влияние на жизнь общества учитывалось, чаще всего, в плане отношения общественности к началу и ведению конкретной войны (патриотические настроения в разных слоях общества, добровольчество, народные ополчения) либо сквозь призму мобилизации средств на ведение войны (размеры призыва, численность армии, состояние военного производства и вооружений, мобилизация материальных ресурсов в общероссийском масштабе). Проблема воздействия Русско-японской войны 1904–1905

годов на жизнь Тамбовской епархии практически не рассматривалась ранее в научных исследованиях. Между тем изучение патриотической деятельности тамбовского духовенства позволяет выявить особенности социокультурного и этноконфессионального развития региона, требует глубокого и многомерного изучения.

Опыт патриотической деятельности Тамбовской епархии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов позволяет оценить общий вклад Русской Православной Церкви, которая всегда, в том числе и в самые трудные годы, не просто находилась рядом с народом и страной, но и являлась организующей, консолидирующей силой¹. Необходимо учитывать, что и прежде, на протяжении веков, православие являлось якорем, удерживавшим русский народ в бурной исторической пучине. Идеалы православия консолидировали традиционное общество, при этом православное духовенство, духовно ориентируя народ, являлось носителем идеи единства².

Необходимо учитывать, что любое, даже патриотическое проявление чувств духовенства, должно было быть согласовано с властью и санкционировано им. В этом контексте большое значение имели обращения и предложения Его Преосвященства Преосвященнейшего Иннокентия, епископа Тамбовского и Шацкого.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов деятельность тамбовского духовенства практически со всех сторон освещалась ТЕВ. Так, данный печатный орган епархии немедленно отозвался на начало дальневосточного вооруженного конфликта опубликованием Высочайшего манифеста «Об объявлении войны»³. Газета вышла 21 февраля 1904 года (по ст. ст.),⁴ напечатав манифест в передовице.

В этом же № 8 ТЕВ были изложены: «Определение Святейшего Синода Русской Православной Церкви по Высочайшему манифесту о войне с Японией» от 28 января 1904 г. за №№ 409⁵, 398⁶ и

¹ Щербинин П.П. Социальная ориентация православного духовенства в городах черноземного центра в период первой русской революции // IV Пятигорские чтения (14–15 мая 1997 г.). Тамбов, 1998. С. 80.

² Лисюнин В., иер. Процесс модернизации и участие в нем тамбовского духовенства // Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. 22–23 марта 2006 г. / Науч. ред. Л.Ю. Евтихитова. Тамбов, 2007. С. 69.

³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 139–141.

⁴ Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

⁵ ТЕВ, 1904. № 8. С. 141–144.

⁶ Там же. С. 144–145.

«Предложение. Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго – Тамбовской духовной консисторіи» от 10 февраля того же года за № 1053, в котором Преосвященнейший владыка, опираясь на определения Святейшего Синода Русской Православной Церкви (далее Св. Синод РПЦ), подчеркнул, что «вся Россія, въ порыве патріотическаго одушевленія, стремится различными способами облегчить Правительству тяжесть веденія войны съ Японцами: одни несутъ къ подножію Престола деньги на военныя нужды, другіе – матеріалы (хлебъ, холость, шерсть, каменный уголь и проч.), третьи – свой личный трудъ, взявши на себя обязанности братьевъ и сестеръ милосердія, или заготовку платя и белья для арміи и проч. Духовенство православной церкви не отстаетъ отъ другихъ сословій въ посильныхъ жертвахъ на ратное дело. Святейшій Синодъ первый положилъ свою крупную лепту (100 000 рублей) въ это общенародное, дорогое русскому сердцу, святое дело и темъ какъ бы благословилъ его. Примеру Святейшаго Синода последовали Лавры...»⁷ Далее епископ Иннокентій выразил уверенность в том, «что все Россійское Православное духовенство приложитъ усердный трудъ свой по сбору пожертвованій среди паствъ своихъ», и призвал Тамбовскую духовную консисторию дать предложения подведомственным мужским и женским монастырям «принести свою посильную лепту на военныя нужды арміи и флота», организовав сбор средств, перевязочнаго матеріала и белья для раненых и прочих необходимых вещей⁸. Ниже перечислялись «Адреса, куда должны быть направляемы вещи:

1) Марія Александровна Фонъ деръ-Лауницъ. Домъ г. Губернатора.

2) Ольга Николаевна Колобова. Семинарская ул., домъ г-жи Ветчинной.

3) Ольга Александровна Симашко. Д. Четвирикова, противъ Казанскаго монастыря.

4) Марія Сергеевна Померанцева. Площадь 1-ой части.

5) Татіана Михайловна Унковская. Тёплая улица, собственный домъ».

⁷ ТЕВ, 1904. № 8. С. 149–150.

⁸ Там же.

В этой, на первый взгляд, незначительной детали проглядывает и несомненный организаторский талант заботливого тамбовского архипастыря, что еще раз подтверждает и письмо-обращение Преосвященнейшего владыки Иннокентия на имя редактора Тамбовских губернских ведомостей (Тамб. Губ. Вед. № 29), где он просит «указать и объявить – куда, въ какое место и учреждение следует направлять населению свои жертвы»,⁹ приложив и свою лепту – 200 рублей на военные нужды армии, изъявив сердечное желание, «чтобы нашлись мне подражатели и принесли свои пожертвованія по мере силъ и усердія. Господь ихъ благослови»¹⁰.

3 февраля 1904 года епархиальный архиерей обращается с поручением к Тамбовской духовной консистории: «В дополнение к моему предложению от 31 января сего года о производстве сбора по всем церквям епархии на военные и санитарные нужды действующих армий и флота препровождаю при сем полученный мною № 5 «Церковных Ведомостей» и предлагаю Консистории немедленно учинить соответствующия распоряжения, требуемые определением Святейшего Синода от 28 минувшего января о прочтении Высочайшего манифеста в городских и сельских церквях (где оное еще не совершено), о совершении молебных пений и о возношении на церковных богослужениях указанных прошений на великой и сугубой ектиниях и молитвы на литургии»¹¹. Уже 4 февраля 1904 г. выходит Указ Консистории, в котором приказывается «о вышеизложенном... объявить духовенству епархии через Благочинных и Настоятелей и Настоятельницам монастырей к сведению и неуклонному исполнению»¹².

Тамбовский архипастырь не оставлял своим вниманием поддержание патриотического подъема своей паствы, ставя в пример образцы высокого нравственного поведения, встречаемого среди духовенства и верующих Тамбовской епархии. Так, на резолюции к рапорту одного из благочинных, пожертвовавшего на санитарные нужды действующей армии деньги, поднесенные ему по случаю личного праздника по подписному листу от духовенства округа, Преосвященнейший владыка написал: «Хвалю и благодарю всех отцов и прочих почетных лиц, собравшихся к отцу благочинному

⁹ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

на праздник поднесения ему креста, за то, что сумели воспользоваться семейным праздником, как средством для высокого доброго и святого дела посильной помощи родине от своих скудных средств в тяжелые дни посланного ей испытания Божию. Благослови и прими, Господи, жертву их сердец и настроений! Как бы хотелось убедиться в живом, наглядном, осязательном биении у духовенства этого пульса, беззаветной любви к родине!»¹³

Духовно укреплял владыка и тех, кто отправлялся в район боевых действий, и тех, кто оставался в своих домах в тревожном ожидании ушедших на фронт кормильцев. Об этом свидетельствует «Речь напутственная Тамбовскому отряду Красного Креста пред отправлением его в действующую армию», произнесенная епископом Иннокентием в 2 апреля 1904 года: «Промыслом Божиим суждено отечеству нашему пережить дни тяжких испытаний. В кровавой борьбе с дерзким врагом-язычником Господу угодно испытать силу веры нашей, крепость нашего христианского духа, твердость упования...»¹⁴ – обращается Преосвященнейший владыка к собравшимся в Казанском мужском монастыре города Тамбова. В этой речи он упоминает о подвиге моряков крейсера «Варяг», приводя в пример их мужество и верность долгу, вспоминает погибшего адмирала Макарова и 635 моряков флагманского броненосца «Петропавловск», взорвавшегося несколькими днями ранее вблизи Порт-Артура, скорбит о павших воинах и наставляет отбывающих на Дальний Восток: «Но за подвигом мужества и отваги и по следам его должен идти христианский подвиг милосердия и сострадания... на этот подвиг и для этой жертвы и снарядили мы вас, возлюбленные сестры и братья о Христе...»¹⁵

Далее архипастырь дает наказ убывающему к месту боевых действий отряду не только облегчать телесные страдания раненых воинов, но и укреплять их добрым словом: «Вместе с попечением и уходом несите им нравственное обозрение и утеху. Поведайте им, как неустанно молится Церковь о даровании воинству победы, как просит она у Господа венцов нетления всем положившим жизнь за веру, Царя и отечество...»¹⁶

¹³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 153.

¹⁴ Там же. №№ 14, 15. С. 369.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 371.

Каждый отбывающий на фронт «в покров, защиту и ограждение свое» получил из рук Его Преосвященства икону святого преподобного Серафима, Саровского Чудотворца, устроенную из доски от его кельи.

Молитвенное попечение о пастве проявлялось и в сугубо административных актах правящего архиерея. Так, 29 апреля 1904 года за № 3621 выходит «Предложение Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго – Тамбовской духовной консисторіи»: «Наши военные действия на Дальнем Востоке, волнующие всю Россию от большого города до малого поселка, к прискорбию нашему, до сих пор не благословляет Господь желанным успехом. В эти дни некоторого общего уныния и скорби от понесенных отечеством потерь в доблестных флоте и войске, следует усилить, усугубить нам общую молитву ко Господу о даровании победы над врагом.

Предлагаю Консистории распорядится немедленно по всем храмам вверенной мне епархии, чтобы: а) на божественных литургиях, после тропаря на "Слава" храму или празднику, на "И ныне" непременно пелось "Спаси Господи люди Твоя"... б) на сугубой эктении той же литургии, после молитвы о даровании победы, читаемой священником, непременно возносилось заупокойное эктенийное моление, с поминовением православных воинов, за веру, Царя и отечество на брани живот свой положивших, в) а по окончании литургии в воскресные и праздничные дни было обязательно совершаемо последование молебнаго пения о победе над врагом. Консистории не оставить учинить по сему надлежащее распоряжение»¹⁷.

В период ведения военных действий на Дальнем Востоке Тамбовская духовная консистория регулярно рассматривала вопросы, связанные с организационными мероприятиями по сбору пожертвований на нужды Российской армии и флота в Тамбовской епархии, и выносила свои решения, согласно «Определений» Святейшего Синода или «Предложений» правящего архиерея, о чем свидетельствуют записи в журналах ее заседаний. Так, 7 мая 1904 года рассматривался вопрос «О пожертвовании на нужды армии духовенством и частными лицами епархии...»¹⁸; 3 июня

¹⁷ ТЕВ, 1904. № 19. С. 372–373.

¹⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 53. Запись № 692.

1904 года – «Об отсчете денег на армию, поступающие в Красный Крест»¹⁹; 9 июня 1904 года – «О разрешении высылать кружечный сбор и пожертвования, поступающие на нужды армии в Консистирию»²⁰ и т.д., на протяжении всей войны.

Консистерия рассматривала вопросы своевременно и выносила свои решения оперативно. В качестве примера можно привести вышеупомянутое «Предложение Преосвященнейшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго» от 29 апреля 1904 года за № 36, ответ на которое последовал незамедлительно: «О сем предложении дано знать духовенству епархии к исполнению циркулярными указами, от 30 апреля текущего года за № 27»²¹.

Примером слаженного взаимодействия правящего архиерея и Тамбовской духовной консистории может служить опубликованные в № 21 от 22 мая 1904 года ТЕВ «Распоряжение» за подписью Преосвященнейшаго Иннокентія, епископа Тамбовскаго о необходимости пошития 16 тысяч верхних форменных рубах для снаряжения воинов и распределении количества пошитий каждому женскому монастырю и напечатанная ниже «Ведомость», составленная консисторией²².

Тамбовская духовная консистория, в силу своего статуса в церковно-административном устройстве Российской империи, являлась органом координирующим, регулирующим и направляющим деятельность различных структур, частных лиц и собственных институтов Русской Православной Церкви по сбору пожертвований в Тамбовской епархии на нужды действующей армии на Дальнем Востоке. Помимо вышеизложенных фактов, примером этого может служить запись в журнале заседаний Тамбовской духовной консистории № 2550. На этом заседании, проходившем 10 мая 1904 года, рассматривался вопрос о порядке сбора пожертвований членами Всероссийского общества Красного Креста в храмах епархии. Согласно определению Святейшего Синода от 8 февраля 1904 года за № 18 «О порядке производства сборов за воскресными богослужениями членами общества Красного Креста или уполномоченными от него лицами и о порядке высылки денег по назначе-

¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 69. Запись № 919.

²⁰ Там же. Л. 72. Запись № 968.

²¹ ТЕВ, 1904. № 19. С. 372–373.

²² Там же. № 21. С. 415–417.

нию...», Тамбовская духовная консистория постановила «объявить причтам городских церквей, что есть местные отделения Российского Общества Красного Креста, что сбор на нужды действующей армии в церквях должен быть один и проводить оный должны одни уполномоченные общества Красного Креста, за Богослужениями воскресных и праздничных дней с своими кружками и счет собранных денег имеет производиться в отделениях Общества, где оные и имеют оставаться, а не должны быть представляемы в Консисторию»²³.

Консистория не только координировала сбор пожертвований в Тамбовской епархии, но и сама подавала пример жертвенного отношения к нуждам Отечества.

*«Присутствіе и канцелярія Тамбовской духовной Консисторіи, одушевляемые верноподданическими и патриотическими чувствами къ Возлюбленному своему Монарху и православному своему отечеству, переживающему въ настоящее время тяжкое испытаніе, по случаю вынужденнаго открытія военных действий съ языческою Японіей, и желаніемъ принести отъ себя посильную лепту на это великое и многотрудное дело, постановили отчислять ежемесячно изъ своего жалованья 1% для нуждъ арміи на все время военныхъ действий»*²⁴ – такое сообщение было опубликовано 21 февраля 1904 года в № 8 ТЕВ.

Помимо прочего, в ведении консистории оставалась и рутинная канцелярская работа, многие стороны которой, так или иначе, все же были связаны с событиями, разворачивающимися на Дальнем Востоке Российской империи. Одна из записей в «Журналах заседаний» гласит: «Слушали: Справку: для разсылки бланков по церквям Тамбовской епархии в 1904 г. требуется выписать таковых из Московской Синодальной Типографии в следующем количестве: б) ...о лицах призываемых к исполнению воинской повинности 3000»²⁵.

Военные события, произошедшие на Дальневосточных рубежах империи, потрясли все российское общество. На примере Тамбовской епархии видно, что, несмотря на внезапное нападение японских войск и тяжелое, не в пользу России, течение войны, официальные лица и официальные учреждения РПЦ стали надежным помощником государства в консолидации всего гражданского

²³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 1177.

²⁴ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150–151.

²⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2401. Л. 1285.

общества, ведя организационную, информационную и патриотическую деятельность среди населения, увлекая своих сограждан и личным примером беззаветного служения Отечеству.

Конечно же, весьма весомым был и вклад духовенства Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды действующей армии на Дальнем Востоке. Эти сборы в Тамбовском регионе проходили повсеместно: в губернском центре, купеческих городах, крупных селах и деревушках. Центрами сбора, особенно в глубинке, являлись исключительно монастыри и приходские церкви.

На призыв Преосвященнейшего Иннокентия: «чтобы нашлись мне подражатели...»²⁶, – и во исполнение его чаяний: «Как бы хотелось убедиться в живом, наглядном, осязательном биении у духовенства этого пульса, беззаветной любви к родине!» – одними из первых откликнулось духовенство 1-го Спасского и 4-го Шацкого благочинных округов. Вот что по этому поводу писали ТЕВ: «Духовенство церковей 1 Спасского округа изъявило единодушное желание жертвовать 2% содержания из казны»²⁷ и «...1904 года 25-го февраля духовенство 4-го Шацкого округа в общем собрании... постановило:

1. Единоновременно пожертвовать на санитарные нужды из личных средств духовенства – 157 рублей 68 копеек, по 1 копейке с приходской души мужского пола;

2. Отчислять на те же нужды из братских ежемесячных доходов по 2% с доходного рубля»²⁸.

18 марта 1904 г. состоялись общие собрания духовенства 1-го Липецкого²⁹ и Елатомского³⁰ городского благочинных округов, на которых также были приняты решения об ежемесячных отчислениях пожертвований из доходов священнослужителей. Подобные собрания прошли и в других благочиниях Тамбовской епархии, после которых духовенство ежемесячно осуществляло отчисления от доходов на пожертвования, определив начало таковым – начало боевых действий на Дальнем Востоке³¹.

²⁶ ТЕВ, 1904. № 8. С. 150.

²⁷ Там же. № 10. С. 196.

²⁸ Там же. № 13. С. 262.

²⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2476. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 24.

³¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 28, 106.

Первый с начала войны номер ТЕВ сообщил о патриотическом поступке благочинного 2-го Кирсановского округа, священника Димитрия Соколова, который пожертвовал на санитарные нужды действующей армии 56 рублей, собранные духовенством округа при поднесении ему креста³².

Пожертвования на нужды Российской армии и флота из личных средств духовенства Тамбовской епархии поступали регулярно, что немедленно находило отклик в местной церковной прессе:

«Список пожертвований духовенством и старостами приходских церквей города Тамбова на санитарные нужды действующей армии в Японии.

Из церковных сумм кафедрального собора – 100 р.

От причта кафедрального собора – 200 р.

От себя лично кафедральный протоиерей Михаил Озеров – 50 р.

Василий Аносов лично – 1000 р.

От причта Знаменской церкви – 200 р.

От себя и церкви Сергей Патутин – 200 р.

От причта Покровской церкви – 300 р.

От церкви Покровской – 100 р.

От причта Троицкой церкви – 200 р.

От старосты Троицкой церкви – 100 р.

И через 4 месяца ежемесячно во все продолжение войны с расчетом 15 р. на воинов и 10 р. на флот, считая с 1 марта 1904 г.

От причта Введенской церкви – 100 р.

От церкви Введенской – 50 р.

Лично старосты Введенской церкви – 200 р.

От причта Христорождественского собора – 300 р.

От причта женского монастыря – 200 р.

От причта Варваринской церкви – 100 р.

От Варваринской церкви – 100 р.

От причта Крестовоздвиженской церкви – 50 р.

От Крестовоздвиженской церкви – 50 р.

От старосты Успенской церкви – 100 р.

От причта Успенской церкви – 200 р.

От церкви Богородичного причта – 200 р.

От церкви Богородичной – 100 р.

³² ТЕВ, 1904. № 8. С. 153.

От причта Архангельской церкви – 75 р.

От протоиерея А. Шишкова – 100 р.

Троицкая церковь – 75 р.

Староста Архангельской церкви – 75 р.

Всего – 4525 р.»³³

Как видно из вышеизложенного, жертвенные отчисления производились не только священнослужителями. На нужды действующей армии на Дальнем Востоке жертвовали всем церковным причтом³⁴. 27 марта 1904 года ТЕВ сообщают о поступлении пожертвований от церквей, причтов и старост Тамбовского городского округа и пожертвований Тамбовского кафедрального собора, причта и личных средств протоиерея Михаила Озерова на общую сумму 1450 рублей³⁵. В № 21 ТЕВ, среди прочих сообщений, было опубликовано о поступлении пожертвования «от диакона села Шехмановки, Козловского уезда, Андрея Некрасова 15 рублей»³⁶, что говорит о высоком патриотическом подъеме в среде духовенства епархии, так как небогатое священство жертвовало, пожалуй, все свои сбережения.

Помимо сбора личных жертвенных средств, духовенство Тамбовской епархии производило сбор (кроме городских церквей) в кружки Российского общества Красного Креста,³⁷ осуществляло церковный кружечный сбор на санитарные нужды действующей армии, о чем в Фонде Тамбовской духовной консистории ГАТО имеются многочисленные подтверждения³⁸. Об этом же еженедельно уведомляли своих читателей и ТЕВ.

Не оставалось в стороне духовенство и от сбора необходимых пожертвований вещами. В одном из апрельских номеров ТЕВ сообщали о пожертвовании (в основном от отцов благочинных, приходских священников и одного неизвестного лица): холста в полотнах 939 аршин, холста резаного на мелкие куски 958,5 аршина, 26 рубашек, 18 кальсон, 138 полотенец, 58 пар чулок, 14 пар перчаток, 35 пар варежек, 21 платка, 2-х пар носков, 4-х мотков и 2,5 фунта ниток, 1 фунта табака³⁹. Наличие в этом перечне холста резаного

³³ ТЕВ, 1904. № 9. С. 172–173.

³⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 47, 75, 88; ТЕВ, 1904. № 9. С. 172–173; Там же. № 10. С. 196.

³⁵ ТЕВ, 1904. № 13. С. 256.

³⁶ Там же. № 21. С. 422.

³⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 15, 48, 78.

³⁸ Там же; Там же. Д. 2476.

³⁹ ТЕВ, 1904. № 16. С. 310.

на мелкие куски, наряду со всем остальным, позволяет предположить, что приходское духовенство стало своеобразным центром сбора на местах не только денежных пожертвований, но и пожертвований различными вещами, приносимыми (кто что смог) патристически настроенными согражданами.

Приходы, особенно в глубокой провинции, являлись и информационно-просветительскими центрами, «именно в церквях население знакомилось с информацией о важнейших событиях в стране, губернии, уезде, официальными сообщениями»⁴⁰. Выше приводилось и распоряжение Преосвященнейшего Иннокентия Тамбовской духовной консистории «о прочтении Высочайшего манифеста в городских и сельских церквях (где оное еще не совершено)».

Рапорты благочинных и рапорты церковнослужителей в Тамбовскую духовную консисторию, содержащиеся в делах ГАТО, повествуют о том, что духовенство Тамбовской епархии осуществляло сборы в церквях на нужды армии и непосредственно за богослужениями (т. н. тарелочный сбор)⁴¹, и производило пожертвования из церковных средств на:

- содержание коек для раненых воинов в местных эвакуационных лазаретах⁴²;
- усиление военного флота России⁴³;
- пожертвования в пользу бедных семейств раненых и убитых⁴⁴.

В период Русско-японской войны приходской священник по-прежнему оставался самым уважаемым человеком для своей пасты. Это видно из тех же рапортов, в которых тамбовское духовенство сообщает в консисторию о перечисленных ими добровольных пожертвованиях частных лиц на нужды армии и военного флота, доверительно переданных через священников своих приходов⁴⁵. Церковные издания того времени говорили о высоком доверии населения церкви⁴⁶.

⁴⁰ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 80.

⁴¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 14; Там же. Д. 2476. Л. 2.

⁴² Там же. Д. 2475. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 11, 13, 39, 40, 59, 78, 97, 115.

⁴⁴ Там же. Л. 16; ТЕВ, 1904. № 23. С. 470–471.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 3, 15, 36, 46, 68; Там же. Д. 2476. Л. 10; ТЕВ, 1904. № 10. С. 196; Там же. № 16. С. 310.

⁴⁶ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 84.

5 июня 1904 г. ТЕВ опубликовали текст отношения Александровского комитета о раненых на имя Тамбовской духовной консистории от 20 мая 1904 г. за № 16885, в котором выражается благодарность духовенству Тамбовской епархии за сделанный вклад в Тамбовское казначейство на имя комитета о раненых 554 р. 70 к., пожертвованных церквями, духовенством и монастырями в пользу семейств убитых и раненых на войне с Японией⁴⁷.

К началу русско-японской войны в Тамбовской епархии числилось 10 мужских⁴⁸ и 15 женских⁴⁹ монашеских обителей. Именно к ним прозвучал архипастырский призыв Преосвященнейшего Иннокентия: «Въ Тамбовской епархіи имеется довольно мужскихъ и женскихъ монастырей, последнихъ больше и они многолюднее. Консисторія имеетъ предложить темъ и другимъ принести свою посильную лепту на военныя нужды арміи и флота. Въ частности пусть женскіе монастыри возьмутъ на себя обязанность шить и готовить белье для нашего войска. Часть матеріала можетъ дать имъ местное начальство, но лучше всего, по любви къ родине и дорогимъ защитникамъ ея, проливающимъ ныне кровь свою за ея честь и славу, пусть и матеріаль для белья и другихъ вещей, потребныхъ для раненныхъ, употреблять свой»⁵⁰.

Жертвенный труд монахинь и послушниц также стал предметом освящения в ТЕВ «Кроме денегъ, въ пользу действующей Русской арміи на Дальнемъ Востоке поступили пожертвованія вещами:

1) Отъ Тихвино-Богородицкаго Кирсановскаго женскаго монастыря: 183 арш. русскаго холста, 2 дюж. мужскаго белья, 9 дюж. полотенцевъ, 2 дюж. платковъ, 32 простыни, 21 пара перчатокъ, 47 паръ чулокъ, 12 паръ носковъ, отъ монастырскихъ священниковъ г.Кирсанова 287 арш. холста, 13 паръ чулокъ.

2) Знаменскаго Сухотинскаго монастыря: 25 простынь изъ русскаго холста, 25 наволочекъ верхнихъ изъ бумажнаго полотна, 25 наволочекъ изъ тику, 25 носовыхъ платковъ бумажныхъ, 2 дюж. мужскаго белья, 25 шерстяныхъ чулокъ и 25 полотенцевъ.

3) Отъ Тулино-Софійскаго монастыря: 64 арш. холста, 10 арш. бязи, 1 дюжина мужскаго белья, 35 полотенцевъ, 20 носовыхъ

⁴⁷ ТЕВ, 1904. № 23. С. 470–471.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2425, 2476.

⁴⁹ ТЕВ, 1904. № 21. С. 417.

⁵⁰ Там же. № 8. С. 149–150.

платковъ, 7 простынь, 6 наволочекъ белыхъ, 6 тиковыхъ и 15 паръ чулокъ.

4) Троекуровскаго монастыря: 14 полотенцевъ, 479 арш. хорошаго русскаго холста.

5) Темниковскаго монастыря: 64 простыни изъ русскаго холста, 41 рубашка изъ русскаго холста, 87 полотенцевъ, 10 платковъ, 10 паръ чулокъ шерстяныхъ, 8 паръ бумажныхъ, 7 паръ варешекъ, 39 наволочекъ.

6) Усманскаго Софійскаго монастыря: 950 арш. тонкаго мытаго русскаго холста, 41 рубашка, 40 полотенцевъ, 6 простынь, 23 пары чулокъ, изъ нихъ 20 суконныхъ и 3 бумажныхъ.

7) Козловскаго Боголюбскаго монастыря: 6 дюжинъ мужскаго белья, простынь 3 дюжины, 3 дюжины наволочекъ, 4 дюжины полотенцевъ, 4 дюжины портянокъ, суконныхъ чулокъ 1 дюжина, холодныхъ носокъ 1 дюжина и одно тканьеовое одеяло.

Эти вещи черезъ настоятельницу Тулино-Софійскаго женскаго монастыря игуменью Антонину переданы г. Начальнику Тамбовской губерніи для обращенія ихъ, по его усмотренію, на нужды действующей арміи»⁵¹.

22 мая 1904 года ТЕВ опубликовали материал следующего содержания:

«ВЕДОМОСТЬ

о распределеніи между женскими монастырями Тамбовской епархії труда по приготовленію холщевыхъ рубахъ для мобилизуемыхъ военныхъ частей Тамбовской губерніи⁵²

№№ по порядку	Наименование монастырей	Кол-во холста, отпускаемого монастырям	Количество рубах
1	2	3	4
1	Тамбовскій Вознесенскій	7000 аршин	875 рубах
2	Козловскій Боголюбскій	7000 аршин	875 рубах
3	Тамбовскій Знаменскій Сухотинскій	7000 аршин	875 рубах
4	Усманскій Софійскій	7000 аршин	875 рубах
5	Кирсановскій Тихвино-Богородицкій	7000 аршин	875 рубах

⁵¹ ТЕВ, 1904. № 12. С. 244–2.45

⁵² Там же. № 21. С. 417.

1	2	3	4
6	Лебедянский Троекуровский	7000 аршин	875 рубах
7	Темниковский Рождество-Богородицкий	7000 аршин	875 рубах
8	Кирсановский Тишининский Оржевский	7000 аршин	875 рубах
9	Лебедянский Иоанно-Казанский Сезеновский	7000 аршин	875 рубах
10	Кадомский Милостиво-Богородицкий	7000 аршин	875 рубах
11	Тулино-Софийский	3000 аршин	375 рубах
12	Козловский Ахтырско-Богородицкий	3000 аршин	375 рубах
13	Моршанская Община Всемиловейшего Спаса	3000 аршин	375 рубах
14	Моршанская Казанская Община	3000 аршин	375 рубах
15	Спасская Казанская Община	3000 аршин	375 рубах

Всего монахинями 15 монастырей Тамбовской епархии было пошито 16 тыс. верхних форменных рубах для мобилизуемых военных частей.

Весомым был и денежный вклад монастырей в дело пожертвования на нужды Российской армии на Дальнем Востоке. В первые дни войны поступило:

– от архимандрита Иринарха, настоятеля Предтеченского Трегуляева монастыря – 1113 р. 50 к. (в том числе 100 р. из личных средств)⁵³;

– от настоятеля Темниковской Саровской пустыни игумена Иерофея – 5000 р.⁵⁴ переводной билет;

– от настоятельницы Лебедянского Троекуровского женского монастыря, игумении Нафанаилы 20 р. (10 р. – из личных средств игумении, 10 р. – по подписке от сестер)⁵⁵;

– «настоятельница Тамбовского Тулино-Софийского женского монастыря, игуменья Антонина 500 рублей от монастыря на военные нужды передала непосредственно попечительнице местной Общины Красного Креста М.А. Фон-дер. Лауниц»⁵⁶;

⁵³ ТЕВ, 1904. № 8. С. 151.

⁵⁴ Там же. С. 152.

⁵⁵ Там же. № 9. С. 172.

⁵⁶ Там же.

- «от Шацкой Вышенской пустыни 1000 рублей;
- от Лебедянского Троицкого монастыря 500 рублей;
- Тамбовского Сухотинского монастыря 500 рублей и лично от игумении Анфисы 100 рублей;
- Козловского Ахтырского монастыря 225 рублей»⁵⁷.

Монастыри принимали самое активное участие и в сборе пожертвований на санитарные нужды действующей армии, о чем свидетельствуют регулярно подаваемые рапорты настоятелей о производимых перечислениях: не очень крупных (от 1 до 8 рублей)⁵⁸ и достаточно внушительных (свыше 10–20 рублей).⁵⁹ Об этом же производились еженедельные публикации в ТЕВ.

Являясь духовными центрами земли Русской, монастыри аккумулировали и преобразовывали в вещественное и видимое ту невидимую, сокрытую в глубине души, любовь русского человека к своему Отечеству.

Таким образом, подводя некоторые итоги исследования, необходимо отметить, что в Тамбовской епархии был использован весь комплекс мер, направленных на сбор пожертвований на нужды действующих на Дальнем Востоке армии и флота. Официальные лица и официальные учреждения епархии для этого использовали различные методы:

1. Административное регулирование: предложения, приказы, разъяснения, уведомления доводились до сведения благочинных, настоятелей монастырей и духовенства посредством указов Тамбовской духовной консистории;

2. Убеждение: воздействие на души, умы и сердца православного народа посредством проповеднической деятельности архипастыря и приходского духовенства;

3. Личный пример: побуждение народонаселения губернии к жертвенности посредством личного примера официальных лиц и духовенства;

4. Беседа: воспитание и поддержание жертвенного духа в верующих при личных встречах и посредством публицистического общения;

⁵⁷ ТЕВ, 1904. № 13. С. 261.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2475. Л. 22, 26, 29, 31, 38, 42, 49, 54; Там же. Д. 2476. Л. 1, 8, 28, 29, 31.

⁵⁹ Там же. Д. 2475. Л. 43, 61, 64, 73.

5. Поощрение: похвала правящего архиерея и прочих духовных лиц, а также опубликование имен жертвователей в прессе.

Устоявшаяся многовековая административно-иерархическая структура Русской Православной Церкви, что называется «от Синода до прихода», уважительное отношение к архипастырям, статус и деятельность приходского священника позволили официальным лицам и учреждениям Тамбовской епархии организовывать, регулировать и координировать, а духовенству развивать и направлять жертвенную деятельность православных верующих и остального населения губернии на благо ближним и своему Отечеству.

Вся деятельность официальных учреждений Тамбовской епархии и поступки духовных лиц в период Русско-японской войны 1904–1905 годов вызывают уважение и не могут не являться для нас примером жертвенной любви к своей Родине.

Священник Антоний Лозовский,
проректор Тамбовской духовной семинарии

**Деятельность внутренней миссии
Тамбовской епархии
по борьбе с религиозным сектантством
в 1905–1917 годы**

1905 год принес много перемен в работу тамбовских сектантов, однако они не были связаны с революционными событиями 1905–1907 годов. Обстановка, сложившаяся в этом отношении в Тамбовской губернии, в целом подтверждает общероссийскую. Вопреки надеждам революционеров, сектанты не только не сыграли сколько-нибудь активную роль в революционных событиях тех лет, но и вообще вели себя значительно лояльнее к правительству. Одной из важнейших причин такого их поведения стало принятие еще до начала революции нового религиозного законодательства.

О реакции тамбовских миссионеров на принятие новых законов в отношении сектантства узнаем из многочисленных публикаций в местной церковной прессе. Так, в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» ситуация комментировалась следующим образом: «С этого дня начинается поворот и в истории православной миссии. Если до сего времени для миссии в ее действиях всегда оставалась некоторая поддержка со стороны закона и правительственной власти, то теперь такой поддержки миссия ожидать не может»¹. Таким образом, тамбовские миссионеры осознали, что с появлением нового религиозного законодательства Русская Православная Церковь вступила в новый период своей истории. Государство перестало отныне видеть в сектантах своих врагов и отказалось от их уголовного преследования, что ставило миссионеров Церкви в принципиально иные условия. Лишившись государственной поддержки, теперь они оставались с сектантами один на один.

Такое положение вещей существенно меняло отношение к внутренней миссии. Как писал по этому поводу один из тамбовских

¹ ТЕВ, 1906. №. 13. С. 241.

священников, «после указа 17 апреля 1905 г. о свободе совести и веротерпимости на Руси настали другие времена. Волей-неволей приходится уже всем пастырям интересоваться делом миссии, взятыся за миссию, или, по крайней мере, быть готовым к ней»².

Менялись и цели внутренней миссии. Если раньше в качестве таковой, по крайней мере, декларировалось стремление полностью покончить с сектантством, то теперь миссионеры собирались перейти от наступления к обороне. Один из них писал: «Из положения по преимуществу наступательного, в каком до ныне находилась миссия, как борец за истину православия, она должна стать одинаково и в положение оборонительное или вернее охранительное. На ее обязанности лежит теперь, кроме приумножения православного стада Христова еще и особенная забота беречь, чтобы волки не проникли за ограду» и не распугали овец³.

Насколько были справедливы опасения тамбовских миссионеров в том, что сектанты воспользуются предоставленной им свободой для активной прозелитической деятельности, показали дальнейшие события. Впрочем, сектанты перешли к энергичной деятельности не сразу. Для того чтобы в полной мере использовать новые возможности, им потребовалось время.

Самой активной сектой в Тамбовской епархии в начале XX века были штундо-баптисты. Именно в них, несмотря на относительную малочисленность (согласно официальным данным – 1500 человек), миссионеры видели главных своих противников. К 1908 году баптистами было подготовлено достаточное количество людей, занимавшихся проповедью своего вероучения. В зависимости от срока, в течение которого они должны были работать, действовали годовые, полугодовые, а также месячные проповедники. Кроме того, в описываемый период времени Тамбовскую губернию часто посещали видные баптистские деятели.

22 мая 1908 года в селе Пески Воронежской губернии состоялся районный съезд баптистов, на котором присутствовали представители нескольких баптистских центров из Тамбовской губернии. На нем тамбовские сектанты приняли решение после окончания полевых работ послать в разные населенные пункты не менее

² ТЕВ, 1908. № 39. С. 1694.

³ Там же, 1906. № 13. С. 241.

30 проповедников, каждого сроком на 2 месяца. Одно только тамбовское село Липяги дало 20 человек.

Грамотно организуемые баптистские собрания и проповеди первоначально привлекали большое количество людей, что давало сектантам надежду увидеть Россию религиозно реформированной. Один из баптистских проповедников хвалился православному диакону, пришедшему посмотреть на одно из таких собраний: «Вы себе представить не можете, что у нас сейчас происходит в Ростове-на-Дону... Мы для отправлений своих богослужений сняли там роскошный, с электрическим освещением зал, вмещающий до 5000 человек. Собрания у нас бывают многолюдные. Буквально к нам ходит весь город. Интеллигенции – масса»⁴. (Баптисты, несомненно, были склонны преувеличивать эффект своей деятельности.)

Активная деятельность баптистов очень встревожила православное духовенство. «За все время своего служения в Тамбовской епархии я никогда еще не был так осаждаем личными визитами, письмами, отношениями со стороны отцов сельских пастырей с сведениями о начале появления сектантства или усилении его во вверенных им приходах»⁵, – писал миссионер М.И. Третьяков в начале 1909 года.

5 января 1909 года епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий приехал на епархиальное собрание духовенства специально для того, чтобы обратить внимание на угрозу, которая исходила от активности баптистских проповедников. В его речи звучала явная тревога: «За последние три года нам приходится быть свидетелями того, как постепенно пробуждается и поднимает голову сектантство, как настойчивее требует оно от гражданской власти свободы своего вероисповедания, признания своих общин законом»⁶. К тому времени в Тамбовской губернии работали десятки баптистских проповедников.

Оживленная работа сектантских учителей привела к существенному изменению деятельности внутренней миссии Церкви. Во-первых, стало очевидным, что силами одних только епархиальных миссионеров поставленных задач не решить. К работе необходимо

⁴ ТЕВ, 1906. № 11. С. 580.

⁵ Там же. С. 515.

⁶ Там же, 1909. №. 36. С. 1666.

было привлекать приходское духовенство и активистов из числа мирян. Появились и новые формы работы – миссионерские православные курсы и миссионерские союзы, куда входило духовенство ряда «зараженных» сектантами населенных пунктов. Коренной реорганизации подвергся главный орган внутренней миссии – Казанско-Богородичное миссионерское братство.

Братство, основанное в 1875 году, в 1905 году отмечало свое 30-летие. Однако в тот год ему пришлось столкнуться с острой критикой в свой адрес. Проявились и противоречия, существовавшие внутри самой организации, в частности, в отношениях между епархиальными миссионерами и руководством братства. Так, один из бывших миссионеров, подписавшийся фамилией Мариупольский, в своей книге «Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия», которую назвал историко-критическим очерком, критиковал деятельность братства за формализм и бюрократизм. Его позицию поддержал и епархиальный миссионер В.П. Базарянинов, который на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» писал: «Братство, в корне извратив свою основную идею, впало в крайний бюрократизм, заглушив живое, нежное дело»⁷.

Вероятно, критика в адрес братства ускорила процесс его реформирования. В результате на епархиальном съезде духовенства 27 января 1907 года все его участники причислили себя к членам общества, получившего название Богородично-Серафимовского Миссионерского Просветительского братства.

Одной из новых форм миссионерской работы после 1905 года стала организация союзов среди приходского духовенства. Первым из них в Тамбовской епархии стал созданный в 1906 году миссионерский союз, куда входили пять приходов с центром в селе Митрополье. Его целью был обмен опытом входившего в него духовенства и совместная деятельность против сектантов. Члены союза занимались организацией крестных ходов, проводили общественные чтения, беседы, распространяли духовную литературу и т.д. Затем по примеру митропольского появились и другие миссионерские союзы.

Другой интересной формой работы стало проведение специальных курсов для обучения и воспитания помощников миссио-

⁷ ТЕВ, 1906. № 22. С. 1010.

неров – так называемых православных начетчиков. Практика показала, что даже очень хорошо подготовленный миссионер часто проигрывал сектантским проповедникам, не имевшим богословского образования, но зато говорившим с людьми на понятном им языке.

Первые миссионерские курсы прошли в городе Тамбове в феврале 1905 года. С того времени они проводились в разных населенных пунктах, главным образом в селах с большим количеством сектантов. В Тамбовской епархии они стали постоянным явлением вплоть до 1917 года. Организация курсов, длившихся обычно две недели, была, как правило, на высоком уровне. Их участники изучали Священное Писание, вероучение сектантов, учились грамотно им возражать. В конце учебы им выдавали Библии и вероучительную литературу. Известно, что в работе некоторых курсов принимали участие и епархиальные архиереи.

После 1905 года тамбовские миссионеры заговорили о необходимости создания так называемой народно-приходской миссии, которая подразумевала деятельность активистов из числа рядовых верующих. Особую роль в ней стали играть кружки ревнителей благочестия. Все духовенство епархии, особенно сел, в которых проживали сектанты, обязывалось к созданию таких кружков и к 1915 году в Тамбовской епархии, согласно отчету миссионерского братства, их насчитывалось 20. Правда, деятельность кружков с трудом поддается оценке. Так, в 1915 году только один из них отчитался в своей работе. Иногда такие кружки могли числиться лишь на бумаге, так как некоторые священники стремились приукрасить свою деятельность.

Важное место в деятельности внутренней миссии занимали епархиальные миссионерские съезды, которые обычно проходили «по следам» всероссийских.

В январе 1906 года в Тамбове прошел III миссионерский съезд, на котором собралось более 60 человек, в основном – духовенство. По приглашению организаторов в его работе приняли участие два известных к тому времени в России миссионера – Дмитрий Иванович Боголюбов из Санкт-Петербурга и Иван Георгиевич Айвазов из Харькова (оба в прошлом миссионеры Тамбовской епархии).

IV миссионерский съезд состоялся в октябре 1908 года. Его особенностью стало участие в нем мирян. Сама по себе возможность

общаться и обсуждать накопившиеся проблемы делало съезды полезным мероприятием, однако стоит отметить, что большинство их решений так и не были проведены в жизнь.

В 10-е годы XX века противостояние тамбовских миссионеров и сектантов потеряло прежний накал. Объясняется это несколькими причинами. Со временем в обществе спал первоначальный интерес к баптистам, а у последних пропал наступательный дух, вызванный надеждой сделать российское общество баптистским. Свою роль в изменении характера миссионерской работы сыграл новый архиерей – архиепископ Кирилл (Смирнов), который возглавил Тамбовскую епархию в конце 1909 года. В своих выступлениях он неоднократно высказывался против прямых столкновений с сектантами, предлагая сосредоточиться на духовном просвещении православных мирян.

Еще одним важным фактором, сыгравшим на руку миссионерам, стала война. Как писал священник села Пановы Кусты А. Дмитриев, «в истекшем 1915 г. религиозная жизнь нашего народа протекала в непривычной для нас мирной обстановке. Война, сосредоточив на себе все внимание и все силы народа, парализовала прежнюю болезненную пытливость народа; страх кары Господней на время подавил задор колеблющихся. Особенно подавлены были баптисты»⁸. В свою очередь миссионеры в полемике с баптистами не стеснялись указывать на немецкое происхождение их секты.

Подводя итог истории внутренней миссии в 1905–1917 годы, мы должны отметить, что ее деятельность, несомненно, была гораздо активнее и разнообразнее, чем в предшествующее 30-летие. Тем не менее провал попыток сектантства переключить религиозную карту Тамбовской губернии связан в первую очередь не с внутренней просветительской работой, а с нежеланием самого населения менять свою веру. Поэтому значение внутренней миссии следует оценивать не с точки зрения эффективности полемики с сектантами, а с точки зрения деятельности, направленной на углубление церковности тех, кто продолжал оставаться членами Русской Православной Церкви.

⁸ ТЕВ, 1916. № 48. С. 945.

Г.А. Абрамова
главный научный сотрудник
ТОГБУК «Тамбовский областной краеведческий музей»

Из истории взаимоотношений Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовской епархии. 1879 – 2014 годы

Музейная деятельность по сути своей уникальна. Будучи хранителями важнейшего национального ресурса – культурного капитала, музеи выполняют высокую и благородную миссию просвещения и образования личности, воспитания души, осуществляют связь времен и поколений. В то же время, оставаясь грандиозной памятной книгой, хранилищем артефактов, тезаурусом и, говоря на языке музейных предметов о непреходящих ценностях, они призваны разворачивать перед Человеком и Обществом новые цивилизационные, мировоззренческие, культурологические, исторические и социальные смыслы.

«Музей и есть надежда века... музей будет действовать душеобразовательно, делая всех и каждого существом музееобразным»¹. Эти слова выдающегося русского мыслителя и философа Н.Ф. Фёдорова, сделавшего Музей центром своей философской системы, весьма актуальны в современной социокультурной ситуации. Пришло осознание социальной роли духовной культуры, культурного наследия, культурного капитала, важнейших составляющих преемственного развития общества и цивилизации.

Именно музей, как образ мира, вселенной видимой и невидимой, ушедшего и еще не наступившего, прошедшего, настоящего и будущего приобретает сегодня статус культурологического феномена, предоставляющего важнейшую информацию о нравственно-духовной сфере жизни, осуществляемой в рамках культуры, восстанавливает утраченную связь времен, преодолевает отчуждение и непонимание поколений, возвращает обществу и индивидууму осмысленную, духовно наполненную жизнь.

¹ Фёдоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Сочинения. М., 1982. С. 575.

Актуален тезис Н.Ф. Федорова о «силах собирающих». Религия, наука, искусство – все это силы собирающие, факторы стабильности, хранящие проверенные временем национально - культурные коды.

В этом контексте интересна история взаимоотношений Тамбовского губернского исторического музея и Тамбовской епархии, которая насчитывает более 130 лет.

27 сентября 1879 года в «Предложении Тамбовского губернатора Тамбовскому губернскому правлению» было отмечено, что наилучшим памятником юбилейной дате – 100-летию тамбовского наместничества «было бы учреждение в Тамбове губернского историко-этнографического музея... Основание музея может принести громадную пользу... год от года увеличивающемуся в г. Тамбове числу учащихся... и местному населению»². Для выработки проекта «учреждения сего музея» была создана Комиссия под председательством тайного советника, обер-камергера Императорского Двора Э.Д. Нарышкина. В нее вошли ректор Тамбовской духовной семинарии архимандрит Димитрий, а также преподаватель Екатерининского учительского института, выпускник и преподаватель семинарии, историк-краевед И.И. Дубасов и С.Н. Чичерин. В журнале по устройству музея в г. Тамбове от 2 ноября 1879 года читаем: «...музей будет открыт при Тамбовской Ученой Архивной комиссии. Общее собрание... комиссии... постановило: ...музей должен называться Тамбовским Губернским музеем»³.

С 1879 по 1917 год в работе ТУАК и созданного при ней музея наряду с видными общественными деятелями, учеными принимали деятельное участие представители тамбовского духовенства. Членами комиссии, попечителями и дарителями музея были Тамбовские епископы Иннокентий (Беляев) и Кирилл (Смирнов), епископ Козловский Григорий, ректоры Тамбовской духовной семинарии протоиереи И.А. Панормов, Соколов, настоятель Саровской Пустыни игумен Иерофей. Священники городских храмов и батюшки далеких сельских приходов были постоянными жертвователями музея, совершая «серьезное

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2853. Л. 31, 31 об.

³ Там же. Ф. 178. Оп. 3. Д.1. Л. 1, 1 об.

и скромное дело... исследования и сохранения памятников родного прошлого»⁴.

Протоколы заседаний ТУАК и первые музейные каталоги П.А. Дьяконова (1889) и А.И. Самоцветова (1916) свидетельствуют о коллекциях церковной утвари, икон, медного художественного литья, рукописных и старопечатных книг. В значительной степени они формировались и пополнялись тамбовским духовенством. «В наш музей непрерывно поступают все новые и новые интересные предметы. Так, ...от члена нашей комиссии, законоучителя Екатеринбургского учительского института, о. А.П. Архангельского получены предметы высокого археологического достоинства: старинное деревянное паникадило, оловянные сосуды, дароносицы и множество образков более или менее глубокой древности. Священником Василием Степановичем Викторовым пожертвованы – оловянный потир, дискос, тарелочки, крест и две дарохранительницы, тринадцать медных образков и резное из дерева изображение Спасителя в терновом венце»⁵. В 1909 г. в музей комиссии «поступили следующие предметы: по отделу церковно-археологическому – 97 медных образков, складней и крестов, пожертвованных членом комиссии священником села Ростошей Борисоглебского уезда о. Василием Разумновым; ...по отделу древних актов и рукописей – Синописис, отпечатанный в 1680 году, Грамота Св. Синода Феодосию, епископу Вологодскому, на пергаменте 1762 года»⁶. Из протокола № 161 заседания ТУАК от 12 октября 1909 года: «По открытии заседания членом комиссии о. Н. Ивановым было доложено собранию, что им найдена ставленая грамота, данная Св. Синодом в 1762 году епископу Вологодскому Феодосию, грамоту эту он, Иванов, жертвует Музею Комиссии... Собрание постановило: благодарить г. Иванова за его пожертвование и грамоту передать хранителю Музея Комиссии».

Синодальная грамота стала поистине уникальной «единицей хранения» документального фонда ТОКМ. В «Описи предметам, хранящимся в музее Тамбовской Ученой Архивной Комиссии», составленной А.И. Самоцветовым в 1916 году, грамота значится в разделе «Рукописи и книги» под № 843. На оборотной сто-

⁴ ИТУАК, 1911. Вып. № 54, протокол № 172. С. 24.

⁵ Там же, 1887. Вып. № 16. С. 2.

⁶ Там же, 1911. Вып. № 54, протокол № 172. С. 23

роне документа слева внизу две записи чернилами – «1943 г.» и «№ 4056, 1945 г.». В Книгу поступлений № 2 ТОКМ грамота записана 13 декабря 1948 года, № 4056. В 1958 году она была списана как «предмет, утративший музейное значение». В 2000 году синодальная грамота впервые экспонировалась в ТОКМ на выставке «Сокровища православной культуры и искусства», посвященной 2000-летию Рождества Христова, затем в 2007 году на выставке, посвященной 325-летию Тамбовской епархии. В 2010–2011 годы по программе «Культура России» была реставрирована в ВХНРЦ им. Академика И.Э. Грабаря.

Безусловно, взаимодействие музея ТУАК и Тамбовской епархии было гораздо шире, нежели пополнение музейных коллекций. Важнейшим направлением совместной работы стало обследование и фотофиксация древнейших тамбовских православных святынь, храмов и монастырей, изучение архивных документов, публикации материалов по истории Тамбовской церкви в Известиях ТУАК, Тамбовских епархиальных ведомостях, журнале «Русская старина», решение вопросов реставрации храмов и икон. Бесценным экспонатом ТОГБУК ТОКМ является альбом ТУАК с уникальными фотографиями православных реликвий, сделанными хранителем музея А.И. Самоцветовым в 1904–1905 годы.⁷ С созданием в 1912 году Церковно-археологического комитета совместная деятельность музея и Тамбовской епархии приобрела новое качество. Преосвященный Кирилл, епископ Тамбовский и Шацкий, подчеркивал значение «великого дела хранения потомству тамбовской старины». В «Воззвании», напечатанном на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей», он писал: «Долг пастырского служения... призывают нас к участию в деле научного изучения отчизны и истории местной церкви. Не будем уклоняться от посильного и добросовестного выполнения этой высокой задачи. Поработаем над этим предметом насколько достанет сил и умения»⁸. Священники охотно откликнулись на обращение. Уже к началу 1914 года поступило более 900 рукописей с историко-статистическим описанием приходов и храмов Тамбовской епархии.

⁷ ТОГБУК ТОКМ. КП № 6. Инв. № 10526.

⁸ ТЕВ, 1912. № 22–23. С. 849.

В 20-е годы XX столетия губернский народный музей принял на хранение отчужденные предметы церковного искусства, богослужебного обихода, в том числе и драгоценные святыни Тамбовской епархии – раку с мощами святителя Питирима, его фелонь, панагию, покров, ряд икон. Тем самым эти реликвии и другие церковные ценности были спасены от утраты, безжалостного варварского уничтожения, циничной продажи за рубеж.

В 1929 году решением Окрисполкома Тамбовскому окружному научно-художественному музею было передано «пустующее» здание кафедрального Питиримовского собора. Первая выставка весной 1930 года была антипасхальной, проходившей под лозунгом «Вместо богов и мощей больше угля, чугуна, стали, машин! Больше тракторов в деревню!». В так называемой экспозиции кощунственно были представлены мощи святителя Питирима и останки из семейного захоронения помещиков Лотаревых из Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Новые сотрудники не имели ни опыта, ни фундаментального образования, ни соответствующей квалификации. В 1930 году был упразднен отдел охраны памятников при Наркомпросе, который возглавляла Н.И. Троцкая. Начались многочисленные проверки и чистки в музеях страны. Музейные экспозиции превращались в иллюстрации к «Краткому курсу ВКП (б)». В январе 1930 года в Воронеже на съезде краеведов ЦЧО уже открыто разоблачались «лжекраеведы и двурушники».

По «Делу краеведов ЦЧО» в 1931 году было осуждено 14 тамбовцев: 8 человек на срок от 3 до 10 лет лагерей. Остальным лагеря были заменены высылкой. Так завершился разгром регионального научного краеведения и музейного дела.

Новый этап взаимоотношений музея и Тамбовской епархии относится к 1944–1946 годам – периоду пребывания на Тамбовской кафедре выдающего церковного иерарха архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого). Безусловно, интересен факт передачи архиепископу из музея во временное пользование черной митры «необходимой для совершения предпасхальных богослужений», а также прошение настоятеля Покровской церкви г. Тамбова протоиерея Иоанна (Леоферова) о «выдаче архиерейского жезла с одновременным возвращением черной митры»⁹.

⁹ ТОГБУК ТОКМ. Научный архив, 1943–1946. Док. № 80, 80 об., 83.

По настойчивым ходатайствам Владыки Тамбовский областной краеведческий музей передал Тамбовской епархии самую большую коллекцию церковных ценностей – всего более шестисот единиц хранения, в том числе сто двенадцать антиминов, более двухсот икон, более двухсот богослужебных книг. Кроме того, были переданы священные одежды (в том числе и архиерейские), плащаницы, покровы, покровцы, воздуха из парчи и бархата, фарфоровые подсвечники, предметы литургического цикла¹⁰. Возвращенные музеем иконы – равноапостольной Марии Магдалины, благоверного Александра Невского, Вознесения Господня, Преображения, преподобных Антония и Феодосия Печерских, преподобного Серафима Саровского и ряд других были помещены в иконостас нижнего храма Покровской церкви города Тамбова, освященного Владыкой Лукой в честь преподобного Серафима Саровского в 1944 году.

Добивался, но безрезультатно, архиепископ Лука возвращения верующим кафедрального Спасо-Преображенского собора и мощей святителя Питирима.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов стал для музея и епархии периодом непонимания, взаимных упреков и конфронтации. Острые разногласия между управляющим епархией, епископом Тамбовским и Мичуринским Евгением и директором ТОКМ Е.А. Морозовым сопровождали передачу епархии мощей святителя Питирима и других святынь 23 июня 1988 года, которая была приурочена к 1000-летию крещения Руси. Всего было передано 30 предметов. В 1991 году епархиальному управлению были переданы две уникальные иконы «Вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст» и «Пресвятая Богородица со святыми Петром, Алексием, Ионой, Филиппом Московскими и Всея России Чудотворцами», представляющие высокую художественную ценность.

В 1993 году музей был в кратчайший срок выведен из здания Спасо-Преображенского кафедрального собора. Ему было предоставлено здание бывшего Дома политического просвещения. Всего за пять лет, с 1988 по 1992 год, епархии было передано около 300 предметов.

¹⁰ ТОГБУК ТОКМ. Научный архив, 1943–1946. Док. № 68–92.

2000-е годы стали временем пересмотра отношений, вступления в диалог, определения путей взаимного сотрудничества. Сегодня музеи и епархия участвуют в совместных выставочных, издательских, исследовательских проектах, научно-практических конференциях и краеведческих чтениях. Нас объединяет понимание «наиболее поэтичной и наиболее поучительной задачи», связанной с духовной жизнью общества, осознание того, что культура является «прорастанием зерна религии, горчичным деревом, выросшим из семени Веры»¹¹.

¹¹ *Флоренский П.А.* Записки о христианстве и культуре // Электронный ресурс http://www.hrono.ru/libris/lib_f/froren01.html

БОГОСЛОВИЕ

Протоиерей Владимир Кленин,
секретарь Ученого совета
Тамбовской духовной семинарии

**Святитель Феофан Затворник –
учитель христианской нравственности
и духовный руководитель ко спасению**

Сегодня все больше и больше людей доброй воли обращаются к духовно-нравственным ценностям Православия и культурно-историческому наследию нашего российского общества для решения самых насущных проблем современности. В условиях активных социальных и экономических перемен, во времена относительной стабильности мира на планете неизменным остается духовная основа, которая светит нам из седой мудрости святоотеческого наследия, указывает правильный и уверенный путь вперед, в будущее. Приобщение к этим духовным сокровищам в сочетании с личным подвигом дают положительный результат и помогают обрести, а впоследствии и осуществить здесь, на земле, заветные возвышенные чаяния человека. И в первую очередь способствуют очищению душ наших от всего суетного, мелочного и греховного; воспитывают сердца людские, наполняя их любовью и состраданием; формируют гражданское самосознание в системе православных ценностей. После семидесятилетнего господства материализма в России мы вновь полны решимости плодотворно развивать сотрудничество в важнейших сферах бытия: религии, философии и науке, которые являются тремя основными движущими силами человеческой цивилизации, устремленной, в конечной счете, к одной цели – поиску совершенного блага. Противопоставление или изоляция этих цивилизационных сил друг от друга – явление искусственное и губительное, которое может привести к самым печальным последствиям.

Одним из выразителей святоотеческого наследия, учителем христианской нравственности и духовным руководителем ко спа-

сению по праву считается святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский. В акафистном чтении о нем сказано: «Избранный Господом Церкви Русской светильник, изрядный подвижник и истинный слугитель Христов, богомудрый святитель Феофане... подвигами и трудами своими верным людям добре послужил и, в затворе пребывая, благодатными учениями путь спасения начертал еси»¹. Жизненный путь этого удивительного подвижника веры и благочестия тесным образом связан с Тамбовщиной. С 1859 по 1863 год он был епископом Тамбовским и Шацким, с 1866 по 1894 год подвизался в Вышенской пустыни, тогда входившей в состав Тамбовской епархии. Здесь святитель до конца своей жизни чувствовал себя вполне счастливым: на все предложения возглавить какую-либо епископскую кафедру он отвечал: «Вышу можно променять только на Царство Небесное»². Вся подвижническая жизнь и особенно пустынные подвиги святителя, при содействии Божественной благодати, постепенно сформировали его «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова»³. Преисполненный духовной силой, искренностью и глубокой верой, горячим желанием спасения каждому человеку, Вышенский Затворник все свои знания и духовный опыт старался употребить «на обращение, вразумление и пробуждение грешников от усыпления»⁴, на указание путей таинственного общения с Богом под сенью Церкви. Святитель Феофан оказывал глубокое влияние на духовное возрождение всех слоев населения Российского общества. Его духовное наследие является глубоким и неиссякаемым кладом мудрости, из которого черпали и долго еще будут черпать люди, жаждущие религиозно-нравственного образования и просвещения. Сегодня, перед угрозой вымирания государствообразующего русского народа, его нравственной деградации, нам чрезвычайно важно обратиться к наследию святителя Феофана, которое поможет восстановить нравственные ориентиры, ценности культуры, веру. Живое преемство учения, духовности и опыта, берущее начало от Христа, пронизывает всю полноту человеческого существования и приво-

¹ Акафист святителю Феофану Затворнику Вышенскому. Свято-Успенский Вышенский женский монастырь, 2005.

² Собрание писем святителя Феофана. М., 1902. Вып. 8. С. 5.

³ Ефес. 4, 13.

⁴ *Феофан Затворник, святитель*. Путь ко спасению. М., 2003. С. 135.

дит в общение с Жизнью, о которой сказано Господом: «Аз есмь путь и истина и жизнь»⁵.

Вхождение в эту жизнь с Богом Феофан Затворник назвал не иначе, как «путь ко спасению». «Христианская жизнь, – говорит святитель, – есть ревность и сила пребывать в Богообщении». «Ощутимым внутренним свидетельством начала в нас христианской жизни, – продолжает старец Божий, – является появление жара деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного (порока или нечто от таковых)»⁶. Истинный ревнитель не только старается делать доброе, «но бывает усерден и изобретателен на добро!; ибо иначе невозможно царствие получить», – вместе со святителем Иоанном Златоустом утверждает святитель Феофан. Как возжигается сей огонь и кто его производители? На этот вопрос Вышенский подвижник отвечает в строгом соответствии с православным святоотеческим духовным наследием: «Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, когда к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота, и через них – всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею, будет минутою рождения жизни христианской – сильной, твердой, многоплодной»⁷. Стяжание (то есть обретение и принятие) благодати и освящение ею нашего естества совершается в таинствах.

В таинстве Крещения, как известно, человек содеывается христианином – членом Церкви и получает доступ к благодати. Сила благодати проникает внутрь, врачует греховные болезни и повреждения, восстанавливает Божий порядок во всей его красе и гармонии. Поэтому Крещение и есть возрождение или новое рождение. Однако противоборствующая сила, влекущая к греху, и в этом обновленном состоянии не истребляется до конца, но уже не является господствующей. Святитель Феофан вместе со святым

⁵ Ин. 14, 6.

⁶ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 11.

⁷ Там же. С. 17, 21.

Диадехом эту сокровенную тайну объясняют так: «До Крещения грех живет в сердце, а благодать извне действует; после же сего, благодать вселяется в сердце, а грех влечет извне. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется вне, в частях тела, откуда и действует раздробленно набегами. Почему и есть непрестанный искунитель, соблазнитель, но уже не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает»⁸.

Особое внимание святитель Феофан обращает на то, что через Крещение жизнь христианская может начинаться и у младенцев, которые по известным причинам не могут искать благодати, посвящая себя всецело Богу. Это непереносимое условие в них соблюдается через восприемников. «Младенец живет, следовательно можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Святые Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей. Частое причащение Святых Христовых Тайн живо и действительно соединяет с Господом, умиротворяет в себе и делает непреступным для темных сил. Большое влияние имеет на детей: ношение в церковь, прикладывание к Святому Кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома: частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святой водою, окуривание ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего, к чему дитя прикасается, благословение священника, приношение в дом икон из церкви и молебны; вообще, все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти. Под этим видимым охранением есть невидимое – Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты Крещения. Он блюдет его, своим присутствием, невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо делать с находящимся в крайности детищем»⁹.

Крещеного человека подстерегает много опасностей на пути к совершенству. Стоит только ослабить или перестать возгревать в себе дар благодатной жизни, начинается жизнь холодная в вере, хоть иногда исправная и безукоризненная со вне. Ум рождает заботу о многопознании, разведывание, пытливость. Воля производит многожелание, стремление к многообладанию. Сердце образует

⁸ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 32–34.

жажду удовольствий многих и разнообразных. Это круговращение в тысячу раз увеличивается, если человек приходит в соприкосновение, вступает в живой союз с себе подобными. К большой беде, в мире сем есть свой князь – лукавый, злой и опытный в обольщении. Вместе с целым полчищем слуг устраивает так, чтобы сознание, внимание, сердце человека были заняты любыми заботами, но только не Богом. При внимательном рассмотрении такой человек может оказаться много знающим, но слепым в отношении к делам Божиим и к делу своего спасения; что он непрестанно находится в делах и заботах, но бездействует и беспечен в отношении к устройению своего спасения; что он непрестанно испытывает тревогу и усладу сердца, но совершенно не чувствителен ко всему духовному. Такое состояние человека святитель Феофан Затворник называет «греховным сном». «Как крепко спящий, – говорит святитель Феофан, – какая бы ни приблизилась опасность, не проснется сам, не опомнится и не встанет, если не подойдет кто сторонний и не разбудит его, – так и погруженный в греховный сон, не опомнится и не встанет, если не придет к нему на помощь Божественная благодать, взывая: востани спяй и воскресни от мертвых, и освятитя Христос (Ефес. 5, 14)»¹⁰. Пробужденный от сна мнимого благополучия увидит свою греховность, почувствует опасность своего положения, начнет стараться и заботиться о том, как избавиться от своей беды и спастись. Благодатную помощь человек-грешник может получить в Таинстве Покаяния, куда он непременно должен поспешить. «Где нет Таинства Покаяния, – говорит святитель Феофан, – там нет и живущих истинно по-христиански»¹¹.

Путь ко спасению предусматривает и такой отрезок, на котором благодать скрывает себя от спасаемого человека. Святитель Феофан Затворник в согласии со святым Диадокхом объясняет нам: «Благодать утаевает свое присутствие, выжидая, как скоро человек совершенно обратится к Богу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие и опять ожидает движения души, дабы она с ревностнейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога»¹².

¹⁰ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 243.

И, наконец, когда кончится сей период сокровенного Богообщения и Божия в душе действия, благодать Божия, видимо, преисполняет его, что и составляет цель всего подвижничества и всех трудов со стороны человека, и всего домостроительного спасения от лица Божия. Святитель Феофан Затворник словами святого Макария и святого Диадоча об этом говорит так: «Благодать, после долгих испытаний, наконец, совершенно показывается, и душа приемлет полное усыновление Духа. Бог Сам Себя вверяет сердцу, и человек удостаивается быть един дух с Господом. Испытанный делается уже вполне жилищем Святого Духа. Благодать озаряет все его существо в глубочайшем каком-то чувстве»¹³.

Святитель Феофан Затворник в своих многочисленных творениях указал всем желающим путь ко спасению, или как правильно организовать духовную жизнь, которая постепенно преобразует человека из состояния страстного, болезненного в новое, святое, благодатное. Духовное единение с Христом открывает человеку бесконечную перспективу жизни и одновременно конкретный и полный ее смысл. Поэтому духовное наследие святителя-затворника должно стать достоянием или настольной книгой для каждого человека.

¹³ Феофан Затворник, святитель. Указ. соч. С. 245.

**ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО:
архитектура, иконопись, скульптура,
декоративно-прикладное искусство**

Священник Едесий Чернышев,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

**Архитектурный образ Свято-Троицкого собора
города Моршанска**

По благословению епископа Тамбовского и Шацкого Афанасия указом № 4009 Тамбовской Духовной консистории от 13 августа 1826 года моршанскому городскому главе Дорофею Даниловичу Кожину была выдана на три года книга для сбора пожертвований на построение нового каменного соборного храма в городе Моршанске¹. Самым первым жертвователем стал сам преосвященный Афанасий. На сбор пожертвований ушло 10 лет.

Еще задолго до строительства был поднят вопрос о месте расположения нового храма. Первоначально его планировали построить рядом со старым Софийским собором. При рассмотрении этого варианта стало ясно, что «построение нового собора должно весьма стеснить Софийскую площадь, у старой соборной церкви отнять весь вид... и между новым и старым собором оставить только самый тесный проезд»². Поэтому новому храму отвели другое место – на берегу Цны рядом с Софийской площадью. Для этого городское общество постановило купить в этой части города у моршанских купцов и мещан пять усадебных владений с домами. «Сей покупкою Софийская площадь по сломке домов распространится вдвое... и новый собор получит приличное место», – писал тамбовский губернатор³.

Процесс приобретения землевладений с домами растянулся на два года. В начале 1836 года в Петербург сообщалось: «...из мест, отходящих под постройку в г. Моршанске собора, некоторые уже

¹ Летопись соборного, г. Моршанска, Троицкого храма // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 5.

² О перемене места, отведенного в г. Моршанске для постройки нового собора. 1834–1842 гг. // РГИА. Ф. 1237. Оп. 8. Д. 198. Л. 1.

³ Там же.

куплены, а остальные приобретаются...»⁴. В том же 1836 году в Министерство внутренних дел была отправлена еще одна телеграмма: «...место, на котором предположено построить в г. Моршанске новый собор через снос с покупных усадеб строений... очищено, и для развития под постройку собора места командирован тамбовский губернский архитектор»⁵.

10 июня 1836 года по благословению преосвященного Арсения были начаты работы по строительству Троицкого собора, которые продолжались 21 год. Главный придел во имя Святой Единосущной и Нераздельной Троицы был освящен 24 ноября 1857 года епископом Тамбовским и Шацким Макарием⁶ (митрополит Московский).

Оригинальные чертежи проекта Троицкого собора на сегодняшний день не обнаружены. До нас дошли лишь копии планов фасада и разреза здания 1830 года⁷.

Известно, что проект собора был рассмотрен 5 декабря 1830 года строительным Комитетом Министерства внутренних дел. Об этом свидетельствует надпись на копии проекта фасада в нижнем левом углу. В нижнем правом углу написано: «Сообщено управляющему Министерством внутренних дел, что Государь Император чертеж сей изволил рассматривать».

Кто же являлся автором этого величественного сооружения? Ответа на него, к сожалению, до сих пор нет. До настоящего времени не обнаружено ни одного документа с упоминанием архитектора-разработчика. На упомянутых копиях стоит только имя лица, сделавшего чертеж.

Во второй половине XX века авторство собора приписывалось В.П. Стасову – известному архитектору XIX века, выполнявшему крупнейшие столичные заказы.

Одним из первых В.П. Стасова, как автора проекта, упоминает В.И. Пилявский, член научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства СССР, доктор архитектуры, профессор ЛИСИ, автор монографии о В.П. Стасове. В своем пись-

⁴ О перемене места, отведенного в г. Моршанске для постройки нового собора. 1834–1842 гг. // РГИА. Ф. 1237. Оп. 8. Д. 198. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Летопись соборного, г. Моршанска, Троицкого храма // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 10.

⁷ До закрытия собора копия плана фасада висела в алтаре.

ме от 7 сентября 1970 года он пишет: «Собор в целом и деталях является почти точной репликой столичного Преображенского собора, произведения гениального русского зодчего В.П. Стасова. Очевидно, что никто из иных зодчих не посмел для Моршанска воспроизвести замысел Стасова, стоявшего в 1820–30 годах во главе архитектурной жизни России. Можно с уверенностью утверждать, что моршанский собор является произведением зодчего Стасова... Таким образом, к числу городов, хранящих творения великого Стасова... мы по праву можем причислить и Моршанск»⁸.

Мнение авторитетного столичного специалиста впоследствии повторил моршанский краевед А. Шолохов, который писал: «По документам установлено следующее: ...здание строил по чертежам Стасова (подлинные чертежи отыскиваются) крепостной крестьянин Люлин С.В.»⁹ (Отметим, что в данном тексте возникла еще одна неточность: Люлин был не крепостным крестьянином, а вольноотпущенным¹⁰.)

Действительно, моршанский храм является «почти точной репликой» Преображенского собора в Петербурге, возведенного по проекту В.П. Стасова, но есть прямое подтверждение непричастности известного архитектора к авторству моршанского проекта. Во второй половине XX века Е. Острова, старший научный сотрудник Российского республиканского специализированного научно-реставрационного предприятия «Росреставрация» в своей «Исторической записке по памятнику архитектуры первой половины XIX века Троицкому собору в г. Моршанске Тамбовской области», которая была составлена в 1975 году, приводит слова письма самого В.П. Стасова к моршанским строителям. Этот документ, найденный в Ленинградской библиотеке М.Е. Салтыкова-Щедрина, называется: «Записка по строению собора в г. Моршанске в ответ на требование строителей по письму» (не датирована).

В письме к моршанским строителям, которое цитирует Е. Острова, Стасов отвечает на технические вопросы, касающиеся таких основных моментов, как кладка, толщина стен, связи, устройство куполов, колонн, дверей, окон и много другого, вплоть до мелких

⁸ Письмо В.И. Пилявского // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

⁹ Письмо А. Шолохова // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

¹⁰ Хитрово Г. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 250.

деталей. Свое письмо он заканчивает словами: «Архитектор Стасов считает обязанностью уведомить, что он планов для этого собора не сочинял, с которых присланы копии, а видит, что они кем-то составлены по подражанию Преображенского всей гвардии собора и С. Троицы, им устроенных в С. Петербурге, – но в некоторых частях неправильно, без рассмотрения внутреннего, т.е. невидимого глазами образа постройки...»¹¹

В заявлении Стасова нетрудно заметить желание именитого зодчего отмежеваться от подражательного, хотя и интересного проекта. Однако он, ведущий архитектор страны, оставаясь в рамках своего заявления, оказывает строителям в своих ответах квалифицированную помощь, которую от него ждали. Таким образом, мнение В.И. Пилявского о том, что «никто не посмел бы подделываться под Стасова» (данный тезис выступает главным аргументом в пользу авторства Стасова), опровергается. Проект моршанского собора как раз имеет подражательный характер. В связи с этим интересно то, что сам Стасов спокойно относился к подобному плагиату и даже помогал корректировкой проекта вместе с заявлением о своей к нему непричастности.

Почему же В.И. Пилявский так легко приписывает авторство именитому архитектору, но в своей монографии о Стасове моршанский собор не упоминает? Возможно, ответ кроется в событиях второй половины XX века.

В конце 1960-х годов тамбовский краевед А.И. Захаров задался целью спасти уникальные памятники архитектуры – моршанский Троицкий и мичуринский Боголюбский соборы, которые на тот момент находились в тяжелом состоянии. Для этого Захаров стал внештатным сотрудником ВООПИК и начал борьбу за восстановление храмов вместе с директором моршанского краеведческого музея П.В. Кобзевой и другими местными активистами, выступавшими за сохранение культурного наследия. С 1967 по 1970 год они вели переписку и встречались с областными чиновниками, организовывали обследования церковных зданий комиссиями разного уровня, которые не приводили ни к каким результатам. И вот в июне 1970 года появилось письмо столичного профессора В.И. Пи-

¹¹ *Острова Е.* Историческая записка по памятнику архитектуры второй половины XIX века. Моршанск, 1975 г. (ксерокопия) // Фонды Моршанского историко-художественного музея. С. 9.

лявского к руководству Моршанска, которое «в 1950-х годах самовольно сняло бывший собор с государственной охраны и приступило к его разрушению. Были снесены его малые купола. Этот акт вандализма был сделан по принципу нерадивой хозяйки, которая решает выбросить по ее мнению бесполезную, но ценную, непонятую ею вещь только для того, чтобы в квартире было меньше уборки»¹². Так в истории Троицкого собора вновь появился архитектор В.П. Стасов, но уже как «автор» проекта. Пилявский совершенно четко констатирует: «Можно с уверенностью утверждать, что Моршанский собор является произведением зодчего Стасова».

Насколько уверенно столичный профессор готов был утверждать авторство знаменитого зодчего – на все сто процентов ли, оставлял ли возможность для сомнения, или просто решил помочь сохранению здания, болея душой за разрушавшуюся красоту, – нам теперь не известно. Однако совершенно очевидно, что имя Стасова стало использоваться для привлечения внимания к существующей проблеме!

В тот момент уже не было важно, действительно ли Стасов являлся автором проекта или имел к нему лишь косвенное отношение. Главное – его фамилия прочно связалась с моршанским Троицким собором. А это означало, что «творение великого зодчего Стасова погибает». Именно так ставился вопрос при изыскании средств на реконструкцию церковного здания, как вспоминала Л.К. Кочеткова, которая в то время заведовала моршанским отделом культуры¹³.

Итак, В.П. Стасов корректировал чертежи проекта Троицкого собора и как бы санкционировал их реализацию. То внимание, которое он оказал в виде технических указаний и исправлений, тем самым привнеся свою лепту в строительство, вполне можно расценивать как соавторство, тем более, что прообразом моршанской святыни послужило именно его творение.

Говоря об архитектуре моршанского Троицкого собора, надо отметить, что он имеет сходство с двумя петербургскими постройками, спроектированными В.П. Стасовым, – Преображенским и Троицким соборами.

¹² Письмо В.И. Пилявского // Фонды Моршанского историко-художественного музея.

¹³ Из бесед автора статьи с Л.К. Кочетковой в ноябре 2005 г.

Моршанский Троицкий собор в плане представляет собой квадрат с выступающей на востоке алтарной частью и примыкающими с трех его сторон шестиколонными портиками. В этом отношении он отличается от петербургских соборов, план которых имеет форму креста. Однако если в план Троицкого собора включить пространство портиков, то получится та же форма – крест.

Судя по вышеупомянутому письму Стасова к строителям Моршанска, первоначальный проект соборного храма несколько отличался от реализованного на практике. Стасов писал: «Вообще план неправилен, он в одну сторону длиннее, а должен быть вовсе одинаковой длины, квадратный, потому что все внутренние и наружные столбы, арки, своды должны быть одинаковые и одинаково расставлены между собой, как на одной, так и на прочих сторонах»¹⁴. Это замечание было учтено – план современного храма равносторонен, что роднит его с петербургским Троицким собором.

Сходство Троицких соборных храмов, моршанского и петербургского, можно обнаружить и в конструкции портиков, в которых по шесть колонн, в то время как у Преображенского – четыре. Проект фасада моршанского храма 1830 года показывает, что колонны предполагалось выполнить с коринфскими капителями, как и у портика петербургского Троицкого, но на практике этого не сделали.

В пространственной композиции моршанского соборного храма большее сходство прослеживается с Преображенским собором, которое заключается в одинаковой расстановке малых куполов по углам основного объема здания. Вместе с тем говорить о полном подобии нельзя, поскольку в Преображенском соборе малые купола стоят на кольце внутренних столбов, а не на стенах четверика. Малые главы в столичном Троицком соборе почти вплотную придвинуты к главному куполу, доминирующему по высоте; в Преображенском они широко расставлены, несмотря на общую компактность. По своему объему моршанский собор больше Преображенского и в этом отношении ближе к петербургскому Троицкому храму.

В использовании декора Стасов был достаточно сдержан. Например, спроектированный им петербургский Преображенский

¹⁴ Острова Е. Указ. док. С. 21.

собор не изобилует круглой скульптурой, барельефами, сложным оформлением кладки. Пышно и торжественно Стасов впервые украсил петербургский Троицкий собор. В моршанском проекте видна попытка повторить именно его убранство, но в упрощенном виде. Неизвестный автор, вероятно, понимал, что в провинции воспроизвести все богатство столичного экстерьера будет сложно. В проекте нет скульптур и колоннады вокруг главного купола, зато почти все остальное убранство столичного образца предполагалось повторить в облике церковного здания уездного города.

Многое из запланированного проектом осталось не реализованным, – вероятно, из-за сложности строительства, нехватки средств и отсутствия профессиональных скульпторов. Так, например, не воплотились в жизнь следующие скульптурные задумки:

- барельефы на центральном барабане в подкупольной части в местах, соответствующих интервалу гуртов (созданы лишь ниши под их устройство);

- декоративный пояс среди консолей, поддерживающих карниз (там же, но ниже);

- рельефный декор вокруг арочных окон (вместо него оставлены гладкие ниши);

- ограда вокруг четырех малых барабанов;

- коринфские капители в виде стилизованного букета растений на колоннах портиков (вместо них оставлены гладкие поверхности);

- декоративный рельефный пояс по фасаду на уровне капителей.

Вместе с тем в декорировании моршанского собора появились элементы, которые не были запланированы проектом. К ним относятся вазы, поставленные на кровле с четырех сторон, вокруг дымоходов. Следовательно, банальная дымоходная труба оказалась весьма украшенной.

Сравнивая проект моршанского Троицкого собора с его воплощением на деле, понимаешь, что декоративного убранства в действительности слишком мало, но при взгляде на храм, за его могуществом и величием, совершенно не замечается каких-либо недостатков.

Таким образом, в решении плана, композиции, объема, пропорций и декоративного оформления моршанский собор явился про-

межуточным между двумя столичными постройками В.П. Стасова. Автор проекта компилировал два столичных архитектурных образа: один – для решения основного объема храма и декоративного оформления, другой – для строения купольной части.

Традиционное древнерусское пятикуполье в моршанском Троицком соборе соединено с античными формами, использующимися в классицизме.

Древнерусские храмы отличаются строгими архитектурными линиями, отсутствием пышности экстерьера, относительной простотой каменного убранства с применением нескольких декоративных элементов (примером могут служить псковские храмы, Троицкий и Святого Духа храмы в Троице-Сергиевой Лавре и др.). Внешней, достаточно простой красоте, в них противопоставляется богатейшее внутреннее убранство: золоченые иконостасы, многоцветные росписи стен, дорогие оклады икон, изысканные паникадила и прочая церковная утварь. В этом отражается стремление православной души к глубокому пониманию значимости внутреннего перед внешним, главенства души над телом.

При внешней простоте архитектурных форм интерьер Троицкого собора был весьма богат и содержателен. Центром интерьера любого храма является иконостас. В главном пределе моршанского собора он пятиярусный, боковые пределы трехъярусные. По своему оформлению иконостасы были явно не «стасовские», которые отличались применением пилястр, орнамента в виде спиралей, т.е. являющих собой классическое решение. В Троицком соборе было реализовано что-то общее между древнерусским, византийским и классицистическим принципами. Отсутствие единого стиля вполне компенсировалось хорошим техническим исполнением, так что складывалось положительное впечатление.

Глядя на Троицкий собор, нельзя не восхититься его величием и стройностью, плавностью линий в могучих каменных массивах!

Если ехать летом со стороны города Тамбова по дороге в Моршанск, то на взгорье, примерно километрах в 15-ти от города, открывается великолепная панорама: большинство домов «одноэтажной» России утопает за кронами деревьев, а вдалеке виднеется белокаменный собор – высокий и стройный, будто тянущийся вверх своими куполами! Когда спускаешься вниз с холма, храм на некоторое время скрывается за домами и деревьями, но, подъез-

жая ближе, видишь, как он неожиданно вырастает из-за крыш домов – появляются его кресты и своды, – и мы оказываемся прямо перед собором, поражаясь его массивности и благородству форм. Поражаемся тому труду и терпению, которые потребовались для возведения этой величественной постройки, той вере наших предков, которая отпечаталась в камне!

Троицкий собор является жемчужиной не только моршанской земли. Его значение простирается за пределы области, ведь не так много в России храмов, сходных с ним по величине. Наша задача и задача следующих поколений – сберечь эту красоту, чтобы «Господь был прославляем, а народ назидаем».

Протоиерей Валерий Литвиненко,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

История строительства Боголюбского собора в городе Мичуринске

Православные храмы с давних времен составляли неотъемлемую часть городских пейзажей. Волна антирелигиозной борьбы в годы советской власти уничтожила многие церковные архитектурные шедевры. Так, если в 1913 году в Тамбовском крае насчитывалось 1,5 тысячи храмов и монастырей, то в настоящее время почти полностью уничтожены церковные памятники архитектуры XVIII века; от построек XIX века осталось лишь 55 храмов. Наследие XX столетия составляет всего 15 церквей.

Не обошли стороной гонения на веру Христову и старинный русский город Козлов (ныне Мичуринск), который до октября 1917 года украшали 17 церквей, не считая церквей пригородных слобод, 2 монастыря и 8 часовен (при населении не более 50-ти тысяч человек). Многие городские храмы были обетными: Покровская соборная, Архангельская, Вознесенская, Троицкая, Ильинская, Боголюбская церкви, т.е. построенные по обещанию горожан в память о каком-либо историческом событии или избавлении от опустошительных эпидемий.

Для простых людей храмы служили не только культовыми постройками, но и истоками понимания прекрасного. Ведь церковь была, как правило, самым красивым сооружением, украшалась фресками, иконами, наполнялась звуками хорового церковного пения и колокольного звона.

К сожалению, большая часть церквей старого Козлова в настоящее время стерта с лица земли в период воинствующего атеизма; уцелело только четыре храма: Боголюбский кафедральный собор, Ильинский, Скорбящинский и Успенская церковь. Да и потребность в духовном окормлении православной церкви среди жителей современного Мичуринска куда меньше, чем у горожан дореволюционного города Козлова.

В 2009 году православные жители города Мичуринска с душевной радостью встречали 160-летие со дня основания и 135-летие

со дня окончания строительства и освящения Боголюбского кафедрального собора – тринадцатой по счету церкви, построенной в городе, бесценного духовного дара, оставленного нам нашими далекими предками. Сегодня Боголюбская церковь – памятник зодчества, охраняемый государством, – является одним из архитектурных символов Мичуринска.

Однако далеко не всегда Боголюбский собор был окружен должным вниманием и заботой прихожан. Ему в полной мере пришлось претерпеть те уничтожения, через которые прошли все городские церкви. Но Божий промысел сохранил его для нас и наших потомков, и сегодня мы имеем возможность ежечасно любоваться красотой Боголюбского храма, одновременно осознавая то, как много безвозвратно нами потерянно.

В 1873 и в 1902 годы в «Тамбовских епархиальных ведомостях» были изданы материалы, касающиеся истории создания Боголюбского собора: «Боголюбский храм в городе Козлове» и «Сказание о Боголюбском храме и Боголюбской иконе Божией Матери, что в городе Козлове». В 1889 году в Москве вышла книга «Козловские женские монастыри: древний Ильинский, – упраздненный и возродившийся из него – нынешний Боголюбский. Историческое описание». Во всех трех изданиях, кроме исторических хроник, детально описано состояние Боголюбского собора и козловского Боголюбского женского монастыря на рубеже XIX–XX веков.

Сегодня о Боголюбском кафедральном соборе можно услышать немало правдивых преданий, легенд, но и откровенных небылиц. Бытует мнение, что построен он в знак благодарности жителей Козлова Божией Матери за избавление жителей города от чумы и холеры, что когда-то при соборе был женский монастырь, что городской кафедральный собор – уменьшенная копия храма Христа Спасителя в Москве. Народ свято хранит предание об обретении чудотворного образа – образа Боголюбимой Божией Матери Козловской и явлении пречистой Девы Марии над собором, многочисленных чудесах, происходивших от икон храма. Вместе с тем до сих пор в городе распространены курьезные рассказы о несметных сокровищах, замурованных в стенах и подвалах собора, о том, что Боголюбская церковь якобы имела потайные подземные ходы в пригородный Троицкий мужской монастырь и к храмам, распо-

лагающимся на городском холме. Что же из этого является правдой, а что вымыслом?

История создания Боголюбского собора восходит к середине XIX века, когда козловское городское общество составило в январе 1848 года особый приговор, постановив воздвигнуть храм – в честь Боголюбской иконы Божией Матери, а при нем основать сиротский приют. «Содержа в памяти, – писали горожане, – грозное посещение Божие в сентябре и октябре месяцах минувшего 1847 года, поразившее наш город смертоносною язвою – холерою, от которой мы сохранились, как твердо верим, одним только всеильным ходатайством и покровительством Препоблагословенной Богородицы, – мы в духе смирения и сокрушения... просим Небесную Царицу о Ея благопоспешении в преднамеренном нами деле. Да устроится во имя Ея нашим городским обществом, а равно и доброхотными создателями храм, как памятник Ея милосердия и особенного граду нашему покровительству»¹.

Храмовый праздник нового собора решено было праздновать 3 ноября, т.к. в этот день по прекращению в городе холеры в 1847 году был отслужен благодарственный Богу молебен. «...И быть в тот день, – говорилось в том же приговоре, – пред Литургией крестному ходу из собора и из всех городских церквей в Боголюбский храм, а пред тем праздником посту с 1 по 3 ноября»².

Благословляя духовенство и горожан Козлова для совершення благодарственного молебна Богородице и начало строительства храма во имя Боголюбской иконы Божией Матери, епископ Тамбовский и Шацкий Николай (Доброхотов, годы служения на Тамбовской кафедре: 1841–1857) обратился к ним с глубокими по смыслу словами: «И за скорбь минувшую, и радость настоящую, да будет имя Господне благословенно!..»³

По замыслам горожан, тринадцатая церковь Козлова должна была превзойти великолепием двенадцать предыдущих. Купцы, прасолы, члены городской думы поручили человеку своего круга – купцу второй гильдии Зиновию Герасимовицу Порфентьеву, первому подрядчику строительства Боголюбского собора – найти

¹ Архив И.К. Голикова // Фонды Мичуринского краеведческого музея.

² Кученкова В.А. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 183.

³ Черюковский Г. Сказание о Боголюбском храме и Боголюбской иконе Божией Матери, что в городе Козлове // ТЕВ, 1902. № 4.

подходящий проект храма. Вскоре он, проявив старания, представил обществу два плана, скопированных с планов, находящихся в Санкт-Петербурге церквей – Введенской и Благовещенской. Выбрали проект архитектора К.А. Тона – церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, построенный в 1834–1842 годы, с условием, что размеры возводимого в Козлове храма должны быть немногим больше Введенской церкви.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы располагалась в городе на Неве, близ Обуховской больницы и Царскосельского (ныне Витебского) вокзала. Введенская церковь предназначалась для старейшего в русской армии Семеновского полка, отличившегося в ходе Отечественной войны 1912 года. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы послужила прообразом не только Козловского Боголюбского собора, но и крупнейшего русского собора – храма Христа Спасителя в Москве, возведенного в 1889–1889 годы и рассчитанного на 10 тысяч человек. Петербургский, Московский и Козловский храмы архитектора К.А. Тона были воплощением единой архитектурной идеи – пятикупольного храма, представленного в «русско-византийском стиле».

В 1931 году храм Христа Спасителя в Москве был взорван. Введенская церковь Семеновского полка в Ленинграде была снесена в 1933 году. Из этого ряда талантливых архитектурных произведений К.А. Тона до настоящего времени сохранился лишь Боголюбский собор в Мичуринске.

Как оказался этот грандиозный проект выдающегося архитектора в Козлове – небольшом тогда купеческом городке? В 1824 году по распоряжению царя Александра Павловича в России был издан альбом архитектора А.А. Михайлова с образцовыми проектами «Краткое наставление о строительстве каменных церквей». В 1840 году был опубликован новый альбом проектов церквей, авторами которого были архитекторы-академики К.А. Тон и А.Г. Ухтомский. Обе книги были приобретены Тамбовской епархией и использовались в крае при строительстве храмов первой половины XIX века.

Проекты К.А. Тона и А.Г. Ухтомского представляли собой новое «русско-византийское» направление национального архитектурного стиля и отражали патриотические тенденции в русском обществе, характерные для периода после победы над Наполеоном.

Вторая четверть XIX века в России ознаменовалась развитием национального самосознания. Это время ставило перед архитекторами задачу создания национального стиля в храмовом зодчестве. Основой русской нации, и, следовательно, национального своеобразия, виделось Православие, исторические начало которого восходило к Византийской империи.

Одним из первых к архитектурному наследию Древней Руси и Византии обратился выдающийся архитектор Константин Андреевич Тон (1794–1881), считавший, что классические храмы не соответствуют ни русскому климату, ни православному преданию. Многие храмы, выполненные по проектам Тона, задумывались как памятники воинской доблести и как мемориалы, посвященные Отечественной войне 1812 года. Уже в петербургских постройках XIX века зодчий последовательно использовал крестово-купольную систему и основные внешние признаки традиционного соборного храма с пятью главами, символизирующими Христа и четырех евангелистов.

Направленность творчества К.А. Тона полностью соответствовала религиозным и этическим взглядам, патриотически настроенной части общества, – от императора Николая I и московского митрополита Филарета (Дроздова) до представителей литературы, науки и искусства.

По проектам К.А. Тона было построено немало зданий в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Томске, Козлове, Красноярске, Ельце, Тихвине и других городах, составляющих национальную гордость России. Его архитектурному наследию принадлежат такие шедевры зодчества, как Московский Храм Христа Спасителя, Большой Кремлевский дворец, Петербургский вокзал в Москве и Московский в Санкт-Петербурге, знаменитая пристань со сфинксами перед зданием Академии Художеств в Санкт-Петербурге, здание Малого театра в Москве и многие другие замечательные архитектурные творения.

Конструктивно храмы архитектора К.А. Тона отличаются оригинальностью и совершенством. Построенный в «русско-византийском стиле» Боголюбский собор, до сих пор поражает своими размерами, строгостью линий и точностью пропорций. Простые и крупные формы придают зданию величие и монументальность.

Боголюбский собор в Козлове и Храм Христа Спасителя в Москве имеют много общего в своей архитектуре, соединяя в себе черты древнего и нового церковного зодчества. Особенностью московского и козловского храмов стал двухъярусный кольцевой обход, воспринимавшийся как памятник христианской древности. Оба собора имеют композицию, в которой преобладающую роль играет громадный центральный купол шлемовидной формы.

Местом строительства козловского Боголюбского собора по образцовому проекту К.А. Тона была выбрана Красная площадь на пересечении улиц Монастырской и Лебедянской. В 1771 году в знак благодарности Богородице за избавление города от чумы здесь была воздвигнута Красная часовня с неугасимой лампадой перед Боголюбской иконой Божией Матери.

Выбор места был обусловлен не только историческими причинами, но и практическими. Поскольку все церкви Козлова были тогда возведены в верхней части города бедные жители, не имевшие лошадей, испытывали затруднения при их посещении. В этом смысле местоположение Боголюбского собора было более удобным.

Закладку Боголюбской церкви осуществил бывший ректор Тамбовской Духовной семинарии архимандрит Платон (впоследствии епископ Костромской) 6 августа 1849 года – в день Преображения Господня. Однако строительство храма продвигалось медленно (причина тому заключалась не только в тщательности выполнения работ и нехватке денежных средств, но и в связи с крупнейшим городским пожаром). Осенью 1853 года Боголюбский храм был возведен до купола и лишь в 1871 году в нем, как свидетельствует летопись, строили три иконостаса и собирались заказать для них иконы. Строительство удалось завершить спустя 24 года после его начала.

В 1871 году многие районы России были поражены холерой, которая свирепствовала во многих уездах Тамбовской губернии, в том числе и в Козловском. В середине июля того года (в самый разгар холеры в окрестных селах), по общему желанию жителей города бывший в то время строитель храма Максим Герасимович Парфентьев испросил у епархиального начальства разрешение на совершение в строящемся и еще неосвященном Боголюбском Соборе трех

всенощных бдений с вечера, и трех молебных пений утром, перед Боголюбивой иконой Божией Матери⁴.

Из дома купца Гладышева в недостроенный храм был перенесен чудотворный козловский образ Богородицы. На протяжении трех суток горожане и жители окрестных сел усердно молились перед ним Пречистой Деве о своем спасении. Громадно было стечение народа во время этих священнослужений, даже обширный Боголюбский храм не вмещал всех молящихся. Горячи были молитвы людей, объятых страхом смерти, и моления их были услышаны – холера миновала Козлов. Летопись сообщала, что «в ужасное лето 1871 года город Козлов отправил в город Тамбов значительный транспорт печального товара – гробов, как совершенно ненужный в Козлове и нужный в Тамбове...»⁵

Ничего не было удивительного в том, что при таких чудесных обстоятельствах потекли обильные пожертвования, позволившие ускорить возведение нового храма. Когда в конце 1871 года умер второй подрядчик строительства Боголюбского собора М.Г. Порфентьев, храм был уже полностью отстроен. Строители приступили к изготовлению иконостасов. Были приобретены пять колоколов (самый большой из них весил 103 пуда). Новым подрядчиком был избран купец второй гильдии Никита Николаевич Гридчин.

В январе 1873 года Н.Н. Гридчин известил городскую управу, что церковь отстроена и готова к освящению. 10, 11 и 12 февраля 1873 года. Боголюбский храм был освящен в честь иконы Боголюбской Божией Матери Преосвященнейшим Феодосием 2 (Шиповаленко, годы служения на Тамбовской кафедре 1863–1873 гг.), епископом Тамбовским и Щацким, в сослужении духовенства, при многочисленном стечении граждан.

Новый Козловский храм имел три престола: главный в честь Боголюбской иконы Божией Матери, правый – Сретения Господня, левый – преподобного Сергия Радонежского.

Однако Боголюбский собор не сразу обрел свое великолепие. «Тамбовские епархиальные ведомости» свидетельствуют, что на

⁴ Козловские женские монастыри: древний – Ильинский, – упраздненный и возродившийся из него – нынешний Боголюбский: Историческое описание // Фонды Мичуринского краеведческого музея.

⁵ Солопов А. Блаженны чистые сердцем // Мичуринская правда, 1999. С. 1.

момент завершения строительства и освящения ни наружный вид храма, ни его внутренняя отделка, ни церковная утварь не были богаты. Стены внутри храма были окрашены бледно-розовой краской, иконостас собора отличался бедностью⁶.

Красотою, богатством и благолепием Боголюбский собор просиял лишь на рубеже XIX–XX веков. В конце XIX века среди 17 козловских храмов он отличался не только своими размерами, но и своим великолепным интерьером. Стены и пилоны храма были искусно расписаны опытными живописцами, в числе которых был академик живописи А.Д. Надежин и его ученики. По количеству и качеству позолоты убранство собора приближалось к лучшим храмовым сооружениям Петербурга и Москвы. Местная пресса сообщала, что Боголюбский собор занимал первое место по наружной, внутренней красоте среди козловских храмов, а по размерам в Тамбовской епархии уступал лишь моршанскому Троицкому собору. Громадностью размеров храм поражал жителей провинциального, в основном одноэтажного городка.

В XIX – начале XX века благоустройство Боголюбского собора легло на плечи церковно-приходского попечительства, ревностным старостой которого был Яков Алексеевич Гладышев. После его смерти старостой собора был избран Андрей Михеевич Памперов, содержащий при храме богадельню.

В 1910–1912 годы храм несколько раз горел, но всегда сравнительно быстро восстанавливался, во многом благодаря усилиям приходского попечительства.

Тихая безмятежная жизнь Боголюбского собора была в одночасье разрушена октябрьской революцией, хотя после нее еще 15 лет в нем продолжались Божественные службы. С 1922 года, согласно постановлению ВЦИИК, из Боголюбского собора и других храмов Тамбовщины начинали изымать церковную утварь в фонд помощи голодающим Поволжья.

В 1927 году с верующими был расторгнут договор на пользование храмом, а в 1932 году собор закрыли. Не касаясь подробно истории его разорения, необходимо отметить, что Боголюбская церковь великим чудом уцелела в годы советского атеизма.

⁶ Боголюбский храм в городе Козлове // ТЕВ, 1873. 10 июля.

Вторым рождением собора можно назвать 30 июня 1990 года, когда после передачи Тамбовским облисполкомом второй религиозной общине Русской Православной Церкви храм был освящен малым чином.

Сегодня Боголюбский собор – главный храм города Мичуринска. Он, как и прежде, поражает своим величием, внутренним и внешним. Однако предстоит еще много поработать, чтобы достичь былого изящества, красоты, богатства в его убранстве. Здесь, как и раньше, благодатно возносится молитва к Царице Небесной – Заступнице рода христианского.

М.В. Никольский,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат педагогических наук

Обучение основам иконописи через практическую деятельность

Практика обучения основам иконописи и анализ реального состояния иконописного творчества показывают, что процесс получения соответствующих художественных навыков должен базироваться на активном и приоритетном включении специальной практической деятельности учащихся и быть главнейшим звеном во всей системе подготовки изографа.

Практическая основа методики подготовки будущего иконописца определяется главным, исторически выверенным методом – методом копирования, который, по сути, является чистой практикой. Здесь следует вспомнить древние указания на то, что истинными творцами икон были святые отцы и богословы Церкви, а иконописец – лишь орудие в их руках. Однако мы знаем таких выдающихся богословов и одновременно иконописцев, как митрополит московский Петр, преподобный Андрей Рублев, Феофан Грек, Симон Ушаков; иконописцы нового и новейшего времени Леонид Успенский, монахиня Иулиания, архимандрит Зинов, архимандрит Рафаил и т.д.

Подобная традиция возникла в евангельские времена. Согласно церковному преданию, евангелист и ближайший ученик Иисуса Христа апостол Лука был первым христианским иконописцем. Известно, что он написал пять икон (с натуры) и являлся автором четырех канонических евангелических текстов, что свидетельствует о сочетании в нем талантов богослова и иконописца, что, в сущности, является понятием нераздельным.

Будущий иконописец обучается, приобретая соответствующие навыки чрез практику. В нашем случае речь идет о чисто практической деятельности учащегося, которая организуется следующим образом.

Подобная практика проводится после каждого года обучения: в учебных мастерских, музеях и музейных комплексах, православ-

ных храмах, монастырях и храмовых комплексах, художественно-производственных мастерских. Она проходит под руководством преподавателей и практикующих иконописцев на местах.

Выполняются обучаемыми в соответствии с рекомендациями и предложениями преподавателя, а также в соответствии с личностными предпочтениями (с обязательным обсуждением с руководителем). К таким заданиям относятся:

- работы, направленные на закрепление полученного опыта во время аудиторных занятий;
- работы, направленные на расширение полученного опыта во время учебного процесса;
- работы, выполненные в связи с необходимостью углубления частных творческих установок учащегося (как правило, во время выпускного курса).

Данные виды работ выполняются лишь в том случае, если обучаемый справляется с учебной программой, не проявляет признаков утомляемости, имеет высокий мотивационный уровень и сам проявляет творческую и учебную активность.

Внеаудиторные творческие работы (выполняются по индивидуальным творческим установкам и духовным воззрениям под руководством преподавателя)

К таким работам могут относиться:

- создание образов по оригинальным или редким изводам, выполняемых по плану учебных работ;
- применение увеличенных или уменьшенных размеров (форматов) досок на текущие задания;
- творческое переосмысление духовных акцентов какого-либо извода;
- применение несколько иных иконописных материалов в работе в соответствии с духовным замыслом;
- оригинальное (но уставное) итоговое оформление работы, упрощение или детализация извода в соответствии с заданием, нюансная балансировка тона и цвета иконы в соответствии с замыслом, применение особой иконописной техники в соответствии с замыслом, особый выбор фактуры образа.

Для того чтобы научиться фиксировать и овладевать некоторыми секретами мастерства и особенностями иконографической структуры иконического образа, необходимо выполнять дополни-

тельные виды работ по моделированию и копированию отдельных частных видов икон и элементов. Так, при написании некоторых иконографических типов возникает необходимость (или желание) написать еще схожий образ, но принципиально отличающийся по композиции, пластике (или даже по духовному прочтению). Например, осваивая написание иконографического типа иконы пресвятой Богородицы под названием «Умиление», как правило, выполняется икона, именуемая «Богоматерь Казанская», но для более глубокого понимания вышеуказанного типа есть необходимость написания иконы, именуемой «Богоматерь Владимирская». Дело в том, что обе эти иконы говорят об одном – антиномическом общении Богородицы и Богомладенца, о Его грядущем крестном страдании и последующем воскресении – Пасхе Христовой, но последующее художественное прочтение этих икон разное и по своему самобытное.

Художественная пластика и комплектация упомянутых иконографических типов также совершенно разные. Так, икона «Богородица Казанская» имеет крупный формат персонажей по отношению к размеру доски (формату); лик Богородицы развернут к зрителю (при наклоненной голове); композиция имеет погрудный формат с благословляющей рукой младенца-Христа.

Образ «Богородица Владимирская» имеет композицию, где Иисус Христос изображен полностью (с руками и ногами), сидящим на руке Богородицы, в парчовых одеждах, со взглядом, направленным на Свою Матерь.

Таким образом, при одном иконографическом типе указанные иконы имеют разную композицию, но общее художественное решение. Поэтому, если в образовательной практике есть возможность выполнения обеих икон, то это целесообразно сделать.

Если обучаемый активно и качественно справляется с учебным планом, то будет целесообразным его привлечение к возможным хоздоговорным работам в художественных бригадах по профилю осваиваемой специализации. Участвуя в них, обучаемый приобретает очень ценный опыт, так как сталкивается с реальной деятельностью, где учится доделывать до конца работу, необходимую заказчику, отделять в работе главное от второстепенного, планировать рабочее время, учиться у практикующих мастеров, знакомиться с современными художественными материалами, а также

с их использованием, расхождением и приобретением. Учебный опыт может лишь смоделировать подобную деятельность. Кроме того, при таких видах работ имеется возможность закрепления полученных навыков и знаний во время учебного процесса на практике.

Имеются в виду поездки в различные православные монастыри и приходы, где есть возможность учащимся поучаствовать в работах, связанных с благоустройством, реставрацией и реконструкцией как архитектурно-храмового комплекса, так и его оформлением, что способствует приобщению к православной культуре в целом, через соответствующую трудовую деятельность.

Данный вид работ напоминает классическую искусствоведческую практику, где идет описание имеющихся иконописных памятников или знаковых произведений в храмах и галерейно-музейных собраниях региона, где находится учебное заведение.

Сбор подобных рефератов со временем составит авторские папки, где будет храниться систематизированное описание наиболее интересных (с точки зрения учащегося) иконописных произведений, которые помогут указать ему индивидуальный путь творческо-иконописного совершенствования. Данная деятельность вырабатывает у учащихся аналитические качества, которые необходимы будущему изографу, так как у него формируются детальное видение предмета, умение определять главное и второстепенное в иконическом образе, традиционные и инновационные черты православного канона; формируется умение смотреть на икону с научных (аналитических) позиций, что придает выводам обучаемого более объективный характер.

Практика показывает, что объем подобного реферата не должен превышать 16 страниц машинописного текста (или 1 печатный (типографский) лист). Структура реферата: введение; описание произведения (размер, дата создания, иконографическая композиция, материал); возможная археологическо-агиографическая история произведения; повествование о подобных иконографических памятниках, объединенных одним типом; описание иконографического извода; фотофиксация в распечатанном и электронном видах (общая фотография, фотографии образа в храмовом или музейном пространстве, его фрагменты, торцы, тыльная часть основы); описание сохранности произведения; выводы (о подвиж-

ных и неподвижных формах композиции и канона); список источников, посвященных памятнику и его аналогам.

Важной деятельностью для учащихся является сбор различных изображений святых, интерьеров храмов, церковной утвари, православных орнаментов и т.д., как для иконописного класса (в качестве наглядных пособий), так и для личного архива.

Под процессом сбора лицевой иконографической информации понимается фотофиксация понравившихся изображений, их зарисовки, калькирование, приобретение в качестве репродуцированных изображений, поиск в сети Интернет (как в аналоговом, так и в цифровом вариантах), сбор соответствующей литературы. Причем сбор подобной информации не обязательно должен иметь какую-либо цель, так как зачастую собранные изображения не будут представлять какого-либо интереса на сегодняшний день, но впоследствии смогут оказать неоценимую услугу в понимании иконы или в ее создании, так как в процессе обучения меняется художественный уровень или ценностные установки.

Сбор иконографической лицевой информации обязательно должен иметь систематизированный характер.

Если рассмотреть возможность методической систематизации аналоговой информации, то опыт показывает, что целесообразно следующее распределение иконографического лицевого материала по разделам (или условным папкам): изображения православных праздников; изображения Иисуса Христа; изображения Богородицы; изображения Ангелов; изображения святых мужей; изображения святых жен; изображения святого Николая Чудотворца; изображения святого Георгия Победоносца; изображения Креста Господня; изображения иконостаса и интерьеров православного храма; проекты и фотографии православных храмов; православные орнаменты; о православии.

В процессе сбора материала некоторые папки могут стать двойными (и более), в зависимости от выбранных приоритетов.

В данной статье мы не рассматривали различных оригинальных и инновационных видов дополнительной практической деятельности в подготовке будущих иконописцев (например, работа в православных лагерях и в рамках инновационных площадок), так как они недостаточно апробированы на практике и не осмыслены теоретически.

При всех очевидных положительных моментах этого процесса преподавателю необходимо помнить о том, чтобы не перегружать учащегося, поскольку повышенная утомляемость может сформировать апатию и потерю интереса к иконописному творчеству. По нашему мнению, подобная педагогическая деятельность может быть только адресной, индивидуальной по отношению к конкретному ученику, если только вышеуказанные действия не определены учебным планом общей системы подготовки будущего иконописца на начальном этапе художественного образования.

В результате проведенного анализа, основанном на реальном педагогическом опыте, мы выяснили, что обучение основам иконописи через практическую деятельность является эффективным и необходимым средством в подготовке будущего изографа на начальном этапе художественного образования. Основное его достоинство – активизация иконографического мышления, так как обучаемый начинает (и вынужден) использовать полученный опыт и навыки на практике, а также видит результат своего иконописного образования как бы со стороны.

И.Ю. Позднякова,
кандидат архитектуры.
священник Виктор Поздняков,
выпускник Тамбовской духовной семинарии

Роль епископа Феофила (Раева) в церковном строительстве Тамбовской епархии в конце XVIII – начале XIX века

В XVIII веке за строительство новых церквей отвечали местные архиереи. На них была возложена основная ответственность за утверждение проекта на месте, разрешение строительства, также они были основными инициаторами в возведении новых церквей в городах и монастырях. Со времен основания Тамбовской епархии практически все правящие архиереи старались соблюдать порядок непрерывного строительства новых церквей. В конечном итоге, именно от хозяйственной политики преосвященного зависело состояние дел в храмостроительстве епархии. В «Историко-статистическом описании» Георгий Хитров подробно рассказывает о строительной деятельности каждого тамбовского епископа как о неотъемлемой части его служения.

Одним из самых деятельных преосвященных, пребывавших когда-либо на Тамбовской кафедре, был епископ Феодосий (Головницкий), (пребывание на Тамбовской кафедре: 1766–1786 гг.). «Усердие Феодосия обнаружило себя щедростию на устройство и украшение храмов Божиих. В городах, монастырях и селах на место ветхих деревянных церквей одна за другою воздвигнуты церкви каменные обширные и благолепные; в короткое время построено довольно новых храмов. <...> Короче сказать: в 1772 году после язвы устроено в епархии до 40 храмов».¹ Необходимо отметить, что в XIX веке эпитет «благолепный» или «хорошокрасивый» применялся к зданиям, украшенным деталями барокко и классицизма. Должное внимание епископ уделял и монастырскому строительству. Именно он был инициатором каменного строительства

¹ Хитров Г. Указ. соч. С. 97

на территории Казанского монастыря, которое продолжил его приемник – епископ Феофил (Раев) (пребывание на Тамбовской кафедре: 1788–1811 гг.).

По происхождению епископ Феофил был малороссиянин. Родился в семье дворянина Камардина² в 1737 году в Глуховском повете Черниговской губернии. Рано лишившись родителей и не имея средств к существованию, до 18 лет обучался в черниговской семинарии, потом в Киевской академии. Фамилию «Раев» часто давали в семинариях или академии сиротам-воспитанникам. В 1762 году он принял постриг с именем Феофила и был рукоположен в сан иеродиакона. В том же году был определен учителем во вновь открытые географический и немецкий классы Новгородской духовной семинарии, где в 1769 году был переведен на преподавание пиитики. В том же году, 27 июля в Санкт-Петербурге, он был рукоположен в иеромонаха. 29 сентября 1770 года иеромонах Феофил был назначен префектом, а 13 июля 1774 года был посвящен в сан архимандрита новгородского Антониева монастыря и поставлен ректором той же семинарии, что дало ему право присутствия в духовной консистории. В 1780 году архимандрит Феофил был вызван в С.-Петербург для исправления чреды священнослужения и проповеди слова Божия, он так же присутствовал в Санкт-Петербургской духовной консистории. В июле 1782 года был переведен настоятелем в новгородский Хутынский монастырь. Через пять лет, в апреле 1787 года, он был рукоположен в епископа Старорусского, викария митрополита Новгородского Гавриила³. В мае 1788 года епископ Феофил был назначен на самостоятельную Тамбовскую кафедру⁴.

Здесь, по особому указанию Святейшего Синода, он должен был устроить учебно-воспитательный процесс в Тамбовской семинарии. Помимо этого, руководствуясь примером митрополита Гавриила, у которого в течение 18 лет он находился в подчинении, епископ Феофил старался наладить все сферы церковной жизни вверенной ему епархии – от упорядочения консисторского делопроизводства, до правильного исполнения церковных служб

² Хитров Г. Указ. соч. С. 168

³ Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 119 – 120

⁴ Хитров Г. Указ. соч. С. 109

в приходских церквях. Как сообщает тамбовский историк священник Георгий Хитров, по прибытии на кафедру епископ Феофил составил для консистории письменные указания и правила. Следует заметить, что в этом документе епископ неоднократно ссылается на опыт и труды Московского митрополита Платона⁵. Дело в том, что годы правления Тамбовского епископа Феофила пришлось на время служения митрополита Платона (Левшина). Он являлся одним из крупнейших церковных деятелей эпохи Просвещения в России и возглавлял Московскую епархию с 1775 по 1811 год⁶. Логично предположить, что его взгляды на церковную архитектуру, изложенные в собрании сочинений и изданные в 1782 году, а также строительная программа, осуществлявшаяся в это время в Московской епархии, имели влияние на его современника – епископа Феофила.

Епископ Феофил открыл новую эпоху в жизни Тамбовской епархии и на много лет вперед предопределил модель строительства городских и монастырских соборов этого региона. «С попечением о внутреннем благоустройстве обителей епископ Феофил соединял непрерывную, самую неутолимую заботу о внешнем их благолепии. При его поступлении на паству тамбовскую почти все монастыри вверенной ему епархии были бедны зданиями, и эти здания большею частью деревянные, приходившие уже в ветхость, не соответствовали своему назначению ни планом, ни вместимостью. <...> к концу его служения пастве Тамбовской все обители были им устроены согласно требованию времени. Для некоторых обителей он сам был и зодчим и надзирателем при постройках. Только устройство монастырей, удаленных от Тамбова, он поручал людям, к которым имел полное доверие, не оставляя, впрочем, своего личного надзора за постройками».⁷

Личное участие епископа в церковном строительстве было огромным и решающим. В условиях, когда обители получали ничтожное финансирование от государства, а пожертвования тратили только на необходимые нужды, епископ смог организовать небывалое по масштабам строительство сразу в нескольких монастырях.

⁵ Хитров Г. Указ. соч. С. 116, 159.

⁶ Путятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения: Монография. М.: Гнозис, 2009. С. 21–57.

⁷ Хитров Г. Указ. соч. С. 133–134.

Сначала был произведен капитальный ремонт в Троицком Козловском монастыре – одном из древнейших монастырей епархии. «Когда были приобретены средства для исправления ветхостей Козловского монастыря, преосвященный Феофил на этот случай дал Варлааму подробныя наставления, и он выполнил их с отличною точностию. <...> Вообще архимандрит Варлаам, при помощи и под руководством епископа Феофила, столько сделал для благоустройства козловской обители, сколько не сделал ни один настоятель после него».⁸

Значительной реконструкции подверглась Успенская церковь. Двухэтажным храм был основан в 1670 году по благословению высокоосвященного Илариона, бывшего Митрополита Рязанского во имя Успения Божией Матери при настоятеле игумене Кирилле. Верхняя церковь в нем была одноименной, а нижняя – во имя Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия. Здесь была произведена перепланировка – переустроены приделы, один из которых по просьбе епископа был посвящен Варлааму Хутынскому, – святому, подвизавшемуся в монастыре, настоятелем которого некогда был преосвященный Феофил. На храмовой таблице, сохранившейся в наши дни об этом написано: «... а 1793 года при игумене Варлааме Новохоперском возобновлена с позолоченным иконостасом и обновлена образами, ищекотурена снаружи, покрыта вновь железом. Крест и глава позолочены и переименована: в нижнем этаже... во имя Всех Святых... а в верхнем – во имя Варлаама Хутынского».

В 1844 году каменные своды верхней церкви были разобраны и заменены деревянной скатной кровлей, а стены подняты на два аршина.⁹ Тогда же была разобрана колокольня этого храма. От нее осталось кубовитое основание, примыкающее к основному объему церкви. По сути, в таком виде эта церковь сохранилась до настоящего времени. Протяженные боковые фасады расчленены лопатками и горизонтальными тягами. Наличие фигурных фронтонов на северном, южном и западном фасаде, выполненных в неорусском стиле «северного зодчества», говорит о том, что церковь подвергалась повторной реконструкции уже в начале XX века. Каждый такой фронтон был увенчан небольшими луковичными

⁸ Хитров Г. Указ. соч. С. 135–136.

⁹ Бельх М. Сказания о Козловских храмах. Липецк, 1998. С. 102–103.

главками, значительно обогащавшими пластику лаконичных фасадов храма.

Помимо настоятельского корпуса была перестроена часть монастырской ограды. Судя по описаниям, изданным в 1876 году в Тамбовских Епархиальных Ведомостях,¹⁰ сложно сказать, когда были сооружены башни: вместе с первой каменной стеной в 1750 году, или позже, при епископе Феофиле. Ансамбль Козловского монастыря приобрел должный вид уже без участия епископа, но, несомненно, согласно его строительной программе. Колокольня, выстроенная в 1822 году на пожертвования жителей города Козлова, располагалась по центру западной стены над Святыми воротами, между двумя угловыми башнями. Традиционное расположение колокольни над западным входом было продиктовано не функциональной, а богослужебной необходимостью: «В нижнем ярусе в направлении запад-восток существуют проездные ворота, которые, впрочем, всегда заперты, за исключением дней, в которые осуществляются крестные ходы, так как для прохода в монастырь есть северные ворота.»¹¹

Большое внимание преосвященный Феофил уделял и Саровской пустыни.¹² «Посетив ее весной 1789 года, епископ Феофил нашел некоторые здания не соответствующими великолепию храмов и богатству обители; другия, по его мнению, стояли не на месте с нарушением общаго ея вида. Рассмотрев внимательно обитель, преосвященный Феофил тот час же составил план переделок и новых построек, удивляясь тому, что пустынь, богатая средствами для своего внешнего великолепия, не вполне обладает им, тогда как это могло бы еще более возвышать высокий иноческий чин ея. По наставлению этого зодчаго, строитель пустыни иеромонах Пахомий в том же году приступил к исполнению его предначертаний».¹³ По указаниям епископа на месте старой надвратной церкви была возведена четырехъярусная колокольня с симметрично прилегающими к ней братскими корпусами, в углах западной стены

¹⁰ Козловский Троицкий монастырь // Тамбовские епархиальные ведомости. 1876. № 10. С. 313–315.

¹¹ Козловский Троицкий монастырь // Тамбовские епархиальные ведомости. 1876. № 11. С. 316.

¹² Орлов Н.И. Особенное внимание Преосвященного Феофила (Раева) к Саровской пустыни. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 28 С. 195–197.

¹³ Хитров Г. Указ. соч. С. 136.

возведены две трехъярусные башни (на восточной стороне ограды башни уже существовали). Таким образом, западная стена была полностью перестроена по классицистическому канону, главным атрибутом которого являлась высокая колокольня над Святыми воротами и башни, фиксирующие углы. Колокольня Саровского монастыря – одно из самых высоких зданий, и в то же время, лучших классицистических образцов храмового строительства на территории Тамбовской епархии. Планировка двух нижних ярусов решена в виде последовательно уменьшающихся квадратов, два верхних яруса – подобные квадраты с незначительно скошенными углами. В декоративном оформлении колокольни присутствуют пилястры и карнизы, а в нижнем ярусе – треугольные портики над проездами. Три нижних яруса прорезаны арочными, верхний – прямоугольными проемами. Отличительной особенностью проема второго яруса является его выполнение в виде венецианского или палладианского окна с рустованными центральными стойками, что является редкостью для провинциального зодчества. Наличие курантов в верхнем ярусе было, пожалуй, единственным случаем применения часового механизма в церковном строительстве Тамбовской губернии того времени.¹⁴

Приведенное описание дает основание полагать, что Саровская колокольня возводилась по проекту высококлассного архитектора. Ее основные детали схожи с чертежом колокольни альбома № 10 из коллекции альбомов М.Ф. Казакова, хранящихся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева. Н.Ф. Гуляницкий отмечает высокий уровень профессионального мастерства проектов в составе указанного альбома, отображавших основные типы и тенденции храмостроения второй половины XVIII века.¹⁵ На чертеж колокольни как возможный прототип Саровской постройки впервые указал И.Е. Путятин.

Проект колокольни из «Смешанного альбома» был выполнен в системе классических правил тектонического построения плас-

¹⁴ Авель (иеромонах). Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся / записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем. Второе издание. М.: типография Александра Семена, 1860. С. 84.

¹⁵ Гуляницкий Н.Ф. Собрание чертежей храмов в «Смешанном» альбоме М.Ф. Казакова // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма / Редкол.: Н.Ф. Гуляницкий, М.Б. Михайлова (зам. гл. ред.) и др.; НИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: НИИТАГ, 1996. С. 54–56.

тики фасадов. Имеется в виду, прежде всего, пятиярусная композиция, созданная в соответствии с градацией ордерной суперпозиции. Нижний ярус выполнен в виде широкого прямоугольного основания, оформленного четырехколонным тосканским портиком с арочным проездом. За пределы портика вынесены крылья стен с дополнительными дверными проемами. Верхние ярусы проекта колокольни, квадратные в плане, со скошенными углами, постепенно убывают в размерах снизу вверх. Распределение ордеров от дорического к ионическому, композитному и, самому верхнему, коринфскому подтверждает строгое следование ордерной суперпозиции. Просветы арок трех средних ярусов колокольни оформлены малыми колоннами соответствующего ордера, несущими арочную затяжку. В верхнем ярусе малые колонны несут антаблемент, над которым в полуциркульной нише устроен циферблат, что так же создает впечатление подобного арочного проема. Купол колокольни венчает стилизованная луковица-шпиль на восьмигранном барабане.

Можно предположить, что при строительстве Саровской колокольни использовался описанный чертеж. На это указывает общий принцип построения ярусов, характерное завершение в виде купола с полуциркульными люкарнами для устройства циферблатов, а также полностью воссозданный венчающий элемент. Расхождения могли быть вызваны вынужденным упрощением проекта при строительстве. Так, в Саровской постройке приставные колонны были заменены плоскими пилястрами. Нижний ярус приобрел квадратные очертания, так как крылья корпусов, вплотную прилегающие к колокольне, значительно ниже, чем это показано в проекте. Благодаря такому изменению, основание более активно вычленяется из фоновой застройки корпусов, к тому же поставленных глубже фасада колокольни. Арочный проем в виде палладианского окна был сохранен лишь во втором ярусе, где было устроено помещение церкви во имя святителя Николая. Арки третьего и четвертого ярусов звона, видимо, было решено оставить без декоративных колонок из-за сложностей в монтаже колоколов. Значительное отличие здания Саровской колокольни от рассматриваемого чертежа – отсутствие пятого яруса. Видимо, это было вызвано рациональными соображениями в функциональной целесообразности наличия дополнительного помещения. Таким

образом, в Саровской колокольне последний ярус представляет собой некое слияние двух верхних ярусов проекта: он более вытянут по вертикали и имеет сложную арку в виде прямоугольного проема с люнеттой над балкой и двух круглых отверстий в тимпане, имитирующих розетки. Саровской колокольне так же, как и ее проектному прототипу, свойственна особая устремленная ввысь, утонченная и изящная пластика фасадов.

Новые башни на западной стороне отчасти были скопированы с восточных, выстроенных немного ранее, в 1782 году. Благодаря руководству Феофила монастырь приобрел законченный вид. А сам епископ, фактически, выступил в роли архитектора: особенности предложенного им проекта говорят о его познаниях в области архитектуры и о приверженности к «правилам» классицизма. В результате Саровский монастырь стал одним из лучших монастырских ансамблей, выстроенных в эту эпоху на территории Тамбовской губернии.

Далее, по указаниям епископа строительство церквей велось в Санаксарской и Вышенской пустыни. Колокольня Вышенской пустыни являлась наиболее близкой копией Саровской колокольни. В ее венчающей части прослеживается довольно точное повторение саровского прототипа: главки на барабане и купола с люкарнами. Ее создатели пошли по пути дальнейшего упрощения образца, вдвое сократив второй ярус и превратив арку с рустованными колоннами в термальное окно. Пропорции двух верхних ярусов, получивших очертания почти правильных восьмигранников, были также сокращены по вертикали, из-за чего Вышенская колокольня получилась значительно ниже Саровского прототипа.

В Николаевском Чернеевом монастыре так же, как в Сарове, следуя общепринятым канонам, были возведены колокольня и ограда с четырьмя башнями по углам.

В городе Пензе епископ вел работу по возведению на новом месте зданий Спасо-Преображенского монастыря. Епископ Феофил предложил перенести монастырь, после того как увидел ветхость старых построек и стесненность участка, возникшую в результате перепланировки города по Высочайше утвержденному плану.¹⁶

¹⁶ Дворжанский А.И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Кн. 1. Пенза, 1999. С. 12

Проект нового монастыря, подготовленный настоятелем архимандритом Израилем (точно установить автора проекта не представляется возможным), епископ счел не соответствующим финансовым возможностям заштатной обители и ходатайствовал перед Синодом об изменении всех двухэтажных построек на одноэтажные. Старые монастырские церкви было предложено разобрать, а полученный материал в целях экономии средств использовать для нового строительства, но по просьбе горожан Преображенский храм было решено оставить. Однако продолжение строительства храма на новом месте последовало нескоро. Так как монастырь перенесли за город, к Вознесенскому кладбищу, то каменная кладбищенская Вознесенская церковь, построенная в 1779–1784 годах, стала первым монастырским храмом. В 1798 году была сооружена трехъярусная каменная колокольня.¹⁷ В XX веке монастырь был разрушен. На сохранившихся фотографиях хорошо просматривается ограда с колокольней и угловыми башнями. Колокольня являлась классической трехъярусной башней. Нижний ярус в плане представлял собой квадрат со скошенными вершинами. В его оформлении просматривается крупный руст и круглые декоративные розетки, по одной на каждой грани. Средний ярус одинаковых размеров по отношению к нижнему был снабжен спаренными полуколоннами, перекрытыми арочными фронтонами. В простенках между ними находились арочные ниши с живописными вставками, пространство между нишами и фронтонами было заполнено ромбовидным живописным декором. Верхний ярус, круглый в плане, значительно меньшего диаметра по отношению к нижним, являлся звоном. По сторонам сквозных арочных проемов стояли полуколонны, поддерживающие треугольные фронтоны, причем над каждым проемом имелось круглое слуховое окно. Купол колокольни был увенчан луковичной главкой на круглом барабане. По сторонам колокольни симметрично друг другу были устроены входы, оформленные треугольными фронтонами. Угловые башни представляли собой восьмерик, поставленный на кубовитое основание. Отличительной особенностью этих башен являлись декоративные пояса в виде висячих стрельчатых арок, обрамлявших

¹⁷ История Храма Вознесения Господня // Храм Вознесения Господня [Пенза, 2007–2009] URL: <http://vozneshenie.dabor.ru/> (дата обращения: 24.04.2011)

оба яруса. Шатровое покрытие и килевидные кокошники, видимо, появились в результате более поздней реконструкции во время строительства храма Живоначальной Троицы 1849–1862 годов.¹⁸

В городе Тамбове на территории всех трех монастырей (Трегуляевского, Казанского и Вознесенского девичьего) велось крупномасштабное строительство под непосредственным руководством епископа. До начала реконструкции обители представляли собой примерно одинаковое зрелище: полуразвалившиеся церкви и службы, огороженные деревянной оградой. Епископ Феофил решил полностью перестроить и церкви, и кельи, и хозяйственные корпуса, и ограды. Строительство Трегуляевского и Казанского монастырей происходило по общей схеме: сначала возводилась новая ограда с непременно четырьмя башнями по углам, колокольня, кельи и т. д., а затем в разгар строительства принималось решение о реконструкции соборного храма непременно по саровскому образцу. Общий силуэт этих монастырских комплексов (особенно Казанского монастыря) напоминал уменьшенную модель Саровской пустыни.

Интересно, что, рассказывая о строительстве женских монастырей, Г. Хитров не говорит о возведении непременно четырех башен в углах ограды и колокольни над центральным входом. Да и проекты церквей здесь не соответствовали саровскому образцу, тогда как при строительстве четырех соборов из пяти возводимых в то время на территории мужских обителей наблюдается постоянное следование указанному прототипу.

Во всей деятельности епископа Феофила по реконструкции монастырей Тамбовской епархии прослеживается планомерная политика опытного градостроителя. Во время правления этого епископа большинство монастырей подверглись продуманной реконструкции.¹⁹ Их ансамбли стали главными градостроительными ориентирами в среде одноэтажной жилой застройки, являющимися доминантами и сегодня. В конце XVIII – начале XIX века планировка монастырской территории устраивалась по канонич-

¹⁸ История Храма Вознесения Господня // Храм Вознесения Господня [Пенза, 2007–2009] URL: <http://vozneshenie.dabor.ru/> (дата обращения: 24.04.2011).

¹⁹ Ларин Н. Из прошлого Тамбовской епархии. Преосвященный Феофил епископ Тамбовский и Шацкий // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 6 С. 749.

ной схеме, воспроизводящей модель Горнего Иерусалима, согласно которой геометрически правильный участок обносился стеной с башнями по углам и высокой колокольней над западными, Святыми воротами.²⁰ Стиль самих монастырских построек можно охарактеризовать как ранний классицизм с элементами позднего барокко. Можно сказать, строительство высокой колокольни – это один из главных моментов в создании монастырского ансамбля. Она являлась основной доминантой, относительно которой организовывалось и внутреннее пространство обители, и внешняя система окружающих ориентиров.

Строительная программа епископа Феофила не ограничивалась обустройством монастырей. «Во время управления паствою тамбовскою, как показывают клировыя ведомости, построено более трехсот храмов в городах и селах по планам, утвержденным и грамотам, выданным епископом Феофилом».²¹ Тамбовский краевед И.И. Дубасов так охарактеризовал любовь епископа Феофила к строительству церквей и монастырей: «Епископ любил строиться; поэтому Тамбовские жители часто видели своего архипастыря на верхних подмостках возводимых им построек. Къ всякой работе он внимательно присматривался и часто давал мастерам более или менее дельные советы».²² Таким образом, эпитеты зодчего и строителя, которыми наделял Г. Хитров персону епископа Феофила, были не образными выражениями, а отражением фактического состояния дела.

²⁰ Бусева-Давыдова И.Л. Развитие композиции русских монастырей эпохи классицизма // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма / Редкол.: Н.Ф. Гуляницкий, М.Б. Михайлова (зам. гл. ред.) и др.; НИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: НИИТАГ, 1996. С. 127–131.

²¹ Хитров Г. Указ. соч. С. 163.

²² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / составитель Ю.А. Мизис. Тамбов: Пролетарский светоч, 1993. С. 92.

ФИЛОЛОГИЯ

С.Ю. Дубровина,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор филологических наук, профессор

Живое слово Православия

Лексика христианских истин, Евангелия и проповеди изначально созидала русский литературный язык. Литургические тексты, церковная обрядность, иконопись, гимнография, книжность – жития святых, поучения, проповеди, паремийные изречения, наставления о монашеской жизни составили богатство русской культуры и русского языка, расширив бытовавшую систему этнического мирозерцания.

Христианство поднялось над понятиями традиций и культуры, оно объединило человечество с вышним миром – миром Божьим. Литературный русский язык сформировался под влиянием апостольского наследия святых Кирилла и Мефодия. Будучи а priori авторитетным, язык Церкви был гармонично воспринят как данный свыше дар для постижения и уразумения смысла жизни. «И ради быша словени, яко слышаша величья божия своим языкомъ», – писал автор «Повести временных лет...»¹

Величайшую роль в жизни крестьянина играл храм. Постоянное посещение церкви, присутствие на службах, пение на клиросе, соблюдение уставов и праздников созидало душу и мышление русского народа.

Народная речь живо воспринимала язык богослужения, сохраняя его в различных видах метаязыковой рефлексии, видоизменяя для пользователя, утверждая свои приоритеты. После принятия христианства лексический состав живого разговорного языка обогатился словами, отражающими представления о Церкви, ее устоях и заповедях. В русском фольклоре опыт веры сформировал

¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XI – начало XII века / Вступит. ст. Д.С. Лихачева. М., 1978. С. 42–43.

такие интересные, богатые историческими сюжетами и христианской мифологией жанры, как библейские рассказы, духовные стихи.

Церковнославянский язык оставил глубокий след в литературном русском языке. Войдя в русский язык и став его частью, он сформировал русскую ментальность, гносеологию неземного разума, обращенного к земной жизни. Церковнославянская книжность создала русский литературный язык.

В церковных памятниках, пришедших на Русь, было сокрыто богатство сложных и тонких переживаний мистического и аскетического характера, достоинство высоких смыслов. С принятием христианства русский язык обогатился новыми, книжными элементами.

Изучение церковнославянских элементов в русском языке всегда считалось одной из важнейших задач исследования его истории. При этом почти не изучено влияние церковнославянского языка на русские диалекты.

Между тем очевидно, что приобщение народных масс к Церкви, знакомство с христианскими текстами способствовало демократизации книжного языка и проникновению в него народных элементов. На протяжении веков, обращаясь к богослужебным текстам, народ производил отбор «активных» и «пассивных» церковнославянизмов для употребления в устной речи. Христианские символы, питающие национальный язык и вошедшие в него вместе с созданием письменности, попадая в диалект и вживаясь в народную крестьянскую среду, адаптировались, приобретая специфические языковые черты диалекта.

Анализируя процесс проникновения книжного языка в живую языковую стихию, А.А. Шахматов отмечал: «Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом облики можно было только ненадолго: в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облакающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей»².

² Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925. С. 12.

Церковнославянизмы переосмысляются в живой речи и передаются в народной этимологии³. Порой в бытовых ситуациях возникает ассоциативное сближение с книжным словом: *подм. Пастырь, я.м.* – надоевший, постылый человек: «Пастырь ты для меня, уходи, – так жена мужу говорит, если пьет он или еще што»⁴. Сближается фонетика прошедшего времени глагола «постыл» (*опостылеть* – надоесть) с церковным «пастырь». Слово «пастырь» – явный церковнославянизм, которому в русском языке соответствует слово «пастух»).

По поводу возгласов, призывов, завершающих молитвы слов, весьма ценно примечание В.И. Даля: «Алалá, алалúя ж. тмб., пен. Вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица. Несет такую алала с маслом, что уши вянут»... Спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (аллилуйя) и сами дивятся неприличию поговорки»⁵.

Сблизившись с разговорным языком, книжный язык не растратил своего богатства, не «измельчал» и не опростился, но сам стал шире, сильнее в своих выражениях, доступнее.

Проницаемость и открытость лексики как уровня системы языка позволяет ей вбирать в себя на пути своего формирования множество заимствований, формировать стилистические слои речи, включающие историзмы, архаизмы, просторечия, окказионализмы, неологизмы. Лексику вероучения, христианских истин можно назвать «церковной», но в таком случае определяется только сословно-профессиональное значение термина. Избранное нами определение «христианская лексика» шире, так как относится не только к церковным референтам, но и к семантическому наполнению, которое эта лексика привнесла в русский язык, развив, переосмыслив многие повседневные понятия (вера, слава, мир, падший, душа, царство, истина, свет, род, благо, быть, сущность, просвещать, закон).

³ Дубровина С.Ю. Народная этимология в лексике веры и церкви // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. Вып. 8. С. 172–177; Ее же. Вариантное прочтение содержания языкового знака при мотивации, основанной на случайных сближениях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2005. № 5. С. 124–130.

⁴ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1968. С. 337.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1994. Т. I. С. 25.

Христианская лексика прочно вошла в «систему систем» – литературный русский язык, став доступной не только кодифицированной системе языкового выражения, но и разговорному русскому языку. Как отмечает О.Г. Порохова, в летописях и «житейном жанре» письменных памятников «широкое распространение имеет преимущественно уже ставшая общеупотребительной церковная лексика, выходящая по существу за пределы чисто церковного языка, например, слово «рождество», «христианин»... и далее ... «причащати», «молебен», «рай», «архангел», «псалом», «моление», «христороубы», «праведник» (большая часть Есиповской, Ремезовской летописей); «амвон», «диптих», «митрополия», «архидиакон» (последние главы Толстовского списка); «церковь», «синодик», «христианин», «молитва», «святой», «православный» («Есиповская летопись»)⁶.

Воронежская исследовательница В.Ф. Филатова замечает, что «наименования церковных обрядов и таинств вошли в народную речь» и называет лексемы повседневного обихода – *благословлять, обрुчатся, обедня, вечерня, свечи ставить, лампадку зажигать, ладаном кадить, Евангелие выносить, плащаницу выносить, сенишная, говеть, моление, молитва, питимью наложить, исповедаться, каяться, канун, креститься (крест положить), кропить святой водой, молебен служить, освятить* и др.⁷.

Сформировавшийся в области ратификации христианства языковой паритет мы оцениваем следующим образом.

Церковнославянский язык всегда был и остается безукоризненным в отношении догматики православия, формировавшей духовные ценности многих поколений русских людей разного сословия и образа жизни.

Но и «язык народного православия», характерный для крестьянского сословия и простых слоев населения, не следует считать искаженным церковнославянским языком. Это русский язык в его диалектном «изводе», вобравший в себя церковнославянизмы с одновременной транслитерацией культурной семантики.

⁶ Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века: Дис. канд. филол. наук. М., 1952. С. 400, 401.

⁷ Филатова В.Ф. Акциональная церковная лексика в составе обрядовой (на материале говоров восточной части Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. 1995: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 80–81.

Церковные слова давно стали достоянием литературного русского языка. Заимствования обрусели, и многие слова, подвергнутые когда-то транспозиции, уже на протяжении многих веков воспринимаются только в этом, транспозитивном, значении. Гречизмы воспринимаются как старославянизмы и составляют высокий стиль русской литературы.

С другой стороны, на первом этапе становления русского языка праславянская семантика слов изменялась под влиянием церковнославянского. В результате эволюции новые «христианские» семантики прочно утвердились в русском языке и сосуществуют с исходными. Поясним сказанное на примерах.

Общеславянское *jъstь (истый), давшее жизнь существительному «истина», известному в древнерусском, украинском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, древнепольском⁸, в современном русском языке обладает семантикой экзистенциальности («истина» – «то, что существует в действительности, отражает действительность; утверждение, суждение, проверенное практикой»⁹), но в то же время известно и в связи со значением, пришедшем из церковнославянского, в котором истиной называется христианское учение (Огласит их словом истины!). Ср. «святая истина», «повторять старую истину»¹⁰.

Праславянское «слава» было переосмыслено под влиянием переводов с древнегреческого и молитвы «Слава:» (ср. греч. δόξα σοί, ο θεός ημων, δόξα σοί «Слава Тебе, Боже наш, слава тебе!») и в русском языке составляет семантический узел с «парящим» над всеми смыслами словом «Бог»: ср. разговорное *не слава Богу*, (*Опять у него дома что-то не слава Богу* – неблагополучно)¹¹.

Как мы видим, в итоге сосуществования генетических и христианских значений возникло языковое явление, которое можно назвать «взаимодополнительной дистрибуцией семантик праславянских слов: генетической и церковной».

Христианское знание диалекта питалось книжным русским языком. Впоследствии, в эпоху интеграции территорий и разви-

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986. Т. II. С. 142.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. С. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 632.

тия коммуникаций, на диалект стал оказывать огромное влияние русский кодифицированный язык.

Как известно, эпоха «чистого диалекта» – просторечия, обслуживающего исключительно узус конкретной местности, давно миновала. На протяжении по крайней мере всего XX века под «местным языком» подразумевается диалект, сопряженный с большой долей привнесений из общеразговорного и кодифицированного литературного языков. Литературные образцы речи, информативный язык прессы, радио, средств массовой информации в настоящее время составляют основную лексическую часть говоров.

Исходя из современного состояния диалектных систем в целом, уверенно можно говорить о литературном русском языке как основном источнике формирования христианской лексики для диалекта. По отношению к церковно-славянскому языку это будет вторичный источник, посредник, воспринявший систему нравственных ценностей христианства от своего книжного, переводного предшественника.

Рассматривая соотношение христианской лексики в разных языковых системах, мы должны отдавать себе отчет в том, что область выражения религиозных смыслов находится в пределах кодифицированного литературного языка и разговорной речи, составляющих «систему систем» – русский язык.

Термины «кодифицированный литературный язык» (КЛЯ) и «разговорная речь» (РР) были дефинированы в известной коллективной работе «Русская разговорная речь» (1973), где они противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. При этом под разговорной речью предполагается любая речь в устной форме, любая речь городского и сельского населения, бытовая речь носителей литературного языка, содержащая в себе фактор непринужденности. «Понимая указанным выше образом непринужденность речи, – пишут авторы работы, – мы считаем, что РР обслуживает частную, неофициальную сферу общения, что оппозиция общественной сфера // частная сфера соответствует разграничению КЛЯ и РР»¹².

¹² Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973. С. 5, 23.

Адаптированная часть церковнославянского языка входит в диалекты через посредство русского литературного языка. Христианская лексика в диалектах вовлекается в языковую систему каждого из говоров с учетом присущих ему особенностей.

Стремясь к своему генетическому источнику, христианская лексика в диалектах выполняет консолидирующую функцию, сближая диалекты с русским литературным и церковнославянским языками.

И.К. Носова,
кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Роль церковно-славянского языка в становлении и развитии речевой русской культуры

Первые памятники славянской письменности были созданы первоучителями Кириллом и Мефодием как переводы греческих богослужебных книг. В лингвистике этот язык называется старославянским. В основе своей он отражает древнеболгарский язык, на котором говорили выходцы из города Солуни (Фессалоники, Салоники) – родины Кирилла (Константина) и Мефодия.

Памятники этого языка появились в X–XI века у племен славян, принявших христианство: у болгар, чехов, сербов, русских, моравов, хорватов, поляков и др. Но в наибольшей мере он отразил южно-македонский (солунский) диалект древнеболгарского языка. Вместе с тем он был гораздо богаче и шире своей народноязыковой основы, особенно в словарном составе: он вобрал в себя элементы других славянских языков, а также много лексико-фразеологических богатств из международных языков древней культуры – греческого и отчасти латинского.

Памятники старославянского языка созданы на основе двух азбук: глаголицы и кириллицы. Так как тексты, написанные Кириллом и Мефодием, до нас не дошли, то первоначальный строй языка определяется учеными лингвистами путем тщательного филологического анализа. Старославянский язык играет роль общеславянского литературного языка, потому что принадлежит к единой славянской культуре. С XI века появилось несколько редакций или изводов этого языка, которые отражают живую языковую среду своих народов: болгарскую, сербскую, русскую и др. Именно этот, пропитанный чертами местной славянской речи старославянский язык принято называть церковно-славянским.

Естественно, что церковнославянский язык претерпел значительные изменения по сравнению со старославянским языком эпохи Кирилла и Мефодия: например, утратил носовые гласные. Это произошло под влиянием русского языка, в котором на месте

этих носовых звучали У и А: звУк, пУтати, имЯ, опЯть. Сравнивая церковнославянские звуковые особенности, словарный состав, грамматический строй с русскими языковыми чертами, ученые обнаруживают взаимообогащение этих языков, которое отражало глубокое влияние православной христианской культуры на древнюю русскую цивилизацию.

Славянские языки делятся на группы: южно-славянскую (болгарский, сербский, славянский, вымерший старославянский), восточно-славянскую (русский, украинский, белорусский, вымершие полабский и акшубский). Южная и восточная группы славянских языков имеют больше звуковых особенностей, общих для них, чем западная. Это сближение показывает, что в своей исторической судьбе восточные и южные славяне были тесно связаны.

В их объединении важную роль играл старославянский язык, будучи языком православия. Важнейшие глаголические памятники: «Киевские листки» (X век), Зографское, Марейское и Ассеманиево Евангелия, «Симайская псалтирь» и «Синайский требник», «Сборник Клоца» (XI век); кириллические памятники: «Савина книга», «Супрасльская рукопись» и «Остромирово Евангелие» (XI век). Их изучение позволило лингвистам установить систему звуковых и грамматических форм на древнейшей ступени существования славянской речи, когда еще письменности не было, а единую, нераздельную общность, как доказано историей славянства, представлял праславянский язык – основа всех славянских языков, сравнение с которой помогает восстановить их отдельную историю.

Это касается, в частности, и русского языка, в котором звуковая система прослеживается в развитии от древнейшей поры до современного состояния.

Церковнославянский язык имел специфические звуковые особенности, которые отличали его от языков восточно-славянской группы, в том числе и русского. Например, неполногласное сочетание РА, ЛА, РЪ, ЛЪ (в русском им соответствует полногласия ОРО, ОАО, ЕРЕ, ЕЛО. Сравните: гРАдъ – гОРОд, мРАзъ – мОРОз, бРЕгъ – бЕРЕг, гЛАдъ – гОЛОд, мЛЕко – мОЛОко). Или особые палатальные (мягкие) согласные ШТ и ЖД, которые развились из доисторических групп Тj и Дj) и которым в русском языке

соответствуют согласные Ч и Ж (хоШТ-еши – хоЧешь, хоЖДе-ние – ис-хоЖен). В русском языке далее различается звучание слов с исконным гласным звуком Е под ударением после мягкого согласного: здесь в XIV–XV веках этот Е стал произноситься О после мягких согласных. А в словах, которые больше употреблялись в церковно-славянских текстах, звучание Е не изменилось. Так возникали современные параллельные звуковые варианты слов: сравните русские одЕжка, надЁжный, совремЁнный и слова церковно-славянской огласовки одЕжда, надЕжда, совремЕнный.

Приведем другой пример различного произношения церковно-славянских и русских элементов слова. Многие современники чувствуют стилистическую официозность, возвышенность слов, которые начинаются с приставки раз- или рас-: «рассказ», «расчертить»; разговорность, обыденность звучания слов с префиксом роз- или рос-: «россказни», «росчерк», «розвальни».

Есть и другие звуковые отличия русских по происхождению слов, а также появление новых звучаний в результате изменений в русском языке в период исторического развития, когда были уже памятники письменности. Они создают особое звучание, отличное от произношений церковно-славянских слов, которые тем самым выделяются в составе русского словаря. Но, кроме того, словарное богатство церковно-славянского языка развивало в русской лексике способы выражений новых значений, особенно абстрактного характера, терминологического употребления, культурно-просветительской семантики и самое главное – христианско-православной веры. Таковы, к примеру, слова «милость», «воскресение», «боуки» (буква), «кънижъник», «писание», «стихъ», «тетрадь», «милосердие», «добронравие».

Особенное влияние оказал церковно-славянский язык на формирование духовной культуры русского народа. Много внимания этой высокой миссии, когда в условиях православной веры церковно-славянский становился буквально вторым родным языком для каждого воцерковленного человека с младенчества, уделяет профессор Православного Свято-Тихоновского Богословского института Т.Л. Миронова. Она доказывает, что слова церковно-славянского языка несут в себе энергию Божией силы, что они, благодаря православным молитвам, строят жизнь человека. Вместе с тем они создают защитительную сень от ловчей сети теле- и радиоэфиров.

Действительно, человек, который осознал, что жить по заповедям – не просто исполнять запреты «не убий, не укради, не лжесвидетельствуй» и «чти отца и мать своих», а сделать эти моральные установления православия принципами своей жизни. Это не просто запреты и призывы, потому что они исходят из глубокой веры в то, что все в мире имеет Божественное происхождение.

Только тогда человек придет к гармонии внутреннего мира и всех проявлений мира внешнего, когда он глубоко верует в Божественную сущность мироздания, почитает его и смиряет пред ним свою гордыню, не творя для себя идолов; входит в общество православных – Церковь Господа, не причиняет людям зла, проявляет справедливость, совесть в семье и в обществе, чтит труд и плоды его и не завидует чужому богатству. Именно эти нравственные принципы помогли человечеству на протяжении более двух тысячелетий выстоять и сохранить свою аутентичность в стиле, присущем идеям Божественной справедливости. Несмотря на дьявольские соблазны, люди видят в числе своих приоритетов любовь как основу взаимоотношений между членами общества. Человечество в состоянии отделять трудности и испытания от злых сил от уныния и безысходности, если его жизнь строится в согласии, гармонии с Божественным миром.

В этой постоянной борьбе добра и зла, в отстаивании своей независимости и государственности от различных захватчиков русскому народу помогало и помогает высокая культура старославянской письменности и церковно-славянского языка. Получив их в конце X века, он распространил эти ценности на территории Киевской Руси, а старославянская письменность в виде кириллицы живет в наши дни и продолжает развиваться, подвергшись реформированию лишь один раз, в эпоху Петра I, и усовершенствованию в советский период, в 1918 году.

Здесь же, в древнем Киевском государстве, началось взаимодействие старославянского (затем – церковно-славянского) языка с древнерусским литературным языком. Первый, облачая формы русских слов в различные звуковые варианты, способствовал увеличению богатства второго, ибо русский язык на протяжении веков вбирал в себя целые пласты слов и фразеологических оборотов славянского происхождения. Ограничимся здесь в данном случае только лексическими примерами. Так, в образовании церковно-

славянских слов используется оригинально оформленные звуко-сочетания и корни особой, торжественной семантики, но различные суффиксы, приставки, сложение основ, которые сообщают этим словам патетическое или, наоборот, сниженное звучание. Ушли в прошлое такие слова, понятные, однако, русскому человеку, как «радостотворити», «человеколюбовствовати», «многоглаголание» и др. Судьба других слов из церковно-славянских источников оказалась иной в русском языке. Они то находили использование в речевом обиходе народа, то уходили в небытие, чтобы снова возвратиться, то вновь призываются для того, чтобы выразить потребности нового общества. Примеры таких слов: «милосердие», «щедрость», «дерзать», «долготерпение», «многотрудный». Сравните сниженные по стилю слова: «торжище», «стяжание», «злонравный». Есть и такие слова, которые постоянно используются в русском языке для создания соответствующего стилистического звучания: то приподнято-оптимистические, то критически-саркастические (с разной мерой осмеяния). Сравните по выразительности стилистических оттенков следующие группы слов: «достойный», «великодушие», «совесть», «умиление», «создание», «жертва», «животворящий» и «раболепие», «малодушие», «мзда», «стяжательство», «развращаться».

Впервые попытался навести порядок в использовании славянизмов в русской литературе М.В. Ломоносов, создав теорию трех «штилей». А.С. Пушкин практически освоил стилистические возможности славянских слов для выражения торжественного, официального, фамильярного, интимно-ласкового, шутливого и сатирического в своих многочисленных произведениях. В дальнейшем интерес к славянскому речевому богатству продолжал и продолжает развиваться в русской классической, советской и современной литературе.

Таким образом, церковно-славянский язык – это мощный резерв и источник духовного семантического, звуко-оформительного, словообразовательного и стилистического обогащения русского литературного языка¹.

¹ В статье использованы материалы кн.: Полный православный богословский энциклопедический словарь / Репринтное изд., рекомендованное к печати Отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. М., 1992. Т. 1,11; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин М., 1979; Свирелин А., прот. Церковно-славянский словарь. М, 1997. Изд. 7.

Л.Ю. Евтихиева,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
руководитель НМЦКА,
кандидат филологических наук, доцент

Прецедентный текст в эпистолярном наследии преподобного Амвросия Оптинского

Возвращение интереса отечественной гуманитарной науки к изучению святоотеческого наследия потребовало пересмотра и методологических, и методических подходов. В активную практику, включая студенческую, вошли термины и понятия: религиозная филология, литературоведческая аксиология, лингвистическая апологетика, христоцентричность, соборность, православный менталитет, религиозная картина мира и пр.¹. Необходимость обучения всех слоев населения азам духовных традиций осознава на уровне государства и общества. В связи с чем, как никогда актуальной становится задача обучения нашего современника навыкам чтения трудов выдающихся представителей русского Православия².

Эпистолярное искусство, традиция ведения дневника – почти совершенно исчезнувшая практика духовной жизни образованного общества, знак уходящей культурной эпохи. Причина по-

¹ Более детально проблемы становления новой гуманитарной науки о прочтении культурных смыслов рассматриваются, напр., в работах В. Руднева, И. Есаулова. См.: Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001; *Его же*. Морфология реальности: Исследования по философии текста. М., 1996; *Есаулов И.* Категория соборности в русской литературе. М., 2002; Пасхальность русской словесности. М., 2004; *Его же*. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М., 2008. С. 50–58.

² Здесь мы имеем в виду эксперимент введения в школьный курс «Основ религиозной культуры». В этой связи заметим, что успеху нововведения могло бы служить совершенствование основных школьных курсов, как то: русский язык, литература, история. Более подробно об этой идее см.: Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 22–23 марта 2006 / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. Тамбов, 2007; Православная история и традиционная культура: Материалы международной научно-практической конференции. 22–23 марта 2008 / Науч. ред. Л.Ю. Евтихиева. Тамбов, 2009; Духовное краеведение: Программа курса регионального компонента базисного учебного плана. Тамбов, 2007.

добных культурных изменений – новые условия коммуникации, вместе с которыми меняются и язык, и речь современника. Резко ускорился темп коммуникации, возросла динамичность ритма жизнедеятельности. Наши усилия более всего направляются на то, чтобы справиться с количеством информации, когда информационный шквал каждодневно искушает природное свойство человека быть интеллектуальным творцом новых смыслов. Семантические поля современного языка, вынужденные приспособляться к возрастающей скорости коммуникации, зарастают «лингвистическими плевелами»: варваризмы, макаронизмы, вульгаризмы, сленг и пр. Угнетаемое языковое сознание наблюдает тенденцию сокращать коммуникацию до минимальной фразы, которая является не приглашением к диалогу, а предупредительной отсылкой к стандарту, клише, лишённого теплоты лично-согретого смысла³.

Иную сторону мысли и иную речевую практику найдем в эпистолярном наследии преподобного Амвросия Оптинского. Трудности восприятия языка святоотеческого наследия, как показывает нам личный педагогический опыт, объясняются иной картиной мира, иным языковым сознанием, иным типом конструирования речи авторов, отдаленных от нас во времени и в культурном пространстве.

О принципиальных изменениях речевой практики русского языка писали представители филологической науки начала XX века. Так еще в 1925 году Г.О. Винокур, отмечая изменения словаря, стилистических свойств слов и оборотов речи, писал: «Штампованная фразеология закрывает нам глаза на подлинную природу вещей и их отношений, ...она подставляет нам вместо реальных вещей их номенклатуру – к тому же совершенно неточную, либо

³ О проблемах культуры современной речи и причинах кризиса русского языка читайте, напр., в работах: *Баранов А.Н., Паршин В.В.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 2003; *Виноградов С.И., Платонова О.В.* и др. Культура русской речи. М., 1999; *Караулов Ю.Н.* Культура языка и языковая критика. Русский язык в эфире: Проблемы и пути их решения // Материалы круглого стола. М., 2000; *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации.* М., 2004; *Язык и стиль средств массовой информации.* М., 2002; *Бушев А.* Русский язык и современный социум: языковая динамика // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина. М., 2008. С. 41–43.

окаменевшую... Поскольку мы пользуемся ничего не значащими лозунгами и выражениями, то бессмысленным, ничего не значащим становится и наше мышление. Можно мыслить образами, можно мыслить терминами, но можно ли мыслить словарными штампами?»⁴.

Такая постановка вопроса актуализирует проблему использования прецедентных текстов как материала порождения аксиологического вывода. Каков же прецедентный текст в эпистолярном наследии Амвросия Оптинского?⁵ Изучение прецедентных текстов в составе писем преподобного старца позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения русской языковой картины мира и православного сознания. Весь строй языка преподобного Амвросия устремлен к образу мысли, соподчиненной системе церковнославянской традиции, прецедентность которой очевидна. Обилие цитат библейского происхождения, опора на греческие этимологии и, вместе с тем, яркая этнокультурная самобытность речемышления представителя южнорусской региональной традиции – все это заставляет задуматься о том, что старцу-наставнику приходилось действовать в условиях межкультурной коммуникации, т.е. постоянно варьировать избранный прецедентный лейтмотив в тональностях этнокультурного перевода.

Еще со времен немецкого филолога Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835), старшего современника старца, а также Александра

⁴ Винокур Г.О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925. С. 84–86.

⁵ Прецедентные тексты – стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре и которые допускают в этой связи особые формы их использования. Особую роль играют прецедентные тексты в межкультурной коммуникации. Явление прецедентности рассматривается как одно из важнейших средств межкультурной коммуникации. Прецедентный текст, или интертекст, в сжатом виде способен передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладает особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией. Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного текста адресатом. Это соответствует тезису М.М. Бахтина о том, что художественный текст представляет собой диалог автора не только с читателем, но и со всей современной, предшествующей и последующей культурой. См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1987; Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре; Щурина Ю.В. Прецедентный текст в межкультурной коммуникации // Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: Человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12–16 апр. 2005 г.) / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2005. С. 257.

Афанасьевича Потебни (1835–1891) понимание речевого произведения сопрягалось с духовной жизнью народа, ставился вопрос о влиянии характера языка на субъективный мир⁶.

Будучи носителем национального характера русского человека XIX века, своим мировосприятием старец восходил к древней церковнославянской традиции, стержнем которой является христианское вероучение и православное мировоззрение. Эпистолярное наследие преподобного – свидетельство того, что в воцерковленной среде русских людей XIX века церковно-славянский был не только языком богослужения, но языком художественной литературной традиции, а также языком общения. Подтверждение тому найдем и в морфологии, и в синтаксисе, и лексике писем. Однако это отдельная проблема. Мы же остановимся на одном лишь аспекте: своеобразии и экспликация в духовном наследии преподобного Амвросия Оптинского пространственно-временных (хронтоп) ориентаций речемыслительных моделей как основных координат мировосприятия.

Как считают социолингвисты, небывалое ускорение темпа жизни, динамика цивилизации привели к тому, что порождаемые формы, в нашем случае тексты, очень быстро теряют свою актуальность, «устаревают». Этот феномен получил название – «сокращение настоящего». Русский язык имеет специальные механизмы, расширяющие настоящее за счет того, что данные механизмы имеют большую когнитивную значимость⁷. Одним из таких меха-

⁶ Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, о действительности; в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках. В языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений, поэтому говорят о языковой картине мира, которая выступает как своего рода «коллективная философия», – язык ее «навязывает» в качестве обязательной всем носителям этого языка.

⁷ В данном случае таким механизмом считается грамматическая форма настоящего времени в русском языке. См.: *Шевцова С.В.* Использование религиозно-библейской метафоры в языке литературы, искусства и политике: Учеб. пособие по англ. яз. для ст. курсов / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М., 1989. В древнерусском, в сатрославянском языках, как убедительно доказывали Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман, отражено иное, в сравнении с современным языком, представление о времени. См.: *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3-х т.т. Т. II. Таллинн, 1992. С. 108–109; *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979; *Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация // Тезисы пленарного доклада II Международной конференции РКА «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты». М., 2004.

низмов является переосмысление прецедентного текста в конкретной речевой ситуации. Как мы понимаем, старец пользуется прецедентностью текста как механизмом расширения настоящего. Такое свойство организации языковой категории времени многое объясняет в восприятии феномена времени, зафиксированного в русской картине мира. Становится понятным естественное для русскоязычных православных бережное сохранение традиций первых христиан и первых источников святоотеческой литературы и, главное, восприятие этих традиций и учений как актуальных для сегодняшнего дня. В современном механизме расширения настоящего и создания актуального бытия говорящего можно увидеть неутраченную связь с восприятием времени в древнерусской картине мира.

Секрет иного мировосприятия приоткрывает письмо преподобного некой матери, которая просит наставить ее сына, которой утратил стремление к добру по причине, что де в Евангелии сказано о конечной победе зла⁸.

«Скажите вашему сыну: зло уже побеждено... Сыном Божиим Иисусом Христом, Который ради сего и снисшел с неба на землю, воплотился, пострадал человечеством и крестными Своими страданиями и воскресением сокрушил силу зла», – отвечает старец. И далее: «Где же тут торжество зла над добром? И вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое, временное. С другой стороны, несправедливо и то, будто человечество на земле постоянно совершенствуется... В христианско-нравственном же отношении всеобщего прогресса нет...

Желание трудиться на благо человечества – весьма благовидное, но поставлено не на своем месте. Царственный пророк святой Давид говорит: сперва уклонись от зла, а потом уже сотвори благо (Пс. 33,15). У нынешних же людей дело выходит иначе. Все хотят на словах трудиться на благо ближним и нисколько не заботятся о том, что наперед нужно самим уклониться от зла, а потом уже заботиться о пользе ближних».

Старцу кажутся подозрительными сами слова «самопомощь», «самодеятельность». Старинные люди говорили: Без Бога не до

⁸ Преподобный Амвросий Оптинский. Умудряйся и смиряйся: Сб. писем / Сост. В.В. Каширской. М., 2005. С. 93–98.

порога. Сам Господь в Евангелии говорит: «Без мене не можете творити ничесоже»⁹. Старец не видит прогресса и в современной науке: *«Не думаю, чтобы нынешние ученые так хорошо знали и понимали, например, мифологию и вообще классическую древность, как их знали и понимали Василий Великий и Григорий Богослов»*.

Мы позволили себе такую длинную цитату лишь потому, что в ней явно представлена иерархия духовных ценностей, дающая направление мысли старца-наставника. Во-первых, это знание Евангелия, раскрывающего помысел Божий о человеке. Во-вторых, «псаломское слово», вобравшее в себя ветхозаветную мудрость, взлелеянную веками. В-третьих, апостольское наставление и предупреждение. В-четвертых, святоотеческие уроки жизни. В-пятых, мудрое слово народной русской пословицы и поговорки. И эта иерархия в мировосприятии старца надвременна и надпространственна, так как она истинна, не подвластна изменчивости прогресса, творимого тщетой человеческой гордыни.

В устах старца общеизвестная истина, до конца соблюденная и не переиначенная, чудесно наполняется современным смыслом, так как она сохраняет архетип, который пытается реформировать представитель иной культурной тенденции. Речь писем старца, как правило, спокойна и нетороплива. Однако преподобный показывает способность к жесткой полемике, если речь идет о ереси. Таково письмо¹⁰ к некоей сестре, просящей наставления для брата, который *«был хороший христианин, но теперь от современных столкновений поколебался относительно учения Православной Церкви»*.

Прецедентный текст письма старца довольно часто опирается на фольклорную традицию. В данном случае фольклор мы рассматриваем не только как словесное произведение, но как вообще род народной созидательной деятельности на основе устной традиции. В письме от 1881 г. старец пишет монахине, надо думать Казанской женской общины¹¹: *«Недавно подарили мне ковер, на котором красиво изображены утки. Я пожалел, что не догадался тут*

⁹ Ин. 15,5.

¹⁰ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 77.

¹¹ Там же. С. 176.

же выставить и гусей, так как на ковре осталось еще много места. Мысль такая мне пришла потому, что свойство и действие уток и гусей хорошо изображают свойство и действие страстей, тщеславие и гордость. ...Тщеславный, если имеет благовидную и красивую наружность, то охорашивается, как селезень, и величается своею красотью, хотя часто бывает и мешковат как селезень... Гусь, когда бывает что-либо не по нем, поднимает крылья и кричит: «Кага! Каго!». Так и горделивый, если имеет в своем кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит... Если же... не имеет никакого веса и значения, то от внутреннего гнева шипит на других, как гусыня, сидящая на яйцах, и, кого может кусать, кусает. Почему апостол Павел и заповедует, глаголя: не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще (Гал. 5, 26).

Вот к какому объяснению подали повод гусь лапчатый и утка рябчатая... Но не вотще Православная Церковь, перечисляя творения Божии одушевленные и неодушевленные, многократно повторяет Господу песнь: «Вся премудростию сотворил еси». Как видим и здесь, сочетает старец отдаленные друг от друга культуры, отраженные в прецедентных текстах. Заметим, что тема птиц, домашних и диких, довольно часто затрагивается в посланиях преподобного. Поздравляя монахиню с праздником, он просит кланяться «милым гусеняткам, которые бывают иногда милы, иногда же и гнилы»¹².

Как известно из жизнеописания старца, он в юности любил веселость, знал и пел много песен. Не отсюда ли в поздравительных посланиях к духовным чадам упоминания о птицах, ассоциирующихся с персонажами песенной лирики. Вот, например, в письме от 1881 года¹³: «Поздравляю тебя со днем пустынного твоего уединенного Ангела, молитвы которой да помогут тебе и в церковном затворе... К концу марта или раньше прилетят поздравлять тебя кукушка, соловей и канарейка; мастерица пишет, что они уже готовы и расправляют крылья лететь, пока не наступила сырая погода». И следующее за ним письмо¹⁴: «Посылаю тебе обещанную картину, вышитую на материи шелка, – скоро-

¹² Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 196.

¹³ Там же. С. 200–202.

¹⁴ Там же. С. 201.

ходящего странника с бегущим впереди сусликом и сидящими на дереве кукушкой и горлицей... Смотри на эту картину, можешь придумать себе разные толкования: как кукушка кукует, как горлица воркует, как суслик бежит или, стоя на задних лапках, свистит, и как скороходящий странник спешит своих присных навестить. Но скажу тебе: придумывай толкования такие, которые располагают к утешению, а не такие, которые наводят уныние, от которых по псаломскому слову, находит дремота душевная. Не без причины апостол заповедует ко всем: долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите: сия бо есть воля Божия (Фес. 5,17)».

Еще одно поздравительное письмо¹⁵: *«Сегодня твои именины... Твоя храмина, как четырьмя углами, утверждается четырьмя твоими молитвенницами... Стой же сия храмина, твердо и не шатайся, ни вспять, ни на десно, ни на шуе не озирайся. А зри прямо к востоку, от онуже пришедый Господь глаголет о Себе: не приидох, да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца (Ин. 6,38)».*

Сравним с текстом народной песни, имеющей хождение в ареале Тамбовского, Знаменского, Сампурского, Ржаксинского, Мучкапского районов Тамбовской области:

Расти, расти, моя калинушка,
 Расти не шата... ох расти не шатайся.
 Не направо, ох да не налево,
 Ох да ни налево, ты не поломайся.
 Тонкой веткой, ох, да тонкой веткой
 Ты на восток солнца, эх да подымайся.

Образы крестьянской повседневности часто встречаются в текстах преподобного на правах прецедентных текстов. Вот пример назидания о поиске душевного покоя, созданного на основе воспоминания о лоскутной технике домашнего ремесла¹⁶: *«Сказал Господь, на земле скорбни будите (Ин.16,33). «Там хорошо, где нас нет», «Как ни кинь – всё выходит клин». Поэтому люди по нужде и умудряются соединять клины и шивать, чтобы выходил четверугольник».*

¹⁵ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 198.

¹⁶ Там же. С. 205.

Языковая игра, метафоричность, рифма, стиховой ритм – эти приемы речетворчества в письмах старца есть результат творческой переработки фольклорного прецедента в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вот рассуждение о том, как следует относиться к прегрешениям ближнего¹⁷: «Сидор, да Карп в Коломне проживат, а грех да беда с кем не бывает». Другое отношение в предостережении апостола Павла: «Кто соблазняется, и аз не разжигаюся» (2 Кор. 11, 29)... «Аще ли неверный отлучается, да разлучится (1 Кор. 7,15)».

Оптинский старец дал высокий образец почтения к учителю, на всем протяжении подвижничества, благодарно вспоминая своего учителя архимандрита Моисея, слова которого не однажды повторял в своих посланиях: «Наше дело – предоставить человеку средства ко спасению, а спасается он или не спасается, – сам смотри».

Через все письма старца проходит мысль о том, что его поучения не порождение воли человека, но трансляция древних заветов. В этом смысле показательны приписки к наставлениям, которые старец делал своею рукой, тогда как основной текст выполнял письмоводитель¹⁸: «Мир всем вам! Хорошо бы и нам!»¹⁹.

Сополагая прецедентные тексты различных эпох и культур, преподобный точно знал, что для Божьего слова нет ни начала, ни конца. Письма преподобного глубоко личностны, однако в них нет своей воли, нет ничего навязанного самостью, что не умаляет величия творческой личности старца²⁰. Простота формы языка

¹⁷ Преподобный Амвросий Оптинский. Указ. соч. С. 170.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Известно, что прп. Амвросий был долгое время письмоводителем у Оптинского старца Макария (Иванова). Письма о. Макария написаны рукою о. Амвросия. Тексты же писем прп. Амвросия записывал его письмоводитель – о. Климент (Зедергольм), выпускник Московского университета, магистр греческой словесности. Его, для смирения, старец называл – писарем.

²⁰ В аналитической философии есть специальное направление – лингвистическая апологетика, толкующая отношения человека с Богом как языковую игру. В этом случае прецедентную форму можно рассматривать как мифологическую, а каждый предмет для мифа уникален и в то же время связан с другими предметами (ср. также парасемантика). Французский антрополог Люсьен Леви-Брюль назвал эту мистическую связь между предметами в мифологическом мышлении партиципацией, то есть сопричастием. См.: Руднев В. Лингвистика языкового существования / Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 14; Юденко В. Пути повышения интеллектуального потенциала нации // «Проза.ру», 2009; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 тт. Таллинн, 1992. Т. 1. Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://lib.ru/> языковая игра (карнавализация).

преподобного старца, равно как и яркая образность, паремийность очевидны. Но сама по себе простота как принцип праведного бытия достигается лишь в результате праведных трудов, совершенствования души. Едва ли многие из многих цитирующих крылатую фразу Оптинского старца «*Где просто, там ангелов со ста*» вполне понимают смысл истины, восходящей к истокам Заповедей Божьих²¹.

Всякий читающий и анализирующий памятники святоотеческого наследия приходит к мысли, что вкус к подобному чтению требует высокой культуры, соответствующего интеллекта.

«Помолись обо мне. Век сей проходит, глагол же Господень пребывает вовеки»²².

²¹ Общественно-политическую значимость аксиологической оценки концепта «ПРОСТОТА» излагается в главе монографии диакона Андрея Кураева. См.: *Кураев А., диакон. В защиту простоты или о ереси гносеомахии / Перестройка и Церковь. Ч. 1* // www.prosvetsentr.ru. В этой связи небезынтересны противоречивые историко-культурные оценки гуманизма как системы духовных ценностей, унаследованной европейской цивилизацией от эпохи Возрождения.

²² *Преподобный Амвросий Оптинский*. Указ. соч. С. 170.

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Протоиерей Игорь Груданов,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
заведующий Отделом религиозного образования
и катехизации Тамбовской епархии

**Роль убеждения и веры в познавательной
деятельности**

Мир, в котором живет и действует человек, познание его законов и способов влияния на них – извечная проблема человечества. Философия, соприкасаясь с действительностью, не может и не должна ограничиваться констатацией существующего положения дел. Стремление к познанию породило науку и методологию научного познания мира. Сложившиеся в науке методы познания, как универсальные, применяемые во всех формах научного познания, так и специфические, характерные для определенных дисциплин, являются результатом исторического развития. Они возникли и развились, когда отдельные группы ученых, часто независимо друг от друга, решали одни и те же типы задач на протяжении длительного времени. Для достижения успеха и взаимопонимания они должны были выработать общие понятия, согласованную терминологию, язык научного общения, методы и стандарты исследований. Так начали складываться определенные научные парадигмы (от греч. *paradeigma* – пример, образец).

Теория научных парадигм и ее философское обоснование были выдвинуты в 60-х годах XX столетия американскими историками и философами науки Т. Куном и С. Тулминым. Считалось, что возникшая в определенных исторических условиях, благодаря способности объяснять и предсказывать определенные явления лучше, чем все другие системы знаний, данная парадигма группирует вокруг себя определенный круг ученых, образующих особое научное сообщество.

Взгляды Т. Куна и С. Тулмина резко контрастировали с пониманием науки, сложившимся у философов-неопозитивистов в первой половине прошлого столетия. Неопозитивисты, а также кри-

тические рационалисты исследовали строение научных знаний в основном на примере естественных наук – классической физики, теории относительности и квантовой механики. Теоретические структуры и метод познания, сложившиеся в этих науках, представлялись им познавательным, гносеологическим идеалом.

Однако к середине XX века был накоплен огромный материал, показывающий, что модель науки, выработанная неопозитивизмом и критическим рационализмом и учитывавшая лишь ее логическую структуру, но игнорировавшая ее социальный, исторический, религиозный, языковый и психологический контекст научной деятельности, не соответствует действительности. Поэтому и была выдвинута новая концепция-теория научных парадигм.

Однако еще в XVII–XVIII веках делались попытки перенести методы математики, естественных наук в сферу общественного познания, методы механики в биологию. И так как эти методы были просты и не учитывали специфической сложности и своеобразия новых областей применения, то это как будто бы подтверждало правильность концепции парадигм.

В современной же науке подобные переносы не только участились, но и стали условием дальнейшего научного познания. Так, для разработки теории искусственного интеллекта потребовалось объединить в одном комплексе весьма разнородные знания. Среди них – знания, относящиеся к физике, химии, лингвистике, психологии, нейрофизиологии, социологии, логике, философии. Таким образом, новый этап в развитии науки потребовал нового подхода, новой философской концепции научных знаний. Этот этап получил название концепции синтагмы (от греч. *syntagma* – нечто соединенное).

Синтагма¹ представляет собой особую систему знаний, построенную из разнородных по своему происхождению подсистем, объединяемых для решения определенного комплекса сложных, неоднородных задач, неподдающихся решению на основе какой-либо одной или нескольких научных дисциплин. Образование синтагм происходит не путем механического сближения различных дисциплин, а путем выделения из них определенных блоков, теорий, результатов, достижений, методов, которые затем используются для

¹ См.: Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. М., 2003.

решения специфического нестандартного комплекса задач. Примерами синтагматических систем знаний являются современная экология, теория социального управления, педагогические теории воспитания и обучения, теория искусственного интеллекта и т.д.

Таким образом, на современном этапе развития общества, технологии и науки универсальные методы научного познания и системы знаний, складывающиеся как научные синтагмы, приобрели все большее значение и выступают доминирующей формой развития науки.

В статье рассматривается попытка использования теории синтагм в подходах определения путей взаимодействия науки и религии в сфере познавательной деятельности.

Научные идеи и теории рождаются в головах ученых подобно младенцам. Они выходят на свет незрелыми и беспомощными, и чтобы выжить и набраться сил, они нуждаются в защите и вере. Возникшая теория на первых порах ограничивается объяснением лишь небольшого круга явлений, причем таких, которые явно подтверждают ее. Требуется время для расширения области ее применения, для оправдания используемых ею моделей и методов, для убеждения в ее правоте других ученых, для привлечения их к ее разработке. Такая ситуация типична даже для самых плодотворных теорий. Так, к 1913 году, хотя прошло уже немало времени с выхода основополагающих работ М. Планка (1900) и А. Эйнштейна (1905), квантовая теория еще пребывала в совершенно незрелой форме. Планк писал в то время, что современное состояние теории, основанной на законах излучения, учения об удельной теплоемкости и т.д., изобилует зияющими пробелами и совершенно нетерпимо для настоящего теоретика.

И все же, отдавая отчет в несовершенстве теории, ученые верили в то, что со временем она достигнет зрелой стадии развития и позволит объяснить многие загадочные явления. Вера – состояние субъекта, тесно связанное с духовным миром личности, возникающее на основе определенной информации об объекте, выраженной в идеях или образах, сопровождающееся эмоцией уверенности и рядом других чувств и служащее мотивом, стимулом, установкой и ориентиром человеческой деятельности².

² Философский словарь. М., 1975. С. 359.

Вера и убеждение в гносеологическом ключе выступают как необходимый компонент любого познавательного процесса. В познавательной вере знание переходит в субъективную уверенность, толкает, побуждает, настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь. В этом гносеологическое содержание понятия сознательной веры, уверенности и ее необходимости для развития познавательного процесса.

На роль веры и убеждения в познании обращали внимание многие ученые. А. Эйнштейн говорил, что без веры в возможность охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира, не могло быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества. Отец кибернетики Н. Винер тоже писал, что наука не возможна без веры.

В самом общем гносеологическом смысле вера – это позиция человека, придерживающегося каких-либо представлений без достаточных эмпирических или рациональных оснований. При этом вера не является этими представлениями или суждениями, она есть именно установка или «позиция сознания». Этой позиции могут быть какие-то оправдания (авторитет человека, характер его занятий, особенности воспитания и обучения, факты и рациональные сопряжения), однако окончательных гарантий и доказательств этой позиции приведено быть не может.

Уже давно философы, размышлявшие над природой обоснования и доказательства знания, столкнулись с тем, что должны существовать такие исходные положения, которые не могут быть обоснованы. Ведь, если одни положения обосновываются и доказываются другими, эти другие третьими и т.д., то, чтобы эта цепочка обоснований не уходила в бесконечность, приходится предположить существование таких положений, которые не только сами не нуждаются в обосновании, но и выступают исходным пунктом всего этого процесса. Вот эти-то исходные положения и описывались как основанные не на доводах и доказательствах, а на непосредственной вере. Их специфика заключается в том, что они связаны с исходной позицией человека в мире, с фундаментальными уровнями восприятия и понимания реальности.

Понятая, таким образом, познавательная вера оказывается связанной с общемировоззренческими допущениями, которые не

могут быть окончательно подтверждены или опровергнуты отдельными фактами.

Вера и знание не разделены непреступной стеной. Вера, определяющая какую-то позицию человека, может обосновываться знанием пусть не прямо, а опосредованно. Она получает подтверждение тем способом, каким вообще подкрепляются фундаментальные предпосылки отношения человека к миру – достоверностью и практической эффективностью основанного на них опыта и знания. Вера в этом процессе перерастает в уверенность и убежденность.

Что общего и в чем отличие веры и убеждения? И то, и другое неразрывно связаны с личностью человека. Если знание может быть выражено в ясной форме суждений, понятий, теорий, может быть отчуждено от человека и храниться в виде информации в библиотеках, то убеждение и вера – это неотделимые от человека феномены сознания и познания, а в православном вероучении вера рассматривается как дар Божий. И то, и другое непосредственно соотносятся с жизненным опытом и мировоззрением человека. Вера отличается от убеждения своею непосредственностью и, в конечном счете, не нуждается в аргументах.

Формирование убеждений – процесс, который начинается с внешней стороны (в науке – с образования, с тех научных школ и традиций в которых происходит становление ученого). Но в подлинном убеждении эти внешние факты должны «переплавиться» во внутренней духовной работе личности, пройти через ее самосознание, пополниться собственным опытом и рациональными аргументами.

В самой науке вера и убеждение проявляются в некоторых специфических формах. Наука есть коллективная деятельность по производству знания. Поэтому деятельность любого ученого невозможна без доверия к опыту своих коллег и коллективному опыту науки в целом. Без этого ему пришлось бы все исследовать и доказывать самому, что совершенно нереально.

Ярче всего роль веры в науке проявляется в ситуациях неопределенности – ситуациях выбора проблем и путей их решения, выбора научных программ и традиций. Как показывают исследования, критерии выбора в подобных случаях не сводятся к логическим доводам и эмпирическим процедурам. Решающую роль

в этом процессе играют личные предпочтения ученых или их доверие к авторитету выдвинувшего новую теорию ученого.

Вера и убежденность в своей позиции может проявляться не только в отстаивании новой точки зрения, но и в защите старой. Особенно ясно это проявляется тогда, когда большинство ученых уже отходят от нее, а оставшиеся ее сторонники выглядят консервативными. Но и здесь мы сталкиваемся не с упрямством или неумением понять новое, а с глубокой личной убежденностью в верности собственных представлений.

Таким образом, мы видим, что вместе с верой и убеждением в познание входит личная позиция ученого, включающая познавательную деятельность в целостный процесс человеческой жизни с ее эмоционально-волевыми, ценностными ориентациями, акты свободного выбора. В развитие науки вносят немалую долю борьба убеждений и столкновение уверовавших в определенные идеи ученых, соперничество альтернативных программ и теорий, неожиданная утрата интереса к еще не исчерпавшим себя направлениям исследования, конфликты, ведущие к ломке убеждений, а нередко и творческих судеб ученых.

В истории философии и психологии различают три вида теорий веры³: эмоциональные, рассматривающие веру преимущественно как чувство (Юм, Джеймс и др.); интеллектуальные, в которых вера трактуется как феномен интеллекта (Милль, Brentano, Гегель и др.); волевые, признающие веру атрибутом воли (Декарт, Фихте).

Вера является необходимым элементом индивидуального и общественного сознания, важным моментом деятельности людей. Объектами веры выступают факты, явления, тенденции развития природной и социальной действительности. Они не даны субъекту чувственно и выступают лишь в виде возможности. При этом объект веры представляется существующим в действительности, образно, эмоционально. В качестве субъекта веры может выступать индивид, социальная группа и общество в целом. Вера отражает не только объект, но и отношение к нему субъекта.

С.Л. Франк целую часть своей книги «С нами Бог» посвящает выяснению сущности веры, анализируя несколько ее понятий.

³ Философский словарь. М., 1975. С. 359.

Сначала философ излагает то ограниченное определение веры, которое наиболее распространено в современном мире – интеллектуальное. Вера понимается как убежденность в недоказуемом, как уверенность в том, что доказать точно невозможно, но что вероятно с высокой степенью достоверности.

Религиозная вера отражает отношение человека к Господу Богу. В Новом Завете «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в нем». В Евангельском рассказе об исцелении бесноватой⁴ мы видим твердую и непоколебимую уверенность женщины в осуществлении желаемого и ожидаемого ею события (исцеления ее бесноватой дочери Господом Иисусом Христом), как бы уже совершившегося перед ее глазами. Такую уверенность Сам Господь назвал верою. Но уверенность есть только одна сторона веры. Глубоко веровавший в Бога царь Давид говорит о себе: «Всегда видел я перед собою Господа». Поскольку человек не может видеть Бога, то слова Давида нужно понимать не в собственном смысле. Ими он выражает мысль о том, что Бог, невидимый для него, также несомненен, как и видимые предметы. Этот пример показывает, что верою называется еще уверенность в невидимом, как бы в видимом.

Таким образом, вера есть уверенность в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем и в невидимом, как бы в видимом. Вера, можно сказать, – глаза души. То, что не может быть понято, принято разумом, иногда может быть принято, понято верою. Верою постигается то, что не может быть постигнуто разумом. Таким образом, вера не отрицает разум, но восполняет его⁵.

Православная христианская вера выражена в «Символе веры», составленном в IV веке святыми отцами Церкви, на I и II Вселенских Соборах. Она основывается на откровении Божиим, на слове Божиим, запечатленном в Священном Писании и Священном Предании.

Бог открывается людям не только через Священное Писание (Библию) и Священное Предание (творения святых отцов Церкви Христовой), но и через природу – Свое творение, а также через совесть человека, которая есть в нас, как бы голос Божий, гово-

⁴ Мф. 15, 22–28.

⁵ Иоанн Дамаскин, *прп.* Точное изложение Православной Веры. М., 2003.

рящий, что хорошо и что дурно. И в этом контексте религиозная вера (православная христианская вера) должна стать основой для определения этических параметров познания.

Наука и техника в своем развитии несут не только блага, но и угрозы для каждого человека и человечества в целом. Еще в XIX–XX веках предотвращение нежелательных результатов и отрицательных последствий научно-технической революции стало настоящей потребностью для человеческого общества. В этом аспекте на передний план выдвигается проблема моральной ответственности ученых – этических параметров познания.

Как показывает исторический опыт и практика современной науки, от поддержания высоких этических норм, характерных для познавательной деятельности, во многом зависит «здоровье» научного сообщества. В проблеме этических параметров познания проявляется не только взаимосвязь познавательного и нравственного отношения человека к миру, но и противоречивость процессов, происходящих в современной науке, в ее отношениях с обществом.

В XX–XXI веках произошел сдвиг в оценке этического образа науки. Начиная с античности и вплоть до недавнего времени, научно-теоретическая деятельность изображалась учеными и философами как безусловное благо. Эта оценка не вызывала сомнений до тех пор, пока наука была сравнительно изолирована от общества, от материального производства.

Ситуация стала меняться с середины XIX века, когда наука начала выходить за узкий мир университетских кафедр и стала все более интенсивно внедряться в промышленность, в сельское хозяйство и военное дело. И здесь оказалось, что наука вносит в мир человека не только благо.

Столетие спустя эта этически окрашенная оценка противоречий в развитии науки и техники дополнилась и другими чертами: ученые, открывая путь к использованию все более могущественных сил природы, ведут свои исследования без учета последствий их возможного применения; становясь все более сложными и дорогостоящими, научные исследования концентрируются в немногих странах, что углубляет разрыв между ними и развивающимися странами; наука оказывает деструктивное воздействие на сферу духовной культуры: она подтачивает гуманистические ценности,

вытесняет и разрушает традиционные формы жизни и культуры, приводит к расколу единой ранее культуры на две непроницаемые и противостоящие друг другу сферы – научно-техническую и гуманитарную.

Соотношение научного познания и этики ведется ныне вокруг трех основных вопросов: нравственной ответственности ученого за социальные последствия использования научных открытий; этических норм, обеспечивающих «здоровье» научного сообщества и необходимых для успешной познавательной деятельности; этического содержания и смысла научного знания.

Первый вопрос является наиболее жгучим и неотложным в современной ситуации. Опыт нашего столетия свидетельствует, что применения знания, выходящего за пределы социально-этического контроля, чревато трагедиями. Использование открытий ядерной физики, исследований космоса, научных работ в области генетики, медицины, психиатрии может быть легко повернуто против человека. На первый взгляд великолепные достижения человеческой мысли вдруг отрывают свою вторую сущность. Так, «мирный» атом принес Чернобыль, головолomную проблему: как избавиться от радиоактивных отходов атомных станций, многие из которых продолжают излучать сотни лет. Фантастические успехи геной инженерии открыли перспективу «изготовления» человека по заказу – с заранее заданными физическими и психологическими характеристиками. Надо ли говорить, какой это «подарок» политическим тиранам. Несмотря на протесты видных ученых, эксперименты в этом направлении продолжаютсЯ. Исследователей привлекает сама проблема, возможности ее решения, а что дальше – «это не в нашей компетенции».

Есть ли предел этому посягательству на будущее человечества? Современная практика показывает – нет. В условиях информатизации общества, совершенствования информационных технологий как продукта информационной революции перед человечеством встает ряд психологических, социальных и нравственных задач. В печати появились сообщения о том, что ученые вплотную подошли к созданию электронных машин, которые смогут вмешиваться во внутренний мир человека – читать его мысли, чувствовать его эмоции, управлять его сознанием.

Вся человеческая цивилизация зиждется на независимости нашего мышления. Недаром издревле бытует поговорка, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать его мысли. Что же будет, если они окажутся у всех на виду? Да просто рухнут все писанные и неписанные законы общежития, люди не смогут общаться между собой. Стремление ученых обеспечить быструю и легкую коммуникацию приведет к полному ее уничтожению. И здесь встает вопрос: можно ли вообще ограничить науку только тем, что идет во благо человечеству? История показывает, что до сих пор это не удавалось. Но раз есть яд, то должно быть и противоядие.

Этим противоядием может быть возврат к религии, истинной вере, через осознание, что не всякое знание спасительно для души, а значит и для человека. «Не всякое знание угодно Богу и спасительно для души. Свято знание, когда человек узнает о Боге и об обязанностях своих к нему из слова Божия, так же, как победить свои страсти, о тайне своей души для ее спасения. Не грешно узнавать, по нашему званию, свое искусство, ремесло. И есть знание греховное – пытливость. Например, когда узнают тайны ближних своих, не быв обязаны к тому званием, дознаются о тайнах соседа. Обуздывать жадность в познании есть такая же добродетель, как полагать предел похотям плоти»⁶.

Православное мировоззрение и истинная наука – это два русла, закономерно ведущие к познанию и прославлению Творца. Религия имеет дело с духовным миром и верой, наука – с материальным миром и знанием. Суть истинной веры предельно четко выражена в православном «Символе веры», который от Господа Бога, следовательно, абсолютно истинен и неизменен. Суть истинного знания выражена набором соответствующих физических представлений, то есть парадигмой, которая в качестве постулата принимается на веру людьми, следовательно, не абсолютно верна и по необходимости изменяется со временем.

Духовный и материальный миры и объекты различаются между собой принципиально, как небо и земля, как религия и наука. В них действуют столь же принципиально различающиеся законы: в первом – промысел Божий, пути которого неис-

⁶ *Феофан Затворник, свт. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. Репринт. изд. М., 1995.*

поведимы, а во втором – парадигма. Именно поэтому традиционные научные методы неприменимы для изучения духовного мира. Однако духовный мир, непрерывно взаимодействуя с материальным (телесным), оставляет на последнем свои следы, которые вполне поддаются изучению, и это не есть вторжение науки в запретную духовную область, поскольку не нарушает «Символа веры»⁷.

Недоразумения, предубеждения и антагонизм возникают, когда преходящую «веру» (парадигму) ученых путают с непреходящей верой религии, что ведет к конфузам типа многовекового католического запрета Земле вращаться вокруг Солнца.

При разработке новой физической картины мира современными учеными впервые в качестве парадигмы использовались тексты Священного Писания, отличающиеся, как доказал своим открытием И. Панин, абсолютной достоверностью, что наложило свой отпечаток и на теорию. Религия заняла подобающее ей ведущее место, как это и было в древности. С ее помощью открыты многие новые физические законы. В результате удалось расшифровать физический механизм заболеваний (тайну здоровья), научно определить причастность лукавого к восточным культам, спиритизму, астрологии, парацелительству, лозоходству и т.д.

Мировоззрение включает в себя определенное миропонимание, восприятие мира, отношение к миру, социальные установки, системы ценностей и ориентаций относительно целей развития и средств их достижения. В содержании научного мировоззрения центральное место занимает научная картина мира, представляющая собой теоретический синтез важнейших достижений естественных и социальных наук в понимании природы и общества, их взаимосвязи, происхождения человека, его места в мире. Картина мира не тождественна всему содержанию конкретных наук – последнее значительно шире по объему информации, но в картину мира входят важнейшие достижения науки. Современная картина мира выполняет интегрирующую функцию по отношению к комплексу фундаментальных наук и прикладных теорий. Познание ее содержания способствует преодолению узости кругозора

⁷ Степанов В.М. Символ Веры в естественных науках. Навстречу 2000-летию христианства: Материалы конференции (10 фев. 1999 г.). Новгород, 1999.

ученых, специализирующихся в области частных проблем, оно имеет и важное общеобразовательное значение.

Познание всеобщих свойств и законов мира способствует разработке единых мировоззренческих и методологических оснований науки.

Под основаниями научной теории понимаются ее важнейшие исходные положения и принципы, на которых теория строится и развивается. Различают эмпирические основания, представляющие совокупность важнейших экспериментальных фактов и результатов наблюдений. Большое значение для построения и развития науки имеют также ее теоретические основания, т.е. совокупность ее законов, принципов и существенных положений.

К числу общетеоретических относятся и философские обоснования. Они включают мировоззренческие, гносеологические и социальные принципы, на которых базируется любая теория, создаваемая ею общая или частная картина объективной реальности, а также применяемые в теории методы познания.

Мировоззренческие принципы касаются свойств объективной действительности, понимания мира, его атрибутов и законов развития. Гносеологические принципы касаются понимания объективной ценности научных теорий, сущности научных революций, относительной и абсолютной истины, применяемых в теории методов и их взаимоотношения между собой. Социальные принципы выражают социальную ориентацию развития науки, ее роль в обществе, совокупность политических и моральных норм и ценностей. Указанные принципы в философских основаниях тесно связаны между собой.

Философские основания также связаны с общетеоретическим основанием науки, во многом определяют его, и их нельзя рассматривать в качестве внешнего «довеска» к теории.

Нельзя не признать тот факт, что религиозное мировоззрение, идеалистические представления виделись чуждыми и неприемлемыми в качестве философских оснований. Так, позиция в этом вопросе Ньютона, Бойля, Лейбница, которые стремились включить в естественнонаучные теории принципы сотворения мира, абсолютности пространства и времени, существование предусмотренной Богом гармонии и др., объявлялись чуждыми объективному содержанию научных теорий. Однако физическая картина мира

быстро меняется. Так, механическая картина мира, господствовавшая в физике в XVIII–XIX веках, оказалась ограниченной и в дальнейшем была заменена электромагнитной картиной, которая соединила теории электромагнитного поля и электронную теорию материи. Но и последняя вскоре уступила место квантово-релятивистской картине мира, основанной на квантовой механике и теории относительности.

История показывает, как часто делается вывод, что естественные науки – оплот атеизма. Это является одним из основных аргументов противников введения в программу школьного обучения предметов духовно-нравственного цикла.

В конце XX века были сделаны попытки⁸ дополнить существующую общенаучную картину мира новой физической теорией основанной на религиозном мировоззрении, что обогащает гносеологические и мировоззренческие принципы философских оснований науки и ведет к ее интеграции с религией.

Время, в которое мы живем, отмечено сложными, неоднозначными процессами. С одной стороны, растет население планеты. В развитых странах увеличивается продолжительность жизни, разворачивается научно-техническая революция, позволяющая не только значительно облегчить наш труд, но и выйти в открытый космос, проникнуть в глубины мироздания. С другой стороны, в мире в ужасающих размерах накоплены средства массового уничтожения, истощаются природные ресурсы, загрязняется отходами природной деятельности наша среда обитания. В общем, перед человечеством встает ряд глобальных проблем, требующих срочного реагирования. В разрешение этих проблем вносят свою лепту и искусство, и мораль, и политика, и право. Но самые большие надежды современное общество возлагает на науку. Ведь разработка новейших технологий облегчающих труд и повышающих его производительность, использование новых видов энергии, повышение продуктивности сельского хозяйства – все это связано с новейшими научными открытиями и их внедрением в производство.

В настоящее время мир отступил от Творца и на фоне оскудения духовности и нравственности поклоняется идолу науки. Все

⁸ Вейник А. Термодинамика реальных процессов. Минск, 1991.

это ведет к катастрофическим последствиям в общественной жизни и окружающей среде.

Техника разрушает окружающую природу, мощные ЭВМ грозят в будущем вытеснить и заменить человека во многих сферах деятельности, несанкционированно внедриться в его сознание. Вторжение научных методов в управление и технологию обезличивает общество и делает простого человека придатком научной элиты.

Чтобы человечество не погибло, требуется всеобщее обращение людей науки к нравственным ценностям в своей познавательной деятельности. Господь Бог обратился к миру еще в середине XX века через открытие Ивана Панина (в котором математически доказывается истинность Священного Писания, а значит, и существование Творца). Но это обращение многими учеными так и не было услышано. В Священном Писании Нового Завета говорится: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»⁹.

По данным Института перевода Библии, в Стокгольме еще к 1986 году, Священное Писание было переведено на 1848 языков, и только около 2% населения земного шара не имели на своем языке ни одной его книги. Сейчас оно переводится еще более чем на тысячу «малых» языков, даже если на них говорят лишь несколько тысяч, сотен или десятков человек. Как видим, до всей Вселенной осталось рукой подать, а Господь наш Иисус Христос сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»¹⁰.

⁹ Мф. 24, 14.

¹⁰ Лк. 21, 33.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Тамбовская духовная семинария (краткая историческая справка)	6
Раздел I. Святитель Питирим и духовное наследие Тамбовского края	
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Причисление святителя Питирима к сонму святых в 1914 году. Подготовка к торжествам прославления и их проведение	10
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Прошлое и настоящее соборного храма Преображения Господня в городе Тамбове	23
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Новое чудо святителя Питирима Тамбовского	34
<i>М.А. Климкова</i> Святитель Питирим. Азовские походы и строительство русского флота	38
<i>Г.А. Абрамова, протоиерей Виктор Лисюнин</i> К вопросу об атрибуции рукописных книжных памятников середины XIX века как свидетельствах о чудесах святителя Питирима, епископа Тамбовского	51
Раздел II. Тамбовская духовная семинария в системе образования России	
<i>Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ</i> Тамбовская духовная семинария: предыстория учреждения и первые годы деятельности (1779–1802)	60
<i>Священник Алексей Насонов</i> Тамбовская духовная семинария во второй половине XIX – начале XX века	67
<i>Р.Ю. Просветов</i> Священномученик Феодор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании пастырства	74
<i>О.Ю. Левин</i> «Глубока скорбь любви...» Тамбовский период жизни священномученика Владимира (Богоявленского, 1848–1886)	79

Протоиерей Виктор Лисюнин

Роль православного духовенства в развитии системы народного образования в конце XIX – начале XX века (на примере Тамбовской епархии)..... 91

Священник Иоанн Сутормин

Образование и социальное обеспечение сельского духовенства в XIX веке (по материалам сельских храмов Гавриловского района Тамбовской области) 101

М.А. Климкова

Сергей Александрович Рачинский и церковно-приходские школы .. 111

Раздел III. Научные публикации

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Священник Димитрий Смольянинов

Значение и роль епископата в жизни Церкви (по творениям святых отцов и церковных писателей II–IV веков) 128

ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

В.Д. Орлова

Отражение событий Тамбовской епархии XVIII века в газете «Тамбовские известия», изданной Г.Р. Державиным 135

Протоиерей Петр Лукин

Игуменья Дорофея (Кудрявцева) – первая настоятельница Сухотинского Знаменского женского монастыря 141

В.Б. Безгин, О.А. Самойлова

Сельские приходы Тамбовской епархии (конец XIX – начало XX века) 151

М.К. Акользина

Тамбовские благотворители. Взаимоотношения купечества и Церкви в XIX веке..... 162

С.В. Радецкий, П.П. Щербинин

Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды Российской армии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов 170

Священник Антоний Лозовский

Деятельность внутренней миссии Тамбовской епархии по борьбе с религиозным сектантством в 1905–1917 годы..... 187

Г.А. Абрамова

Из истории взаимоотношений Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовской епархии.
1879 – 2014 годы 193

БОГОСЛОВИЕ

Протоиерей Владимир Кленин

Святитель Феофан Затворник – учитель христианской нравственности и духовный руководитель
ко спасению 200

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО:

архитектура, иконопись,

скульптура, декоративно-прикладное искусство

Священник Едесий Чернышев

Архитектурный образ Свято-Троицкого собора
города Моршанска 206

Протоиерей Валерий Литвиненко,

История строительства Боголюбского собора
в городе Мичуринске 215

М.В. Никольский

Обучение основам иконописи через практическую
деятельность 224

И.Ю. Позднякова, священник Виктор Поздняков

Роль епископа Феофила (Раева) в церковном строительстве
Тамбовской епархии в конце XVIII – начале XIX века 230

ФИЛОЛОГИЯ

С.Ю. Дубровина

Живое слово Православия 241

И.К. Носова

Роль церковно-славянского языка в становлении и развитии
речевой русской культуры 248

Л.Ю. Евтихиева

Прецедентный текст в эпистолярном наследии преподобного
Амвросия Оптинского 253

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Протоиерей Игорь Груданов

Роль убеждения и веры в познавательной деятельности 263

ISBN 978-5-98429-191-0

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Выпуск I

Дизайн обложки – Д.А. Гук
Компьютерная верстка – Т.В. Подковырова
Корректор – В.А. Трофимова

Подписано в печать 14.08.2014 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,57. Тираж 500 экз. Заказ № 2605

Открытое акционерное общество «Издательский дом «Мичуринск»
Отпечатано в обособленном подразделении
«Тамбовская типография «Пролетарский светоч»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а